

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

С. И. Николаев

ЛИТЕРАТУРНАЯ
КУЛЬТУРА
ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

С.-ПЕТЕРБУРГ

1996

Монография посвящена исследованию процесса превращения русской средневековой письменности в литературу Нового времени (последняя четверть XVII—первая треть XVIII в.), когда один тип литературы сменился другим. В центре исследования — влияние культурных новаций Петровской эпохи на литературное сознание, смена культурных ориентиров, изменение писательского самосознания, формирование нового механизма литературных отношений.

Ответственный редактор

А. М. ПАНЧЕНКО

Рецензенты

Е. В. ДУШЕЧКИНА, Д. М. БУЛАНИН

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту № 96-04-16133*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Начало XVIII в. осталось и, вероятно, останется единственным периодом новой русской истории, сохраняющим старую традицию наименования по имени царствовавшего монарха — Петровская эпоха. Дело здесь не только в том, что личность преобразователя России лучше всего характеризует происходившие в культуре и литературе процессы. В характеристике последующих эпох вполне естественно использование названий стилевых направлений или идейно-художественных течений (классицизм, просветительство или сентиментализм). С литературой начала века сложнее, ни одно из предлагавшихся ранее определений разного происхождения — ложноклассицизм, схоластическая литература, предклассицизм, панегирический стиль и даже наиболее приемлемое барокко — не охватывает всех явлений литературы и не раскрывает их художественного своеобразия, а потому и не прижилось в науке о литературе. Словосочетание «Петровская эпоха» хотя и не дает стилиевой характеристики (если в основу типологии литературных периодов положить стилиевой принцип), дает возможность сосредоточиться на стилистическом синкретизме периода и избежать неплодотворной дискуссии о термине.

Хронологически Петровская эпоха должна, казалось бы, охватывать период с 1689 г. (или даже с 1682) по 1725 г., т. е. время царствования Петра I, но на практике под ней понимается период с 1700 по 1725 г., фактически включающий и литературные явления до 1730 г. Хронологические границы эпохи размыты, равно как и ее место в истории русской литературы: в курсах истории русской литературы в нее иногда включают и 1690-е гг.¹ или вся эпоха целиком попадает в древний период истории литературы.² Такой разброс крайних временных пределов связан с тем, что Петровская эпоха считается переломной в развитии русской литературы, деля ее на два периода — древний и новый.³ Многочис-

¹ См.: История русской литературы. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 385—406.

² См.: История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 408—445; Bortnes J. The Literature of Old Russia, 988—1730 // The Cambridge History of Russian Literature / Ed. by C. A. Moser. Cambridge; New York, 1989. P. 1—44; Bristol E. A History of Russian Poetry. New York; Oxford, 1991. P. 23—40.

³ Ср. мнение Д. С. Лихачева: «Близко к этому „переходному веку“ примыкает и эпоха петровских преобразований — эпоха, продолжившая и в известной мере завер-

ленные попытки определить границы «переходного периода» от древней литературы к новой пока не привели к удовлетворительному результату. То обстоятельство, что эту границу ищут в пределах столетия — с середины XVII до середины XVIII в. — лишь подчеркивает уже давно никем не оспариваемое убеждение в единстве русского литературного процесса. Попытка найти точную дату перехода обречена на неудачу, поскольку древняя и новая литературы «не две разные литературы, а одна литература. Культурный перелом не похож на внезапный катаклизм, он не происходит мгновенно. <...> Это — изменчивый и живой, но единый поток».⁴

Если в определении хронологических рамок понятия «литература Петровской эпохи» исследователи расходятся, то они вполне единодушны в оценке ее литературной продукции. А. Н. Пыпин писал: «Время Петра Великого не создало своей литературы в художественном направлении».⁵ Не менее строг был и В. Н. Перетц: «Несмотря на отсутствие внешних стеснений, литература его (Петра I. — С. Н.) времени отличается скудостью».⁶ Д. И. Чижевский кратко охарактеризовал весь период как «литературный вакуум».⁷ Подробно об этом же писал Д. С. Лихачев: «Петровская эпоха — это перерыв в движении литературы, остановка. Такие перерывы знала русская литература и раньше (вторая половина царствования Грозного). Петровское время, разумеется, дало для литературного развития новые, очень сильные исторические стимулы, и это ни в коем случае не следует забывать, но само развитие литературы ничем новым в петровское время не ознаменовалось. Это самая „нелитературная“ эпоха за все время существования русской литературы. В это время не возникло значительных произведений литературы и не изменился ее характер. <...> Новый тип литературного развития вступает в силу со второй четверти или, вернее, со второй трети XVIII в.»⁸ Симптомы упадка литературы при Петре I отмечает и А. М. Панченко.⁹

Эти суждения, безусловно, имеют основания, и нет резона подвергать их пересмотру. Однако при этом не следует забывать, что литература Петровской эпохи далеко не скудна. Так, Стефан Яворский

шившая переход к литературе нового типа — типа нового времени» (История русской литературы: В 4 т. Т. I. С. 15).

⁴ История русской литературы: В 4 т. Т. I. С. 408 (Раздел написан А. М. Панченко). См. также: Берков П. Н. О литературе так называемого переходного периода // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII—начало XVIII в.). М., 1971. С. 19—32.

⁵ Пыпин А. Книжная деятельность времен Петра Великого // Вестник Европы. 1898. Т. 192, № 4. С. 236.

⁶ Перетц В. Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы. Пб., 1922. С. 37.

⁷ Čiževskij D. History of Russian Literature. From the Eleventh Century to the End of Baroque. The Hague; Paris, 1960. P. 393.

⁸ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М., 1979. С. 18. Ср.: «В так называемую Петровскую эпоху, занятую ускоренным развитием экономики и государственности, было „не до литературы“. Петровская эпоха представляет собой в известной мере задержку в развитии русской литературы» (Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973. С. 213).

⁹ См.: История русской литературы: В 4 т. Т. I. С. 420.

написал более 320 проповедей,¹⁰ Димитрий Ростовский — более 100,¹¹ Феофан Прокопович — более 70, причем всего из-под его пера вышло около двухсот различных сочинений.¹² Оригинальная (в том числе пьесы Димитрия Ростовского) и переводная драма представлена десятками произведений.¹³ Исключительно богато стихотворство Петровской эпохи. Правда, если наиболее талантливые поэты Стефан Яворский, Димитрий Ростовский и Феофан Прокопович написали не так уж много,¹⁴ то куда менее даровитый Иоанн Максимович поражал своим многописанием уже современников. По подсчетам П. М. Строева в его книге «Алфавит, рифмами сложенный» (1705) — 10 068 стихотворных строк, в книге «Богородице Дево» (1707) — 23 166 строк и еще 1094 строки в двух предисловиях, в книге «Осьмь блаженств евангельских» (1709) — 5922 строки,¹⁵ а ведь это не все поэтическое наследие черниговского митрополита. Сообразуясь с традицией, не будем приводить имена тех писателей, творчество которых обычно не включается в понятие «литература Петровской эпохи», однако нельзя забывать, что Карион Истомин, например, умер в 1718 или 1722 г., а свои сочинения он подносил Петру I еще в 1690-х гг. С другой стороны, Белинский небезосновательно считал, что «Кантемир не столько начинает собою историю русской литературы, сколько заканчивает период русской письменности».¹⁶

Мнение, что в Петровскую эпоху «производство вещей потеснило производство слов»,¹⁷ справедливо, но это, однако, вовсе не значит, что литературная жизнь была бедна или деятелей эпохи не занимали вопросы литературной эстетики. Петр, как никто до него из монархов, придавал Слову — и не только как элементу пропаганды новых идей — большое значение, отводя, правда, литературе особую роль в своих замыслах и деяниях.¹⁸ Будучи сам незаурядным

¹⁰ См.: Чистович И. Незданные проповеди Стефана Яворского. СПб., 1867; Никольский А. Описание рукописей, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. СПб., 1906. Т. 2, вып. 1. С. 381—426.

¹¹ См.: Berndt M. Die Predigt Dimitrij Tuptalos: Studien zur ukrainischen und russischen Barockpredigt. Bern, 1975. S. 65—104.

¹² См.: Crackraft J. Feofan Prokopovich: A Bibliography of His Works // Oxford Slavonic Papers. 1975. New series. V. 8. P. 1—36.

¹³ См.: Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. М., 1972; Пьесы школьных театров Москвы. М., 1974; Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. М., 1975; Пьесы любительских театров. М., 1976.

¹⁴ См., в частности: Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970; Українська поезія. Середина XVII ст. Київ, 1992. С. 278—329; Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. третья. М., 1994.

¹⁵ См.: Строев П. обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке <...> графа Федора Андреевича Толстова. М., 1829. С. 424, 431, 437.

¹⁶ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М., 1955. Т. 8. С. 614. Эта мысль не осталась забытой: Кантемир включен в раздел «Литература Петровского времени» в кн.: История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 3. С. 176—212.

¹⁷ История русской литературы: В 4 т. Т. 1. С. 420.

¹⁸ См.: Сивков К. В. Петр-писатель // Три века: Россия от Смуты до нашего времени. М., 1992. Т. 3—4. С. 42—68; Серман И. З. Литературно-эстетические интересы и литературная политика Петра I // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII в. Л., 1974. С. 5—49. (XVIII век. Сб. 9); Панченко А. М. О смене писательского типа в Петровскую эпоху // Там же. С. 112—128.

стилистом, Петр уже для современников был олицетворением идеи «homo scriptus на троне». Ганноверский резидент Х. Ф. Вебер, весьма благожелательно относившийся к Петру, в 1718 г. отмечал «прирожденное ему красноречие (в котором он на словах и в письме был первый во всем своем царстве)».¹⁹

Среди причин восприятия Петровской эпохи как «литературного вакуума» не последнее место занимает действительно наблюдаемый упадок, симптомами которого были обычно отмечаемые исследователями ухудшение стиля и деградация литературного мастерства, дилетантизм и падение престижа литературной работы. Однако важнее, наверное, другая причина: эпоха, декларативно заявившая о разрыве с традицией,²⁰ сохранила в литературе старый механизм ее существования, структуру древнерусской литературы.²¹ Стремление же непременно отыскать «новую» литературу (в соответствии с прогрессивской моделью развития литературы: новым историческим этапам соответствует новая литература) в конечном счете сводится к ее поискам в реляциях Северной войны, политических трактатах, статейных списках петровских «вояжеров» и в первых печатных «Ведомостях». И эти поиски ведутся в той национальной литературе, которая совсем недавно, в последней трети XVII в., создала замечательные произведения в уже установившихся жанрах: «Житие» протопопа Аввакума, поэзию и драматургию Симеона Полоцкого, «Повесть о Горе-Злочастии» и «Повесть о Савве Грудцыне». Таким образом, признавая континуальность русского литературного процесса, исследователи подсознательно признают и его дискретность.²²

Проблемы идентификации того или иного текста как «литературного произведения» (а не памятника культуры и письменности) возникают на каждом шагу. Так, почти в одно и то же время книговеды насчитывают в печатной продукции Петровской эпохи то 3, то 83 издания, относящихся к «художественной литературе».²³ В любом случае это ничтожно мало — или 0,2%, или 4% всех выпущенных изданий, поэтому попытки расширить художественный репертуар и «отыскать» литературу понятны. Таким образом, речь идет уже не об идентификации отдельного текста как литературного произведения, а об идентификации корпуса текстов, образующих «литературу», выделении ее из всей области письменной культуры

¹⁹ Вебер Х. В. Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях // Русский архив. 1872. № 7. Стб. 1443—1444.

²⁰ Ср.: Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII в.) // Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1994. Т. 1. С. 234—237.

²¹ Ср. понятие «историческая псевдоморфоза», примененное О. Шпенглером как раз по отношению к деятельности Петра I, см.: Шпенглер О. Закат Европы // Само-сознание европейской культуры XX в. М., 1991. С. 26—30.

²² Ориентация на «новое» проявляется и в том, что антологии или хрестоматии по русской литературе XVIII в. могут вообще не содержать раздела «Литература Петровской эпохи» или их может открывать номер «Ведомостей», однако при этом включение памятников, созданных в древнерусской традиции, или старообрядческих, а также переводных просто не подразумевается.

²³ См.: Луннов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII в. Л., 1973. С. 86, 96; Marker G. Publishing, Printing and the Origins of Intellectual Life in Russia, 1700—1800. Princeton, 1985. P. 25.

и вообще культурной деятельности. Как раз в первой трети XVIII в. изменяется прежняя структура литературы, а сложившаяся в итоге, в основных своих чертах сохранилась до наших дней.²⁴

Д. С. Лихачев, рассуждая о проблеме перехода от древней литературы к новой, пишет: «Остановка, которую представляла собой в развитии литературы петровская эпоха, означала, что этот скачок (к новому строению литературы. — С. Н.) готов был совершиться. Плуг перестал пахать землю, его удалось легко проволочить через большую полосу, оставив ее непаханной».²⁵ Как, однако, этот скачок был осуществлен? В каких внутрилитературных формах он протекал? Несмотря на признание единства русского литературного процесса, попытки отыскать образцы и примеры «новой» литературы уже при Петре I понятны: отличия в структуре русской литературы 1680-х и 1730-х гг. разительны и охватывают все стороны литературной жизни, создания и бытования литературных произведений и пр., включая не в последнюю очередь сам литературный язык. Но все же, на наш взгляд, скорее необходимо говорить об иллюзии скачка, возникающей оттого, что процесс изменений в сфере литературы в значительной степени скрыт от нас, более того, какие-то промежуточные звенья просто ускользают от нашего внимания.²⁶ Предлагаемое исследование представляет собой попытку ответа на поставленные вопросы, а также опыт более детального рассмотрения отдельных аспектов литературной жизни.

Л. Н. Толстой назвал Петровскую эпоху «узлом русской жизни».²⁷ В новой русской истории таких узловых и эпохальных по своему значению для литературы периодов было несколько, и обычно они воспринимаются «как знак безвременья, деградации. Смысл этих „узлов“ с точки зрения и<стории> л<итературы> в том, что они отсылают не столько к самим себе, сколько к тому, что вне их — к *предыдущему* и *последующему*, и, следовательно, их роль заключается в исторической оценке и прогнозировании одновременно, в указании конца и начала и намечке путей, соединяющих их. И<стория> л<итературы>, как правило, интересуется сопоставлением периодов, предельно удаленных от этих „узлов“, когда сравнимые явления берутся в их наиболее завершенном, зрелом виде и, следовательно, выступают как максимально контрастные».²⁸ Петровская эпоха по своему материалу относится, вероятно, к наиболее хаотичным и неустойчивым, она принципиально гетерогенна. Результат ее деятельности хотя бы к 1730 г. —

²⁴ Ср.: Лотман Ю. М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. I. С. 203—215.

²⁵ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. С. 19.

²⁶ В литературоведческих исследованиях в подобных случаях допустимо применение термина из области кибернетики «черный ящик», который подразумевает невозможность проследить процесс превращения совокупности исходных сигналов в наблюдаемую совокупность заключительных сигналов. См.: Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 402—403.

²⁷ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений. М., 1953. Т. 61. С. 348. Ср.: Эйхенбаум Б. Лев Толстой. Семидесятые годы. Л., 1974. С. 101.

²⁸ Топоров В. Н. К вопросу о циклах в истории русской литературы // Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII—XX вв. Тезисы научной конференции. Таллин, 1985. С. 6 (курсив автора).

реализация лишь части каких-то из существовавших возможностей: что-то так и осталось нереализованным, что-то реализовалось лишь частично, и только отдельные новации (истоки которых только и ищут в Петровской эпохе, оставляя все остальное за бортом) вошли в дальнейшую жизнь в качестве конструктивных элементов. К литературе рубежа XVII—XVIII вв. вполне приложимы слова М. М. Бахтина: «За порогом канонизованной литературы с ее жанровой системой всегда, а особенно в такие эпохи, как эллинизм, позднее средневековье, раннее барокко, существует масса, так сказать, неприкаянных жанров (в большинстве своем мелких, но не только мелких). Это либо обломки, либо зачатки. Взаимоотношения между ними своеобразны».²⁹

Для установления этих взаимоотношений, их смысла, динамики изменения внутрилитературных связей наиболее релевантным представляется применение понятия «литературная культура». Термин этот далеко не нов; более того, существует несколько его трактовок,³⁰ из которых наибольшее распространение у нас получила социологическая, трактующая литературу как социальный институт.³¹ В предлагаемом исследовании под литературной культурой понимается вся совокупность проявлений *литературности*,³² в том числе представления самих участников литературного процесса о литературе и ее разнообразных социальных и культурных контекстах. Сумма этих представлений и правил позволяет исследователю выделить литературу из всей массы письменных памятников как особый род культурной деятельности.³³ Понятие литературной культуры дает возможность в пределах одного исследования рассматривать

²⁹ Бахтин М. М. Дополнения и изменения к Рабле // Вопросы философии. 1992. № 1. С. 149. Здесь же М. М. Бахтин высказывает мысли, близкие к идеям В. Н. Топорова: «Наша (европейская) теория литературы (поэтика) возникла и развивалась в очень узком и ограниченном материале литературных явлений. Она слагалась в эпохи стабилизации литературных форм и национальных литературных языков, в эпохи, когда большие события литературной и языковой жизни — потрясения, кризисы, борьба и бури — были уже давно позади, когда самая память о них уже изгладилась, когда все уже утряслось и отстоялось, отстоялось, конечно, только в самых верхах официализированной литературы и языка» (Там же. С. 148—149).

³⁰ См.: Żółkiewski S. Wiedza o kulturze literackiej. Warszawa, 1985; Pietraszko S. O kulturze literackiej // Kultury artystyczne. Wrocław, 1992. S. 59—76. (Acta Universitatis Wratislaviensis, № 1413; Prace kulturoznawcze, t. 4).

³¹ См.: Гудков Л. Д., Дубин Б. В. 1) К понятию литературной культуры // Литературный процесс и проблемы литературной культуры: Материалы для обсуждения. Таллин, 1988. С. 119—126; 2) Литература как социальный институт // Гудков Л., Дубин Б. Литература как социальный институт: Статьи по социологии литературы. М., 1994. С. 12—98.

³² См.: Эйхенбаум Б. О литературе. М., 1987. С. 428—436; Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 275; Dziechcińska H. Z zagadnień «literackości» jako kategorii historycznej // Studia estetyczne. Warszawa, 1964. T. 1. S. 183—197; Dąbrowski S. Zagadnienie określeń i wyznaczników literackości: Próba ujęcia // Problemy teorii literatury. Wrocław, 1976. Ser. 2. S. 7—15.

³³ Ср. близкое определение в кн.: Чернов И. А. Из лекций по теоретическому литературоведению. I. Барокко: Литература / литературоведение. Тарту, 1976. С. 131. См. также: Dmitruk K. Kultura literacka // Słownik literatury staropolskiej (Średniowiecze. Renesans. Barok). Wrocław, 1990. S. 371—383; Dziechcińska H. Kultura literacka w Polsce XVI i XVII wieku. Zagadnienia wybrane. Warszawa, 1994.

такие конституирующие ее явления и процессы, как изменение писательского типа и изменение статуса литературного текста, проблемы плагиата и подражания, литературного сервиллизма, дилетантизма и графомании, изменения во взаимоотношениях «писатель — читатель», вопросы стратификации литературы, которую резко обозначил сам Петр I своей азбучной реформой, и т. д.

Все перечисленное вполне входит в сферу компетенции «истории литературы». Однако логика развития «истории литературы» была такова, что какие-то из названных аспектов не рассматривались вовсе, а другие перешли в ведение сопредельных дисциплин: излишне широко понимаемого книговедения, социологии и теории литературы, теории литературной коммуникации, истории эстетических учений и т. д. Но от этого перехода пострадала как раз «история литературы». Например, недостаточная разработка теории «подражания» (т. е. подражания авторам) для XVIII в. ведет к тому, что вопрос о принадлежности А. Кантемиру так называемой «IX сатиры» решался на основе идейно-философского анализа и приводил к противоположным результатам.³⁴ Пренебрежение литературными конвенциями приводило к фантастическим интерпретациям выражения Феофана Прокоповича «ученая дружина»³⁵ и т. д.

С точки зрения обозначенной проблематики литературной культуры Петровская эпоха представляется в высшей степени благодарным объектом изучения. Действительно, приведенные ранее числовые характеристики опубликованных «художественных произведений» недвусмысленно говорят о том, что хотя беллетристика и поэзия занимали ничтожное место в издательской программе Петра I и в художественном сознании его сотрудников, что само по себе уже требует объяснения, она все же появилась. В определенной мере это вынуждает сосредоточиться на изучении скрытых путей формирования того нового литературного механизма, который заработал со второй трети XVIII в. Излишне добавлять, что сами понятия «словесность» и «литература» сформировались позднее.³⁶

Предлагаемое исследование не является историей русской литературы Петровской эпохи и не затрагивает всех литературных видов и жанров. Несколько монографических исследований³⁷ и сборников

³⁴ См.: Гершкович З. И. К вопросу об эволюции мировоззрения и творчества А. Д. Кантемира (Проблема «девятой» сатиры) // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3. С. 44—64; Муравьева Л. Р. Проблема так называемой «девятой» сатиры А. Д. Кантемира // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5. С. 153—178.

³⁵ См.: Чернышева А. В. К вопросу о существовании «ученой дружины» // Вестник МГУ. Сер. 7: Философия. 1989. № 6. С. 40—43.

³⁶ См.: Быстрова Е. А. Термины *литература, словесность и письменность* // Современная русская лексикология. М., 1966. С. 106—113.

³⁷ См.: Демин А. С. Русская литература второй половины XVII—начала XVIII в.: Новые художественные представления о мире, природе, человеке. М., 1977; Софронова Л. А. Поэтика славянского театра XVII—первой половины XVIII в.: Польша, Украина, Россия. М., 1981; Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984; Травников С. Н. Писатели петровского времени: Литературно-эстетические взгляды (путевые записки). М., 1989; Сагонова Л. И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII—начало XVIII в.). М., 1991; Ромодановская Е. К. Русская литература на пороге нового времени: Пути формирования русской беллетристики переходного периода. Новосибирск, 1994.

статей,³⁸ вышедших за два последних десятилетия и посвященных проблемам русской литературы «переходного периода», а также множество статей по частным вопросам значительно расширили и уточнили представления о Петровской эпохе. Наличие этих исследований позволяет сосредоточиться на более узкой задаче: как культурные новации петровских реформ влияли на формирование литературной культуры нового типа, как создавался литературный механизм русской литературы нового времени, как протекала смена литературных конвенций. Наиболее адекватные сформулированной задаче ответы можно получить при рассмотрении трех проблем: проблемы переводной литературы, проблемы статуса автора и проблемы поэтического стиля.

³⁸ См., в частности: Русская литература на рубеже двух эпох (XVII—начало XVIII в.). М., 1971; Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII в. Л., 1974. (XVIII век. Сб. 9); Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII—начало XVIII в.). М., 1976.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПОЛИТИКА ПЕТРА I И ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Наиболее яркая характеристика культурного процесса в Петровскую эпоху принадлежит самому Петру I. В 1714 г. после спуска на воду нового военного корабля он произнес речь, в которой между прочим сказал: «Историки доказывают, что первый и начальный наук престол был в Греции, откуда, по несчастию, принуждены были они убежать и скрыться в Италии, а по малом времени рассеялись уже по всей Европе; но нерадение наших предков им воспрепятствовало и далее Польши пройти их не допустило. Я не хочу изобразить другим каким-либо лучшим образом сего наук прехождения, как токмо циркуляциею или обращением крови по человеческом теле; да и кажется, я чувствую некоторое во сердце моем предуведение, что оные науки убегут когда-нибудь из Англии, Франции и Германии и перейдут для обитания между нами на многие веки, а потом уже возвратятся в Грецию на прежнее свое жилище».¹

Эта речь стала популярна уже в XVIII в., ее неоднократно цитировали как русские писатели и историки, так и иностранные наблюдатели; в позднейшее время она стала непереманным элементом характеристики Петровской эпохи,² причем в некоторых ранних пересказах к сравнению с «циркуляцией крови» добавлялось сравнение перехода наук с движением часовой стрелки по циферблату. Эти яркие, чисто барочные сравнения Петра I обрамляют одну из фундаментальных идей средневековой теории культуры, идею *translatio studii*, переноса знания, культурных ценностей. Эта идея была вовсе не чужда допетровской культуре,³ однако на рубеже XVII—XVIII вв. она актуализи-

¹ Цит. по предисловию С. И. Писарева к кн.: *Тезауро Э.* Философия нравоучительная. СПб., 1764. Ч. 1. С. 3—4 нумер. Ср.: Трудюлюбивый муравей. 1771. № 25. С. 199; *Голиков И.* Деяния Петра Великого. М., 1788. Ч. 4. С. 373—374; 2-е изд.: М., 1838. Т. 5. С. 262.

² См.: *Киреевский И. В.* Критика и эстетика. М., 1979. С. 249—250; *Ключевский В. О.* Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 16; *Лихачев Д. С.* Прошлое — будущему: Статьи и очерки. Л., 1985. С. 386.

³ См.: *Буланин Д. М.* 1) Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв. München, 1991. С. 224—248; 2) *Translatio studii: Путь к русским Афинам // Пути и миражи русской культуры.* СПб., 1994. С. 87—154. О дальнейших судьбах этой идеи в России XVIII в. см., в частности: *Baehr S. L.* The Paradise Myth in Eighteenth-Century Russia. Stanford, 1991. P. 55—57.

рвалась (не без влияния Лейбница, у которого Петр позаимствовал ее)⁴ и затем прочно и надолго вошла в культурный обиход русской литературы. Тема «странствующих муз», одно из поэтических воплощений этой идеи, постоянна у Кантемира,⁵ а затем стала сквозной темой одического творчества Ломоносова.⁶

«Музы, богини свободных наук, нашли новый Геликон в московских пределах и стали там смягчать грубые нравы», — писала в 1705 г. «Eugoräische Fama».⁷ Реализацией этой метафоры в Петровскую эпоху стали преобразованная Славяно-греко-латинская академия и созданная Академия наук, сеть школ и училищ, Кунсткамера, подъем книгопечатания и небывалый размах переводческой деятельности. Этот процесс, разумеется, вышел далеко за хронологические рамки петровского времени и охватил весь XVIII в., однако существенная роль в создании новой русской культуры принадлежит рубежу XVII—XVIII вв., когда стало очевидно, что усвоение достижений европейской культуры будет проходить в национальных формах, что вполне соответствовало духу европейской постренессансной науки.

Пафос небывалого новаторства осознавался не только Петром, но и современниками. Сенат при поднесении «государю Петру титула императора всероссийского и наименования Великого и Отца Отечества» 22 октября 1721 г. провозглашал: «Мы, ваши верные подданные, из тьмы неведения на феатр славы всего света, и тако рещи, из небытия в бытие произведены и во общество политичных народов присовокуплены».⁸ Позднее эту же мысль повторил во второй сатире Кантемир, вспоминая

..... указы Петровы,
Коими стали мы вдруг народ уж новый.⁹

Конечно, и «тьма неведения» в решении Сената, и «вдруг» у Кантемира — риторика обновления. Петр не был демиургом, и многие его деяния логически продолжали процессы, созревшие в

⁴ См.: Веселовский А. Западное влияние в новой русской литературе. 5-е изд. М., 1916. С. 39; Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII—первая четверть XVIII в.). М., 1976. С. 264—266. Правда, Петру идея «ожо- вращения» наук в общем виде была известна еще до встречи с Лейбницем, что видно из инициированной самим Петром статьи в «Eugoräische Fama» за 1705 г., см.: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 135.

⁵ См.: Кантемир А. Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 202, 207.

⁶ См.: Пумпянский Л. В. Ломоносов и немецкая школа разума // Русская литература XVIII—начала XIX в. в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 27—35. (XVIII век. Сб. 14).

⁷ Цит. по кн.: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 136.

⁸ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 6. С. 445.

⁹ Кантемир А. Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 75. В 1737 г. Кантемир писал своей парижской знакомой мадам Монконсель: «Он (Петр I. — С. Н.) извлек нас из постыдной тьмы и вывел на дорогу славы» (Майков Л. Н. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1903. С. 71; оригинал на французском языке). Об отречении от «постыдного» прошлого говорил и Феофан Прокопович в 1726 г.: «И чим мы прежде хвалилися, того ныне стыдимся» (Феофан Прокопович. Сочинения. М.: Л., 1961. С. 135).

XVII в.,¹⁰ но только при нем идея активного усвоения европейских культурных ценностей и борьба с невежеством («невежество» допетровской культуры — так же из риторики обновления) были ясно сформулированы. «Разумный есть и человек и народ, — писал Феофан Прокопович, — который не стыдится перенимать доброе от других и чуждых; безумный же и смеха достойный, который своего и худаго отстает, чуждаго же и добраго принять не хочет».¹¹

Словосочетание «переводная литература Петровской эпохи» справедливо прежде всего по той причине, что на любом этапе ее становления заметно непосредственное участие царя: Петр формировал репертуар переводов, заказывал переводы, причем не только в России, но и за границей — в Амстердаме и Праге, следил за ходом работы переводчиков и при надобности нещадно понукал их, он следил за языком переводов, их стилем, заставлял переделывать работу, и именно он решал, какой перевод печатать, а какой оставить в рукописном виде. Наконец, он и сам не гнушался трудом переводчика.¹² Но тщательная забота и опека неизбежно налагали на переводную литературу свои ограничения: ее репертуар был жестко подчинен государственной необходимости, и как раз для изящной словесности в нем места не нашлось. Да, Петр заботился о переводах и в 1724 г. издал указ об обучении переводчиков, «а особливо для художественных» книг,¹³ в перечне «художеств» (т. е. наук) есть математика, медицина, анатомия, «милитерис и прочия тому подобныя», но нет «художества» словесного, т. е. беллетристики. Одно из первых употреблений в России слова «литература» связано как раз с Петром: Б. Волков назвал его «всекурносный в литературе монарх».¹⁴ Но из контекста явствует, что Волков подразумевал научную литературу.

В культурной политике Петр I разительно отличался от своего отца. При царе Алексее Михайловиче в Посольском приказе переводили для него преимущественно сочинения художественные: повести, пьесы, познавательные труды,¹⁵ и лишь с 1690-х гг., т. е. уже при Петре, появляются в большом количестве переводы «огнестрельных» и прочих книг по практическим знаниям.¹⁶ Несомненно, что на переводной репертуар начала века оказало влияние равнодушие Петра к художественному вымыслу, причем «художественные излишества» в переводных технических книгах даже раздражали его.

¹⁰ См.: Липпо-Данилевский А. С. История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв. М., 1990; Лихачев Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Лихачев Д. С. Прошлое — будущему: Статьи и очерки. Л., 1985. С. 382—387.

¹¹ [Феофан Прокопович]. Правда воли монаршей. СПб., 1722. Л. 44.

¹² См.: Копанев Н. А. Петр I — переводчик // Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII в. Л., 1989. С. 180—183. (XVIII век. Сб. 16).

¹³ См.: Полное собрание законов. Т. 7. С. 217.

¹⁴ Материалы и оригиналы «Ведомостей». 1702—1727 / Описал В. Погорелов. М., 1903. С. 61.

¹⁵ См.: Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII в.) // Книга: Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 179—244.

¹⁶ См.: Морозов Б. Н. Из истории русской переводной научной и технической книги в последней четверти XVII—начале XVIII вв. (Архив переводчиков Посольского приказа) // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. М., 1983. Вып. 2. С. 107—124.

В 1724 г. он отредактировал перевод с немецкого трактата по ведению сельского хозяйства и вернул его переводчикам с характерным наставлением: «Понеже немцы обыкли многими рассказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобы велики казались, чего кроме самого дела и краткого пред всякою вещью разговора переводить не надлежит, но и вышпереченный разговор чтоб не праздной ради красоты».¹⁷

Но позиция царя не была исключительной. Неприятие вымысла, «басней» было свойственно и самим писателям: от рубежа веков сохранились отзывы, как бы предваряющие полемику о романе середины XVIII в. Еще в 1688 г. монах Феофан писал в предисловии к анонимному испанскому трактату «Десидерий, или Стезя к любви Божией» («Desideriosus abo Ścieżka do miłości Bożej»), переведенному с польского: «Дажь же, Боже, христианом всем паче таковых (книг. — С. Н.) чтение лобити, а не суесловия, зверинцы и басни, паче же вредная и пагубная писания челоовеков плотских, мирских или еретиков развращенных и хитрословесных, их же нещии не хотят из рук испускати, и от того, аще что есть благочестно, благоговейно и спасено, тем они гнушаются».¹⁸ Федор Поликарпов в предисловии к «Букварю» (1701) успокаивал читателя: «Не Есопа фригийскаго зде смехотворныя узрите басни, типографско зримы, но обряцете себе предложен стостепенный в небо восход».¹⁹ И прямо против романов высказался дипломат, негодичант и переводчик Савва Владиславич-Рагузинский в предисловии к переводу 1722 г. «Советов премудрости, или Собрания определений Соломоновых, котория челоовеку, дабы в поступках своих содержал разумно, вельми суть полезны» Мишеля Буто: «Не Есоповы фабулы, или магометанские рассказы, или другие какие романцы в ней (книге. — С. Н.) обряцещи, но самые святополитичные поступки для исправления совести, духа или ума, сердца и страстей, да и языка».²⁰ И. Г. Паузе в «Книге о воспитании дочерей» осуждает «злоученую и бездельную» девицу, которая «хотела бы жити образом высокоумных княжн, котория в луботворных повестях присно лобимья, поклонятельныя и над всеми вознесенны суть».²¹

Очевидно, что у монаха Феофана, Паузе и Петра I были различные причины неприятия «романцов» и «басней» (последние под-разумевали не столько литературный жанр, сколько вымысел, выдумку и даже ложь), однако внешнее сходство позиций было тем более губительно для беллетристики, в том числе переводной; она воспринималась как признак «неученой» культуры, другими словами, отвергалось познавательное значение литературного вымысла в его прежнем виде.

¹⁷ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 214.

¹⁸ Десидерий, или Стезя к любви Божией. СПб., 1785. С. 4 нумер.

¹⁹ Букварь славенскими, греческими, римскими письмены. М., 1701. Л. 5.

²⁰ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 254.

²¹ Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1902. Т. 3. С. 184.

При формировании книжного репертуара Петр менее всего, конечно, руководствовался собственными литературными пристрастиями.²² Вероятно, первоначально у него была лишь самая общая программа «привлечения Муз» в Россию и создания «регулярного государства». Образцы же такого государства надо было искать, поэтому Петровская эпоха — это не столько смена культурных ориентиров, сколько их поиск, зачастую беспорядочный и стихийный. Попадая в Россию, иностранные сочинения как бы теряли свой национальный облик, переводчиков и читателей занимала только их суть. Так, трактат Д. Локка о государстве перевели с латыни, «Метаморфозы» Овидия — с польского, «О подражании Христу» Фомы Кемпийского — с французского. Замечателен путь в Россию книги Поля Рико «Монархия турецкая». Перевод, относящийся к 1710-м гг., был издан в 1741 г. с указанием на титульном листе, что переведено с польского, в действительности это перевод с итальянского, который был выполнен с французского перевода английского оригинала.²³ А «Гюлистан» Саади был переведен около 1704 г. с немецкого перевода и озаглавлен «Персидский крынный дол, в котором много веселых и приятных историй» («Persianisches Rosenthal»).²⁴ Эти и многие другие подобные примеры своеобразно характеризуют отсутствие в литературе и культуре какого-либо одного влияния, похожего на полонофильство второй половины XVII в. или галломанию конца XVIII в. Сам Петр I и его сотрудники как раз и искали культурные ориентиры. Вместо одной общепринятой ксеномании был поиск и почти декларативный плюрализм вкусов, причем необыкновенно толерантный. Петр I, как выразился К.С.Аксаков, «обличил и поразил односторонность».²⁵

В переводной литературе — в связи с первоочередными нуждами — это коснулось практики, теории и истории государства. В ко-

²² См.: Серман И. З. Литературно-эстетические интересы и литературная политика Петра I // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII в. Л., 1974. С. 5—49. (XVIII век. Сб. 9).

²³ См.: Николаев С. И. Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи // Русская литература. 1988. № 1. С. 164—166. Этот перевод, вероятно, был мало известен до издания. Во всяком случае, в 1714 г. книга была переведена повторно, на этот раз с польского языка (см.: Там же). П. А. Толстой, русский посланник в Константинополе, переводил эту популярнейшую в Европе книгу с практическими, надо полагать, целями, однако далеко не все наблюдения сэра Поля Рико носили нравоописательный и бытоописательный характер, но и политический, например: «Сие слепое повиновение, которое некогда было так прибыльно разумным и мужественным императором для докончения их славных начинаний, ныне есть едино заклонение величания оным женолюбцем, которые желают быть в покое и которые иного не любят, токмо похлество; понеже еще добре разсудим состояние Корты турецкой, увидится, что есть една темница, наполнена неволнников, которые не имеют разности от тех, что на галерах, токмо чистоту места и богатие цеплю», «во оной империи не суть иные, токмо неволнники, и было бы едино чудо, аще бы обрелася какая душа, которая бы любила волность» (БРАН, 34.5.28, л. 8 об.; ср.: Монархия турецкая, описанная чрез Рикота. СПб., 1741. С. 11).

²⁴ См.: Азволинская И. О датировке первого русского перевода «Гюлистана» Саади // Материалы научной конференции студентов филологического факультета ЛГУ. Л., 1972. С. 31—33.

²⁵ Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М., 1982. С. 31.

роткое время были переведены современные «статьи», «артикулы» и законоположения европейских государств. Это были деловые материалы для очень узкого круга, которые учитывались в процессе отечественного законотворчества.²⁶

Хронологический охват европейских сочинений по теории государственного устройства был значительно шире и включал эпоху Возрождения, однако в центре внимания оказались правоведы XVII в., создатели теории «естественного права» — С. Пуфендорф и Г. Гроций.²⁷ Особенно повезло Пуфендорфу. В 1718 г. вышло в переводе Гавриила Бужинского и в 1723 г. было переиздано «Введение в историю европейскую» («Introductio ad historiam europaeam»); в 1721—1724 гг. по указу Петра I Иосиф Кречетовский перевел второй его знаменитый труд «О должности человека и гражданина по закону естественному» («De officio hominis et civis juxta legem naturalem»), изданный в 1726 г. Два других перевода были выполнены в Киеве по заказу кн. Д. М. Голицына и сохранились среди рукописей его библиотеки: «О состоянии немецкого государства» («De statu imperii germanici»)²⁸ и «О законах естества и народов» («De jure naturae et gentium»)²⁹. Из сочинений Г. Гроция был переведен самый знаменитый его труд «De jure belli et pacis» (1625), причем дважды: И. Г. Паузе перевел отрывок, назвав его «О правде войны и мира»,³⁰ а полностью перевел студент киевской академии Ороновский по заказу кн. Д. М. Голицына под заглавием «О законах брани и мира».³¹ Эти книги переводились не только для просвещения (чтение Пуфендорфа Петр еще ранее включил в программу обучения царевича Алексея Петровича), но и как образцы для выработки отечественных законов, в частности, на идеях выдающихся правоведов основаны как «Духовный регламент», так и «Правда воли монаршей».³² В последней Феофан Прокопович прямо ссылается на то, что пишет «Гугон Гротий, славный законоучитель в премудром своем рассуждении о правде войны и мира».³³ Если к этим монументальным трудам добавить перевод одного из «Двух трактатов об управлении государством» (1690) Джона Локка, сделанный с латинского перевода и сохранившийся в трех списках под заглавием «Правление гражданское, о его истинном начале и его власти, и ради чего»,³⁴ то станет очевидно, что в теории создания государства сподвижники Петра сознательно основывались на новейших доктринах.

²⁶ См.: *Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974. С. 47—77; Библиотека Петра I: Указатель-справочник / Сост. Е. И. Боброва. Л., 1978. С. 41 (№ 190), 50 (№ 267, 268).

²⁷ Перевести труды Пуфендорфа советовал Петру еще в 1700 г. Г. В. Лудольф, см.: *Teitner J. H. W.* Ludolf und Russland. Berlin, 1955. S. 55.

²⁸ РНБ, Ф. II. 64.

²⁹ РНБ, Ф. II. 26.

³⁰ БРАН, 26.3.31.

³¹ РНБ, Ф. II. 36.

³² См.: *Темниковский Е. Н.* Один из источников «Духовного регламента» // Сб. Харьковского историко-филологического общества. 1909. Т. 18. С. 524—534; *Гурвич Т.* «Правда воли монаршей» Феофана Прокоповича. Юрьев, 1915.

³³ [Феофан Прокопович]. Правда воли монаршей. Л. 6.

³⁴ РНБ, Ф. II. 41; РГАДА, ф. 181. № 184; РГБ, ф. 178. № 1621.

Помимо теоретических трудов по устройению государства при Петре появился и ряд переводов произведений особого жанра наставлений и руководств для правителя с обоснованием идей просвещенного абсолютизма. По прямому указанию Петра Феофан Прокопович около 1710 г. перевел с латыни «Изображение христианополитического властелина» («*Idea principis christianopolitici, 101 symbolis expressa*») испанского дипломата Диего де Сааведра Фахардо.³⁵ В 1708 г. Иоанн Максимович издал в Чернигове «Феатрон, или Позор нравоучительный царем, князем, владьком и всем спасительный» без указаний на то, что это перевод морально-политических наставлений папского каноника и профессора богословия Амвросия Марлиана («*Theatrum politicum*»).³⁶ Католический теолог настойчиво подчеркивал, что соблюдение заповедей божиих — главное условие спокойной государственной жизни, и это, конечно, резко отличало книгу от сочинений приверженцев естественного права. В 1721 г. монах Симон Кохановский перевел с латыни «Увещения и приклады политические» («*Politicorum libri IV*») голландского филолога Юста Липсия.³⁷ Автор выбрал из древней истории «приклады» (т. е. примеры) образцового поведения властителей.

Кроме образцов римских добродетелей, в Россию попали руководства политиков новейшего времени. Так, в 1725 г. появился перевод с французского известного «Политического завещания» («*Testament politique*») кардинала Ришелье,³⁸ в предисловии к которому переводчик восклицал: «Какой был ум одного кардинала! Государствам чужими тряс! В своем государстве все дела один управлял». ³⁹ Возможно, перевод появился не без участия Петра, который чтит Ришелье. По преданию, он, будучи в Париже, обнял его стацию и сказал: «Великий муж, если бы ты был еще жив, я бы отдал тебе половину моего царства, чтобы ты научил меня управлять другою половиною». ⁴⁰

Ранее завещания Ришелье, в 1709 г., появилось в рукописи руководство другого французского кардинала, Джулио Мазарини — «Краткая книжица политичных обходительных поступков». В ней собрана не столько политическая мудрость, сколько житейская, своеобразное *savoir-vivre* с такими советами: «Со всяким, хотя и надежнейшим приятелем так поступай, если бы он впредь имел быть тебе

³⁵ РНБ, Ф. II. 67. Это второй перевод книги, впервые она была переведена с немецкого в конце XVII в. Вероятно, Петр не знал об этом, см.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903. С. 161—162; *Алексеев М. П.* Русская культура и романский мир. Л., 1985. С. 31—33; *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* СПб., 1992. Вып. 3, ч. 1. С. 257.

³⁶ Источник указан в кн.: *Лаппо-Данилевский А. С.* История русской общественной мысли и культуры. С. 87—92.

³⁷ РНБ, Ф. II. 48. Сохранилось несколько списков перевода в двух редакциях.

³⁸ См.: *Шаркова И. С.* Первый русский перевод «Политического завещания» кардинала Ришелье // *Исследования по отечественному источниковедению.* М.; Л., 1964. С. 371—374.

³⁹ Цит. по: *Николаева М.* «Предисловие» к петровскому переводу «Тестамент политического» кардинала Ришелье // *Zeszyty naukowe wydziału humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego: Filologia rosyjska.* 1973. № 3. S. 12.

⁴⁰ Цит. по: *Шаркова И. С.* Первый русский перевод «Политического завещания» кардинала Ришелье. С. 374.

неприятель», «Все знай, а редко кому открывай; всем себя приятеля оказуй, а ни с кем весьма открыто не поступай», «Помни, яко ничто так на свете бедственно не бывает, как простая правда», «Мало потребных дела не сам, но чрез людей делай и о них не говори», «Когда ты при столе сидишь, пишешь или читаешь, то б пред тобой зеркало было, дабы ты мог видеть, что позади тебя чинится». ⁴¹

Имена Ришелье и Мазарини как синонимы государственного ума, а также коварства справедливо соединил Кантемир, вложив в уста Дворянина следующий отзыв об отце (ранняя редакция II са-тиры):

В гражданском правлении, ей, был не последен —
Ришелье и Мазарин пред ним в делах беден.

В примечаниях же Кантемир оговорился, что книги Мазарини «не в малой похвале у политиков имеются, только не весьма в своих максимах благочестив и правосудлив». ⁴²

С афоризмами Мазарини перекликаются, хоть и без столь яркого мизантропизма, максимы польского моралиста А. М. Фредро, чье «Наставление нравоучительное или моральное, како подобает жить со немногим народом без повреждения его силы, и любви, и чести» («*Monita politico-moralia*») переведено с латыни. ⁴³

Есть основания полагать, что к петровскому времени относился несохранившийся перевод «Книги Макиавеловой», которая была изъята у кн. Д. М. Голицына в 1737 г. ⁴⁴ Вероятно, это был перевод знаменитого трактата «Государь». Любопытно, что имя Н. Макиавелли появилось в русской печати уже в 1704 г. В «Преславном торжестве свободителя Ливонии» Иосифа Туробойского в описании одной из картин на триумфальных воротах сказано, что рядом с изображением Неправедного Властолюбия «стоит Макиавел — лукавый советник; муж сед, на главе имеяй шляпу — знамение чести советнической, и минуту часовую, всегда движущуюся — знамение непрестанных друговредительных мыслей и промыслов. Верхняя одежда сану сенаторскому (сиречь боярскому) в иных странах носити обыкновенна, под нею же укрывается лисия и волчая одежда, знамение хитрости и вредительства. На двух аспидах вместо цепочки висит сердце, верхнюю частию внизу висящее, знамение развращенного сердца. В правой руке держит свиток, в нем же написано: «Кленися, клятву преступи, елижды случай требует», и верхнее храмов ветрило, на всякую страну ветром обращаемое, в знамение хитраго и притворнаго подобострастия народу. Опирает же руку сипо на льваре, си есть на орудии им же и болшия бремена удобь подымаются, знаменуя яко сицевым учением и советами народоласкательными вся может, елико хочет. Другою рукою, жезлом управле-

⁴¹ БРАН, 16.9.24, л. 29 об., 31 об., 73, 73 об., 75.

⁴² Кантемир А. Собрание стихотворений. С. 371, 506.

⁴³ РНБ, F.III.8.

⁴⁴ См.: Забелин И. Е. Материалы для русского индекса «*Librorum prohibitorum*» (Переписка о книгах Д. М. Голицына Макиавеловой и Бокалиновой) // Библиографические записки. 1861. № 11. С. 319—324.

ния вышереченная словеса на свитце Властолюбию показывает, обучая всякой неправде». ⁴⁵

Переводная литература демонстрировала, разумеется, не только политическое коварство властителей. Стремление к идее разумности в государстве от монарха до ребенка проявилось в переводе ряда наставлений для частного человека. Поведению при дворе наставляли «Политического счастья ковач» («Schmiede des politischen Glücks») Х. Г. фон Бесселя или «Разговоры краткие о вежливстве, обретающемся между людьми» (источник не установлен). ⁴⁶ Для воспитания детей был вновь переведен в 1706 г. И. Г. Паузе трактат Эразма Роттердамского «Златая книжица о гоении нрав» («De civilitate morum»), ⁴⁷ отдельные положения которого вошли в знаменитую компиляцию «Юности честное зерцало» (1-е изд. — 1717). Наконец, переводную моралистику Петровской эпохи венчают «Мысли» Б. Паскаля. Сам перевод не сохранился, и о нем известно лишь из каталога библиотеки Ф. Г. Баузе, сгоревшей в московском пожаре 1812 г.: «Теофрастовы разсуждения и мнения Паскалевы. Перевод, сделанный в начале XVIII века Тейлсом, который был употреблен при Петре Великом. М<алый> ф<ормат>». ⁴⁸ Пристрастие эпохи к малым формам моралистики (Эпиктет, Сенека, Плутарх в обработке Б. Будного, Фредро, Мазарини и др.), а также всеядность открывавших для себя европейскую мысль русских переводчиков позволяют считать сам факт появления Паскаля на русском при Петре весьма правдоподобным. Другое дело, что большая часть таких переводов сохранилась в единичных списках, а какие-то известны лишь по упоминаниям в библиографиях.

Давно уже отмечено, что «новизна Петровской реформы не в западничестве, но в секуляризации». ⁴⁹ В полной мере это относится и к идее русского государства: «В начале XVII в. она была скорее религиозной, чем светской; в начале XVIII в. она становится скорее

⁴⁵ Панегирическая литература петровского времени. М., 1979. С. 157—158.

⁴⁶ См.: *Соболевский А. И.* Из переводной литературы Петровской эпохи: Библиографические материалы // Сб. ОРЯС. 1908. Т. 84. № 3. С. 29—30.

⁴⁷ См.: *Алексеев М. П.* Эразм Роттердамский в русском переводе XVII в. // Славянская филология. М., 1958. [Т.] 1. С. 325—328. В 1717 г. напечатаны «Разговоры дружеские» — школьная обработка известного сочинения Эразма «Colloquia familiaria». В библиотеке Петра была рукопись (не сохранилась) под названием «Арагма Роттердама разговор, нарицаемый „Мертвец“, беседующие персон Фомы да Анзелми», возможно, это «Заклинание беса, или Привидение» (см.: Библиотека Петра I. С. 53).

⁴⁸ *Моисеева Г. Н.* «Собрание российских древностей» профессора Баузе // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 317. Сведения, сообщаемые этим каталогом, обычно подтверждаются другими сохранившимися списками, поэтому нет причин не доверять сообщению о переводе Паскаля, хотя другие списки этого перевода неизвестны. Соседство Теофраста и Паскаля объясняется тем, что в конце XVII в. вышло несколько изданий на французском языке (1698, 1699, 1700), в которых оба моралиста (древнегреческий — в переводе Лабрюйера) оказались под одной обложкой, см.: British Museum. General Catalogue of Printed Books. London, 1964. Vol. 237. Col. 114. Переводчик — выпускник Падуанского университета, доктор медицины Антон Вильгельмович Тейльс, поступивший на русскую службу в 1714 г. (служил в Московской главной аптеке, Московском госпитале, Московской медицинской конторе); отец русских писателей-переводчиков второй половины XVIII в. А. А., И. А. и И. А. Тейльсов.

⁴⁹ *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Париж, 1983. С. 82.

светской, чем религиозной». ⁵⁰ Петр и его ближайшее окружение познакомились в переводах с разными светскими по духу доктринами государственного устройства в широком диапазоне: от республики до абсолютной монархии (включая монархию конституционную, сторонником которой был, в частности, Д. Локк). Все эти сочинения сохранились в немногих списках, распространения не получили и для него не предназначались. Читала их преимущественно высшая аристократия, которая и осуществляла реформы, например, весь репертуар был превосходно подобран в библиотеке кн. Д. М. Голицына. ⁵¹ Большим любителем переводов первой четверти XVIII в. был и А. П. Вольнский; у обоих, кстати, некоторые переводы изымались, а чтение их вменялось в вину.

Если политическая литература переводилась для узкого круга, то за распространением исторических знаний Петр I внимательно следил, преследуя цели создания на русском языке новой, «правильной», европейской истории. Первой книгой, напечатанной Яном Тессингом в Амстердаме, стало «Введение краткое во всякую историю» (1699) И. Копиевского. В 1718 г. вышло упоминавшееся «Введение в историю европейскую» Пуфендорфа, в следующем году — «Деяния церковные и гражданские» кардинала Цезаря Барония (перевод с сокращенной польской обработки Петра Скарги), в 1724 г. — «Феатрон, или позор исторический, изъясняющий повсюдную историю священного писания и гражданскую» («Theatrum historicum») В. Стратемана. Всем переводам предпосланы рассуждения о пользе изучения истории не только для правителей, но и для каждого человека. ⁵² Гавриил Бужинский в предисловии к «Введению...» Пуфендорфа подчеркивал, что автор показал, как каждый народ «после темного варварства и непросвещенного невежества <...> светом учения просветился». ⁵³ К этой группе переводов относится и проникнутая панславянской восторженностью (в ущерб исторической действительности) «Книга историография начатия имене, славы и разширения народа славенскаго» («Il regno degli slavi») Мауро Орбини, изданная в 1722 г. в сокращенном переводе Саввы Владиславича-Рагузинского. ⁵⁴ Помимо трудов нового времени были переведены исторические сочинения древних авторов — непререкаемый авторитет для европейской культуры: Тит Ливий, Ливий Юлий Флор, Иосиф Флавий, Юлий Цезарь и др. ⁵⁵

Хотя беллетристика в целом чужда Петровской эпохе, это не значит, что вовсе не переводили романов и повестей. В 1724 г.

⁵⁰ Лаппо-Данилевский А. С. Идея государства и главнейшие моменты ее развития в России со времен Смуты до эпохи преобразований // Голос минувшего. 1914. № 12. С. 5.

⁵¹ См.: Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И. К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979. С. 238—253.

⁵² Об историсофских воззрениях «переходного периода» подробно см. в кн.: Робинсон А. Н. Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. М., 1963.

⁵³ Пуфендорф С. Введение в историю европейскую. СПб., 1718. С. 4.

⁵⁴ См.: Делья Агата Д. Русский перевод «Царства славян» Мауро Орбини // Советское славяноведение. 1990. № 5. С. 58—68.

⁵⁵ См. подробнее в Экскурсе 1 к этой главе.

А. Ф. Хрущев перевел знаменитый политический роман Ф. Фенелона «Похождения Телемака» («Les aventures de Télémaque»), распространенный в списках и изданный только в 1747 г.⁵⁶ Книга, сочетавшая в себе роман государственно-политический и роман воспитания, изображала идеального просвещенного монарха. Просветительские тенденции романа обеспечили ему долгую славу в России, он издавался несколько раз в разных переводах. Примечательно, что годом ранее на русский было переведено с немецкого подражание Фенелону — «О изгнанном римлянце Эуксимусе, стацкой роман с обрасца французского Телемака».⁵⁷

В 1725 г. появился еще один знаменитый политический роман XVII в. — «Аргенида» («Argenis») Д. Баркляя, переведенная с латыни В. К. Тредиаковским, тогда студентом Славяно-греко-латинской академии.⁵⁸ Вскоре Тредиаковский утратил свою рукопись, но он так высоко ценил роман, что спустя четверть века вновь перевел его и издал в 1751 г.

Романы Фенелона и Баркляя, не только идеализирующие абсолютизм, но и предупреждающие о грозящих ему опасностях (с одной стороны, тирания, с другой — интриги аристократии), в художественной форме развивали те же политические идеи, которые разрабатывали в ученых трактатах великие правоведы XVII в. С 1720-х гг. в русской литературе стал популяризоваться жанр «разговоров в царстве мертвых». Одним из первых стал разговор «Между генерал-лейтенантом Яганом Рейнголт фон Паткулем и между бароном Георгом Гендриком фон Герцом».⁵⁹ К жанру «разговоров» условно можно отнести и «Парнасские ведомости» («De Raguagli di Parnasso») итальянского сатирика Т. Боккалини, переведенные переводчиком коллегии иностранных дел А. Васильевым. В центре этой литературно-критической сатиры (антимонархической по духу) оказался разбор поэмы Т. Тассо «Освобожденный Иерусалим», автора которой Аполлон защищает от нападок критиков. В России было переведено и продолжение сатиры — «Камень опыта политического» («Pietra del paragone politico»)⁶⁰

Фабульной прозы с любовно-авантюрным сюжетом не было, лишь отчасти этот жанр представлен французским романом в стихах (более 3600 строк) XV в. «История о Париже и Вене» («Paris et Vienne»), переведенным стихами же с итальянского перевода в 1710-х гг.⁶¹

⁵⁶ Об атрибуции и датировке перевода см.: Орлов А. С. «Телемахида» В. К. Тредиаковского // XVIII век. М.; Л., 1935. С. 11—15; Николаев С. И. Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи. С. 167—172.

⁵⁷ См.: Описание рукописей собрания Черткова. Новосибирск, 1986. С. 20.

⁵⁸ См.: Николаев С. И. Ранний Тредиаковский (Первый перевод «Аргениды» Д. Баркляя) // Русская литература. 1987. № 2. С. 93—99.

⁵⁹ См.: Соболевский А. И. Из переводной литературы Петровской эпохи. С. 13—14; Marcialis N. Caronte e Caterina: Dialoghi dei morti nella letteratura russa del XVIII secolo. Roma, 1989. P. 250.

⁶⁰ РНБ, Ф.ХV.22.

⁶¹ См.: История о Париже и Вене: Переводная повесть в стихах Петровского времени / Приготовил к изданию Н. Н. Виноградов. СПб., 1913; Schreiber E. Der Ritterroman von Paris und Vienna in Russland zu Anfang des 18. Jahrhunderts. Berlin, 1932.

Вовсе на периферии переводной литературы оказались европейские религиозно-моралистические и мистические трактаты, которые стали переводиться с конца XVII в. В 1708 г. митрополит Иоанн Максимович издал (без ссылки на оригинал) «Богомыслие в пользу правоверным» («Meditationis sacrae») немецкого теолога И. Гергарда.⁶² Позднее в книге была усмотрена «многая люторская противность», и она была запрещена в 1720 г., что, впрочем, не помешало изданию нового перевода в 1783 г. Переводчик Фенелона А. Ф. Хрущев в 1719 г., будучи в Амстердаме, перевел самый знаменитый мистический трактат средневековья «Утешение духовное, или О следовании Иисусу Христу» («De imitatione Christi») Фомы Кемпийского.⁶³ Показательны причины, подвигнувшие переводчика на труд: «Первая причина: должность моя служить отечеству, потому что всяк человек родится не ради самага себе, но в пользу и на службу всем. Другая причина, что сия книга не только переведена на все языки европския, <...> но и варвары на своем языке имеют и почитают лучше всех своих книг духовных. <...> Третья причина следует из первых двух, что видя оную книгу всякому христианину полезную на всех языках и во всех верах, не хотел быти рабом непотребным и скрыти в землю данный мне талант от Бога, но похотел употребить его в пользу всем людем и видеть сию книгу на нашем славенороссийском языке».⁶⁴

Мысли, высказанные Хрущевым в предисловии к мистическому трактату, т. е. произведению, не относящемуся к основной проблематике переводной литературы петровского времени, свидетельствуют о сложившейся новой концепции труда переводчика. Даже в области душеполезной литературы мы сталкиваемся с понятием «служба отечеству», которую характеризуют «ревность» о переводе книг, имеющихся у «многих народов», и убеждение в достоинстве и культурном престиже русского языка.

Итак, для переводной прозы Петровской эпохи характерны прежде всего поиски новых форм, попытки усвоения непривычных жанров. Результаты этого труда сказались позднее и современникам были почти неизвестны. В массовой же рукописной книжности первой четверти века распространялись переводы второй половины XVII в., создавались их новые редакции и переделки,⁶⁵ был напечатан и сделанный еще в 1674 г. А. А. Винусом перевод с немецкого сборника басен «Зрелище жития человеческого» (1712).

⁶² См.: Пекарский П. Известия о русском переводе одной лютеранской книги во времена Петра I // Записки имп. Академии наук. 1864. Т. 5. С. 57—61.

⁶³ Ср.: Круминг А. А. Распространение в России румыно-славянского издания книги Фомы Кемпийского «О подражании Христу» (Книговедческие материалы) // Федоровские чтения. 1979. М., 1982. С. 161, 184—185.

⁶⁴ РНБ, Соловецкое собр., № 1130/1240, л. 2—3 об.

⁶⁵ См.: Ромодановская Е. К. Западные сборники и оригинальная русская повесть (К вопросу о русификации заимствованных сюжетов в литературе XVII—начала XVIII в.) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 164—174; Malek E. Zum Problem der Aneignung von Sujets und Genres der westeuropäischen Erzählprosa in Russland vom Ende des 17. bis zum ersten Drittel des 18. Jahrhunderts // Gattung und Narration in den älteren slavischen Literaturen. Wiesbaden, 1987. S. 119—132.

Об отношении читателей к новой переводной прозе можно судить и по таким фактам. «История о Париже и Вене» удачно продолжает репертуар переводных рыцарских романов XVII в. Воспитанные на этом репертуаре книжники признали ее, и уже во второй половине 1720-х гг. «История» была использована при создании «Повести о Францеле Венециане». ⁶⁶ А вот проблематика «Парнаских ведомостей» была и чужда и непонятна, в одном из сборников текст перевода обрывается на полуслове, и дальше читается популярнейшая повесть XVII в. об Аполлонии Тирском. ⁶⁷ В дальнейшем разрыв между новой и прежней литературой будет увеличиваться еще больше, а новая будет охватывать все большее число образованных людей.

От придворного театра к публичному

Переводная драматургия также была детищем «преобразителя России». Во время пребывания в Европе он убедился в огромной роли публичного театра и решил возродить его на родине, но уже не как придворный, а устроить общедоступный публичный театр в Москве. Организация дела была поручена Посольскому приказу. Там, однако, дело устройства «комидийной потехи» было основательно забыто, поэтому было решено пригласить артистов из-за границы. В апреле 1702 г. в Данциг отправился венгр на русской службе Ян Сплавский, который и заключил контракт с труппой Иоганна Кунста. Летом она была в Москве, а в конце года уже начались спектакли.

Прошло некоторое время, и стало ясно, что Петра I западноевропейский репертуар труппы не устраивал. Кунста, а после его смерти в 1703 г. Отто Фюрсту, Посольский приказ поручал постановки театральных зрелищ на взятие крепости Орешек (1702), на торжественный въезд Петра в Москву (1704). Эти поручения принимались театром неохотно и, видимо, не выполнялись. Вскоре Петр заметно охладил к приглашенному театру, тем более что в Москве быстро развивался школьный театр Славяно-греко-латинской академии, охотно ставившей панегирические пьесы, вполне отвечавшие политическим и театральным вкусам Петра. В 1706 г. деятельность труппы Кунста — Фюрста закончилась, «комидийную храмину» на Красной площади заколотили, а пьесы передали в Посольский приказ.

Несмотря на недолговечность труппы, небольшой репертуар (немногим более десяти пьес), разнообразные трудности, ставшие на пути переводчиков, ее деятельность, хотя и не развившаяся в должной мере, остается яркой страницей в истории переводной драматургии. Действительно, на первый взгляд репертуар Кунста — Фюрста выглядит блестяще. В центре Московии играют французские, немецкие, итальянские и испанские трагедии и комедии. И это вовсе не провинци-

⁶⁶ См.: Howells D. L. L. The Origin of «Frantsel' Ventsian» and «Parizh i Vena» // Oxford Slavonic Papers. New Series. 1986. Vol. 19. P. 29—45.

⁶⁷ См.: РНБ, Софийское собр., № 1572.

альный, а типичный репертуар немецких театров начала XVIII в.⁶⁸ Действие переносит зрителей («охотных смотрильщиков») во времена древнего мира, в феодальную Испанию и современные парижские салоны; политические и гражданские страсти сменяются необыкновенными любовными перипетиями и комическими ситуациями; среди персонажей не только герои античного мира — Юлий Цезарь, Александр Македонский, Сципион Старший, но и «вечные спутники»: так, в начале XVIII в. на русской сцене появился Дон Жуан и более не показывался на ней до начала XIX в. Наконец, среди авторов переведенных драм встречаются такие бесспорно значительные имена, как Мольер, А. Грифиус, К. Д. Лознштейн.⁶⁹

Однако репертуар Кунста — Фюрста выглядит привлекательно и благополучно лишь на первый взгляд и в значительной степени меркнет при ближайшем рассмотрении. Все пьесы этого репертуара переводились не с языков оригиналов, а с их немецких переводов, к тому же значительно облегченных; иногда переменялись местами монологи, реплики и сцены, а иногда — в угоду невзыскательной публике (еще немецкой!) — переиначивался и смысл всего произведения. При переводе же на русский присущая оригиналам напыщенная патетика монологов или салонная вычурность диалогов утрачивалась совершенно.

Связь переводной драматургии с оригинальной русской литературой той поры проследить трудно по ряду причин, прежде всего из-за скудости источников. Вместе с тем очевидно, что труппа Кунста — Фюрста не могла бы просуществовать несколько лет в атмосфере полного к ней равнодушия. О каком-либо влиянии на литературу говорить трудно, поскольку труппа скрывала от посторонних глаз тексты пьес, как и было принято в немецких странствующих театрах. Известно между тем, что в 1709—1711 гг. эти пьесы были затребованы в театр царевны Натальи Алексеевны. Возможно, этот репертуар как-то повлиял на постановку в театре царевны переводных рыцарских романов XVII в. Русская драматургия усвоила быстрее всего этот тип драматической инсценировки как наименее трудный. Эмансипированная любовная тема настолько быстро и прочно вошла в репертуар, что Петр I, по свидетельству гр. Г. Ф. Бассевича, «пообещал награду комедиантам, если они сочинят пьесу трогательную, без этой любви, всюду вклеиваемой, которая ему уже надоела».⁷⁰ Вероятно, этот же эпизод передает Ф. В. Берхгольц: «Император приказал объявить сегодня актерам, чтоб они на следующий день сыграли пьесу, которая имела бы не более трех действий, не заключала в себе никаких любовных интриг и была бы ни слишком грустна, ни слишком серьезна, ни слишком весела».⁷¹

Несомненная новизна переводной драматургии начала XVIII в. — ее отличный от прежней школьной драмы секуляризированный харак-

⁶⁸ См. подробнее: *Морозов П. О.* История русского театра. СПб., 1889. Т. 1. С. 198—294; *Замятин Г.* К вопросу о связи русского театра начала XVIII в. с немецким // Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук. 1933. № 10. С. 769—804.

⁶⁹ Тексты переводных пьес изданы в кн.: *Тихомиров Н. С.* Русские драматические произведения 1672—1725 гг. СПб., 1874. Т. 1—2.

⁷⁰ *Тихомиров Н. С.* Русские драматические произведения. Т. 1. С. XLI.

⁷¹ Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. М., 1903. Ч. 4. С. 8.

тер. Он проявился как в трактовке историко-политической темы, когда на сцене библейских персонажей сменили деятели европейской истории, так и в эмансипации любви, которая из полностью подавляемого «дела плоти», дьявольского искушения, стала непременной частью «политеса». Но дальнейшее развитие переводной драматургии было прервано на два десятилетия: Петр быстро увлекался, но быстро и остывал, а театр не мог существовать без мецената. В последующие годы репертуар Кунста — Фюрста был полностью забыт.

«Молчание поэзии»

Латинская поговорка «*Inter arma silent Musae*» появилась в России в начале XVIII в. «Молчит учение во время шуму оружия»,⁷² — эти слова в полной мере относятся к восприятию европейской поэзии в России. В переводной литературе внимание Петра I было обращено к прозе и отчасти драматургии, поэзия же вовсе не входила в круг его интересов. Вряд ли это объяснимо только его личными вкусами и пристрастиями, ведь и в Европе поэзия была не у всех в большой чести. Петр вполне мог согласиться с мнением чтимого им Лейбница, что «ценность поэзии по отношению к науке составляет пропорцию примерно 1 : 7».⁷³ Хотя сам Петр, если верить преданию, после некоторого колебания и прочел одну сатиру Ювенала,⁷⁴ это никак не сказалось на его отношении к поэзии, недаром при нем не было напечатано ни одной переводной поэтической книжки, а уже подготовленная к печати в 1700 г. И. Копиевским книга «Горацій Флякус о добродетели, стихами поетъцкими, русский»,⁷⁵ так и не увидела света, и никаких следов этого перевода, к сожалению, не сохранилось.

Правда, в Посольском приказе по службе следили за европейской «фроссикой», в том числе стихотворной.⁷⁶ Но отдельные переводы окказиональных стихотворений были прозаическими с сухими примечаниями, в которых объяснялись мифологические образы или истолковывались политические аллегории.⁷⁷ Один из прозаических переводов был даже издан в 1710 г. — «Хвала» голландского поэта

⁷² Дневные записки святого чудотворца Димитрия, митрополита Ростовского. М., 1781. С. 82 (запись 1707 г.). Ср. «Под звоном оружия права гражданские молчат» — перевод пословицы «*Inter arma silent leges*» (Рассуждение, какие законные причины его величество Петр Великий, император и самодержец всероссийский <...> к начатию войны против короля Карола 12, шведского 1700 году имел. СПб., 1722. С. 16).

⁷³ Гилберт К., Кун Г. История эстетики. М., 1960. С. 222. Ср.: *Hazard P. The European Mind: 1680—1715*. London, 1953. Ch. 5.

⁷⁴ См.: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 99.

⁷⁵ Там же. С. 526.

⁷⁶ См.: Богословский М. М. Петр I. М., 1941. Т. 2. С. 163—164; Николаев Н. И., Николаев С. И. Латинское стихотворение 1698 г. в честь Петра I // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского дома. Л., 1985. С. 254—261.

⁷⁷ См. перевод двух таких стихотворений, относящийся к 1708 г.: «Его царскому величеству на недавное его завоевание кораблей» и «В славу его царского величества на день торжества славной виктории, полученной над шведами в 28 день сентября 1708 году» (РГАДА, ф. 17, № 152).

И.Алкемаде на победу под Полтавой (напечатано вместе с голландским стихотворным оригиналом).⁷⁸ Однако в этих переводах уже нет того непосредственного живого интереса к поэтическому тексту, который знаком по некоторым переводам XVII в.

Переводная поэзия, равно как и отдельные случаи переводов беллетристики, была предоставлена самой себе, и, не войдя в культурную программу Петра, могла стать лишь частным занятием. Между тем и такое положение мало способствовало ее расцвету. С одной стороны, профессиональные литераторы были заняты выполнением многочисленных поручений Петра, не оставлявших времени для иных занятий, с другой стороны, у самих поэтов заметен спад в творчестве. При таких неблагоприятных в целом условиях понятен очень небольшой репертуар переводной поэзии. Но необходимо отметить, что самой проблемы стихотворного перевода не было, она уже была решена в XVII в. К петровской эпохе относятся такие большие по объему тексты, как «История о Париже и Вене», переведенная с итальянского, и пьеса «Дафнис, гонением любовного Аполлона в древо лавровое превращенная», переведенная с польского.⁷⁹

Самым значительным предприятием в переводной лирике можно было бы считать целенаправленные опыты русских «немецких поэтов» — Эрнста Глюка и Иоганна Вернера Паузе. Блестяще образованные ученые-энциклопедисты, разными путями попавшие в Россию в начале XVIII в., между прочими своими многочисленными трудами занимались поэзией. Их оригинальные стихотворения носили довольно обычный панегирический характер, более новаторской оказалась попытка создания в России протестантской религиозной поэзии. Всего в 1705—1708 гг. Глюк и Паузе перевели 102 религиозных гимна немецких авторов XVI—XVII вв., «окрашенных мистико-пиетической углубленностью».⁸⁰ Среди них оказались как псалмы немецких поэтов, так и немецкие обработки латинских гимнов «Dies irae» и «Te Deum laudamus». Значительная плодovitость Глюка и Паузе не была следствием особого поэтического вдохновения. В.Н.Перетц справедливо писал: «Поэзия и стихотворство вовсе не были их призванием: к стихотворным переводам с немецкого они обратились как к наиболее удачному средству заинтересовать русских и привлечь их в свое исповедание».⁸¹ Одновременно они перевели молитвы, чин лютеранской службы и катехизис.

Но все старания немецких поэтов оказались напрасны: их переводам суждено было остаться «беспоследственным эпизодом» в становлении русского стиха,⁸² а в истории русской культуры они оказались «вне литературы».⁸³ Гимны Глюка и Паузе были известны очень узкому кругу читателей и сохранились преимущественно в авторских ру-

⁷⁸ См.: Описание изданий гражданской печати: 1708—январь 1725 г. / Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.; Л., 1955. С. 115.

⁷⁹ О переводах с польского см. раздел 2 этой главы.

⁸⁰ Топоров В. Н. Э. Глюк и «немецкая» русская поэзия первой трети XVIII в. // М. В. Ломоносов и русская культура. Тарту, 1986. С. 13.

⁸¹ Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1902. Т. 3. С. 71.

⁸² Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. М., 1984. С. 44.

⁸³ Берков П. Н. Проблемы исторического развития литератур. Л., 1981. С. 259.

кописях. Многократная редакция Паузе все же не придала им безусловно русского облика, а наивная надежда на привлечение в протестантизм путем распространения религиозных гимнов и псалмов если и могла в России встретить некоторое сочувствие, то отнюдь не полное одобрение. Эта судьба постигла все их наследие, в том числе и довольно неожиданно появившуюся среди гимнов Паузе в 1711 г. «Любовную элегию» («Dorinde! Soll ich denn verbrennen...») Г. Гофмансвальдау.⁸⁴ Это стихотворение к пиетизму, конечно, отношения не имеет и было переведено, очевидно, по заказу.

Паузе активно стал переводить с 1706 г., после того, как его изгнали из школы магистра Глюка, тогда уже покойного. Почти в таких же обстоятельствах, без дела и практически в изгнании, оказался в Москве в 1714 г. И. П. Максимович, племянник митрополита Иоанна Максимовича. Ему, одному из приближенных гетмана Мазепы, царским указом было предписано жить в Москве и в другие «знатные города и места отнюдь не съезжать». Оказавшись не у дел, бывший генеральный писарь, а некогда выпускник Киево-Могилянской академии, обратился к поэзии: «Хотяц бо в многмятежном жития моего состоянии мысль свою унывающую врачевати, вознамєрих ради упразднения єя некоего книжицу „Желания благоговейная“, латинскими стихами изображенную, славено-российскими превести виршами».⁸⁵ «Желания благоговейная» — перевод книги бельгийского иезуита Германа Гуго «Pia desideria» (1624), завершённый Максимовичем в 1718 г. Выбор переводчика понятен: соответствующие его настроению медитативные элегии брюссельского мистика были исключительно популярны в Европе и до середины XVIII в. выдержали более сорока изданий на латинском языке. Эмблематический сборник Гуго стал образцом сочинений этого рода в русских духовных училищах, а в 1790-х гг. были опубликованы избранные элегии в новом переводе.⁸⁶

В отличие от Глюка и Паузе труд Максимовича был выполнен традиционным 13-тистолжником без каких-либо новаций. В течение XVIII в. перевод несколько раз переписывался, но и в рукописной традиции не получил особой популярности. «Желания благоговейная» остались едва ли не единственным образцом распространённой в европейской поэзии эпохи барокко религиозно-эротической поэзии с характерным смешением библейских (из «Песни Песней») и античных образов, в которой изображено стремление христианской души к Небесной Отчизне, Жениха (Иисуса Христа) к Невесте (Церкви).

Как бы ни были периферийны по своей роли названные переводы, они вместе с некоторыми другими прозаическими переводами религиозно-мистического характера («Утешение духовное» Фомы Кемпийского, «Богомыслие» Гергарда) образуют в литературе первой четверти XVIII в. особое направление, которое даст плоды

⁸⁴ См.: Там же. С. 260—261; Вирши: Силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1935. С. 162—164.

⁸⁵ Цит. по: Николаев С. И. Литературные занятия Ивана Максимовича // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 388.

⁸⁶ См.: Стихотворения, выбранные из сочинения Германа Гугона под названием Благочестивые желания. М., 1795.

позднее, в эпоху расцвета масонской литературы. Тогда интерес к этим произведениям возрастет и некоторые из них будут изданы даже в старых переводах петровского времени.

Для общей переводческой культуры показательны, что стихотворные цитаты обычно переводились стихами: из Овидия, Марциала, Каллимаха и др. Но все эти цитаты, даже собранные вместе, не могли дать и бледного образа античной поэзии, равно как и прозаические переводы «Метаморфоз» и «Батрахомиомахии».

Общий объем стихотворных текстов (включая драму, роман в стихах, гадательную книжку, лечебник), переведенных при Петре, довольно велик. Однако этот калейдоскоп разных языков и жанров не дает и не может дать цельной картины. Действительно, Петровская эпоха — время иногда совершенно случайного выбора. Но при разнообразии заметно отсутствие современной европейской поэзии и вообще ориентации на какую-то одну литературу. Время господства польской словесности уже почти ушло, а немецкой или французской еще не наступило. Можно, правда, предположить, что к середине 1720-х гг. проявляется интерес к усвоению новолатинской образованности и литературы, как своеобразного мостика к классической культуре.⁸⁷ Но латинской образованности не суждено было прижиться в России в полной мере — начиная со второй трети века новолатинскую культуру затмили национальные европейские литературы, и принципы перевода европейской поэзии вырабатывали А. Д. Кантемир, М. В. Ломоносов и повзрослевший Тредиаковский, оставивший свой экспериментаторский, конвульсивный латинизированный стих из перевода «Аргениды» Баркляя.

* * *

Дальнейшая судьба переводной литературы Петровской эпохи сложилась неудачно, и тому было несколько причин. Попытка Петра и его сподвижников за одно-два десятилетия спешной работы усвоить всю сумму европейской учености, чтобы сразу целая нация (или хотя бы «шляхетство») стала «в просвещении с веком наравне», не могла сразу дать ожидаемых царем результатов. Многие культурные начинания затронули лишь узкий слой дворянства (а грамотность по стране в целом даже снизилась). Если для Феофана Прокоповича Гуго Гроций был «славным законоучителем», то это мнение вовсе не стало общепринятым, в дворянской массе скорее можно было услышать, что

Гроциус и Пуфендорф и римские права —
О тех помнить нечего: не на наши нравы.⁸⁸

А вскоре на некоторые переводы, вышедшие некогда под патронатом самого Петра, начались и прямые гонения: в 1731 г. стало

⁸⁷ См.: Берков П. Н. 1) Русские новолатинские и греческие поэты XVII—XX вв. (период первый — с 30-х гг. XVII в. по 30-е гг. XVIII в. // *L'Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves*. Bruxelles, 1968. Т. 18. Р. 13—54; 2) Проблемы исторического развития литератур. С. 211—215.

⁸⁸ Кантемир А. Собрание стихотворений. С. 373.

изыматься «Введение в историю европейскую» Пуфендорфа,⁸⁹ а в 1749 г. был запрещен «Феатрон» Стратемана.⁹⁰

Изымались и рукописные переводы. Так, в деле А. П. Волынского фигурировали переводы первой четверти века. «Признавшись в имени у себя книги Макиавеля, он показал, что ее не читал, а Юста Липсия держал у себя простотою, из глупости».⁹¹ Но по доносу слуги Волынского известен его другой, более красноречивый отзыв о Липсии в переводе Симона Кохановского: «Эта книга не нынешнего времени читать».⁹² Императрица Анна Иоанновна об идеях Волынского говорила: «Знатно, взял он то из книги Макиавелевой».⁹³ Волынский отрицал это, говоря, что он о политиках придворных довольно «начитался в книге „Политического счастья ковач“». «Эта книга всем известна, — возразили Чернышев, Румянцев и князь Трубецкой, — да нет в ней того, что ты в письме своем написал».⁹⁴ Очевидно, что после кончины Петра I об издании этих переводов не могло быть и речи, почти все они так и остались в немногих списках. Время относительной толеранции при Петре (как религиозной, так и идейной) закончилось.

Больше повезло другим видам переводов, также вызванных к жизни в Петровскую эпоху. Несколько раз издавались «Апофегматы» Б. Будного (1745, 1765, 1781, 1788), а в 1747 г. были изданы «Похождения Телемаковы» в переводе Хрущева. В 1748 г. В. Н. Татищев в частном письме И. Д. Шумахеру со сдержанной похвалой отозвался об этой книге, заметив, что она «сколько благорассудным полезна, столько слабым рассуждениям камнем преткновения быть может».⁹⁵ Отзыв В. К. Тредиаковского о той же книге (в предисловии к «Тилемахиде») более строг: «Тилемах наш переведенный и напечатанный токмо тень, или еще и та, истинного есть Тилемаха. Коль ни благоразумный и ни добронравный переводил его муж, и язык разумевший французский, однако, не обратившийся ни мало в словесных науках, не мог произвести перевода своего так, как всеконечно надобно было».⁹⁶ Критика писателем-профессионалом литератора-дилетанта была вполне в духе 1760-х гг.⁹⁷

⁸⁹ См.: Тихонравов К. Указ Синода об отобрании книги «Введение в историю европейскую» // Русская старина. 1895. № 12. С. 148.

⁹⁰ См.: Лесков Н. С. Распоряжение Св. Синода об отобрании у всех книги «Феатрон, или Позор исторический» // Исторический вестник. 1882. № 3. С. 732—733. Книга изымалась «ради находящихся в ней многих святой православной восточной, грековосточной церкви противностей и немало соблазнов».

⁹¹ Записка об Артемии Волынском // ЧОИДР. 1858. Кн. 2. Отд. 5. С. 150.

⁹² Там же. С. 147.

⁹³ Там же. С. 138.

⁹⁴ Там же. С. 145. Ср.: Готье Ю. В. «Проект о поправлении государственных дел» Артемия Волынского // Дела и дни. 1922. Кн. 3. С. 1—31.

⁹⁵ Андреев А. И. Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг. // Исторический архив. М.: Л., 1951. Т. 6. С. 276.

⁹⁶ Тредиаковский В. К. Сочинения. СПб., 1849. Т. 2, отд. 1. С. LVII. Ср., однако, положительные отклики читателей второй половины века: Памятные книжные даты: 1991. М., 1991. С. 98.

⁹⁷ См.: Степанов В. П. К вопросу о репутации литературы в середине XVIII в. // Русская литература XVIII — начала XIX в. в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 105—120. (XVIII век. Сб. 14).

Но особо на судьбу переводной литературы первой четверти века повлиял ее язык. Возникновение литературного языка нового типа относится как раз к этому времени, отсюда стилистическая какофония и лексическая неупорядоченность в литературе той поры и в особенности переводов, делавшихся в крайней спешке. Язык некоторых переводов, по меткому выражению А. В. Исаченко, — это «беспорядочное смешение славенцизмы с жаргоном фельдфебеля, унаследованных украинизмов и полонизмов с западноевропейской лексикой».⁹⁸

Критику языка переводов начал уже сам Петр I, продолжалась она и позднее. Так, в 1747 г. Татищев писал о переиздании «Апофегмат» Будного: «В „Апофегматах“ перевод неприличный неким несмысленным или высокоумным церковникам высокий славенский язык, которого мало люди разумеют, а паче люди неученые».⁹⁹ А В. Г. Рубан в 1772 г. критиковал «Батрахомиомахию» в переводе Копиевского за непонятные заимствования.¹⁰⁰ В конце XVIII в. перевод петровского времени мог попасть в печать в «переводе» на литературный язык той поры, как случилось с упомянутыми «Апофегматами» — вышедший в 1788 г. новый перевод под заглавием «Собрание нравоучительных, кратких и замысловатых речей» на проверку оказывается все тем же петровским переводом, в котором обновлена лексика и устранены устаревшие глагольные формы.¹⁰¹

Переход от «высокого славенского слога» к «гражданскому посредственному речению» и затем к кодифицированному литературному языку занял много времени и воздвиг преграду на пути восприятия переводов начала века.¹⁰² Это, конечно, не вина, а факт сам по себе, необходимость, а не беда переводчиков Петровской эпохи. Но бесплодным их труд назвать нельзя. Сформировавшийся под руководством и присмотром Петра I репертуар переводной литературы в большей своей части был заново переведен уже в XVIII в.: вышли новые переводы Пуфендорфа (1767), Гергарда (1799), Ришелье (1767) и Мазарини (1802), Гуго (1795) и многие другие; почти полностью, естественно, был заново переведен петровский репертуар античной литературы. Направление дальнейшего развития было верно угадано переводчиками начала века, они действительно, по выражению Пушкина, оказались «почтовыми лошадьми просвещения».

⁹⁸ Исаченко А. В. Когда сформировался русский литературный язык? // Wiener slavistisches Jahrbuch. 1978. Bd 24. S. 134.

⁹⁹ Андреев А. И. Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг. С. 260.

¹⁰⁰ См.: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 2. С. 28.

¹⁰¹ См.: Николаев С. И. Из истории русских изданий «Апофегм» Беняша Будного // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 388—390.

¹⁰² О языке начала века см., в частности: Живов В. М. 1) Новые материалы для истории перевода «Географии генеральной» Бернарда Варения // ИОЛЯ. 1986. № 3. С. 246—260; 2) Культурные конфликты в истории русского литературного языка XVIII—начала XIX в. М., 1990; 3) Языковая ситуация Петровской эпохи и возникновение литературного языка нового типа // Wiener slavistischer Almanach. 1990. Bd 25/26. S. 451—469.

Экскурсы

1. АНТИЧНОСТЬ В КРУГУ ПЕРЕВОДНЫХ ПАМЯТНИКОВ

В изучении судеб античного наследия в России время Петра I отмечается появлением ряда новых переводов, связанных с общим процессом изменения культурной политики Петра I. Обычно в этом не без оснований усматривают один из признаков секуляризации культуры. Однако выяснение роли и значения этих переводов нуждается в существенных дополнениях и детализации.

В последнем по времени историографическом обзоре переводов античных памятников в первой четверти XVIII в. упоминается только пять переводов произведений собственно античной литературы: 1) «Притчи Эсоповы на латинском и русском языке <...> совокупно же Брань жаб и мышей, Гомером древле описана» (Амстердам, 1700); 2) «Книга Квинта Курция о делах содеянных Александра Великого царя Македонского» (М., 1709); 3) «Краткое описание о войнах из книг Цезариевых с некоторыми знатными приметы о тех войнах, со особливым о войне разговором» (М., 1711); 4) «Аполлодора грамматика афинейского Библиотеки, или О богах» (М., 1725); 5) «Книги Иулия Фронтина, сенатора римского, о случаях военных» (1692 г. — РГАДА. Ф. 181. № 257/462).¹ Этот краткий список можно значительно увеличить за счет других переводов (в том числе рукописных) и сведений о несохранившихся рукописях. В 1704 г. в Москве с польского языка была переведена известная эпитама «Ливия Юлия Флора о начатии и действиях народу римскаго»,² в 1705 г. И. Г. Паузе перевел сборник жизнеописаний Корнелия Непота,³ в 1716 г. учителя черниговской коллегии завершили грандиозный труд — перевод «Истории» Тита Ливия.⁴ К Петровской эпохе относятся и «Валерия Максима приклады, памяти достойные».⁵ В 1722 г. появился «Епиктетов Энхиридион с греко-латинского на славянорусский диалект преложенный»,⁶ а в 1720 г. А. Барсов закончил перевод книги «Кевита Фивеанина, философа платоническо-

¹ См.: Фролов Э. Д. Русская историография античности (до середины XIX в.). Л., 1967. С. 47—48. См. также более раннюю работу: Лобода А. М. К истории классицизма в России в первую половину XVIII столетия // *Serta Borysthenica: Сборник в честь Ю. А. Кулаковского*. Киев, 1911. С. 369—388. См. также новейшую работу, в которой учтены переводы конца XVII в.: Thomson F. J. *The Distorted Mediaeval Russian Perception of Classical Antiquity: The Causes and the Consequences* // *Mediaeval Antiquity*. Leuven, 1995. P. 303—364.

² РНБ, Q.IV.92.

³ БРАН, 1.2.2. См.: Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1902. Т. 3. Приложения. С. 91.

⁴ ГИМ, Синодальное собр., № 295—299. См.: Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1973. Ч. 2. С. 120—121.

⁵ РНБ, F.IV.206.

⁶ РНБ, Собр. Михайловского, Q.226. Скорее всего, это считающийся утраченным перевод И. Ильинского, представленный им в 1724 г. Петру I, см.: Майков Л. Н. Материалы для биографии кн. А. Д. Кантемира. СПб., 1903. С. 312; Библиотека Петра I: Указатель-справочник. Л., 1978. С. 53.

го, Дска о правом состоянии жизни человеческая».⁷ Несомненно, к Петровской эпохе относятся «Афоризмы» Гипократа⁸ и переводы с польского «Метаморфоз» Овидия.⁹ Поразительный успех выпал на долю «Моралий» Плутарха, их польская обработка — «Апофегмы» Беняша Будного — на рубеже XVII—XVIII вв. была переведена в России три раза,¹⁰ причем последний по времени перевод только при Петре был напечатан пять раз (1711, 1712, 1716 — дважды, 1723), а затем переиздан в 1745, 1765, 1781 и 1788 г.¹¹ Большая выборка из этой книги многократно печаталась в составе «Письмовника» Н. Г. Курганова.

На основании косвенных данных к первой трети XVIII в. можно отнести несохранившиеся «Епистолии Цьцерона» из библиотеки А. А. Матвеева,¹² «Теофрастовы рассуждения» из библиотеки Ф. Г. Баузе, подготовленную к 1700 г. И. Копиевским книгу «Гораций Флякус о добродетели, стихами поетъцкими, русский», а также ряд несохранившихся переводов из собрания кн. Д. М. Голицына, известных по описи 1737 г.: «Книга, титулованная Разум Сенекин, или Лутчия речения сего философа», «Диолектика политика премудраго философа Аристотеля», «Книга премудраго Аристотеля о разных вещах физических», «Философа Аристотеля и протчих мудрых о физических вещах описания».¹³ К этой же группе относится несохранившийся перевод «Июлия Кесаря дел описание», выполненный с латинского языка Ф. Л. Анохиным в 1724 г. по поручению Петра I.¹⁴

Рукописи упомянутых переводов были не единичны, известно несколько списков (в том числе по описям библиотек) «Энхиридиона» Эпиктета,¹⁵ «Истории» Тита Ливия,¹⁶ «Афоризмов» Гиппо-

⁷ РГБ, Собр. Тихонравова. № 204.

⁸ БРАН, 16.16.30.

⁹ Первый перевод: ГИМ, Синодальное собр., № 809; РНБ, Q.XVIII.4; РГАДА, ф. 181, № 671; БРАН, 17.14.21; второй перевод: БРАН, Тек. пост., № 744; ЦНБ АН Украины, Собр. Киево-Печерской лавры, № 344п/225. Подробнее см.: Николаев С. И. Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи // Русская литература. 1988. № 1. С. 162—164.

¹⁰ См.: Malek E. Staroruskie przekłady «Apostegmatów» Bieniasza Budnego // Studia filologiczne Wyższej szkoły pedagogicznej w Bydgoszczy. Zesz. 4: Filologia rosyjska. Bydgoszcz, 1978. S. 7—23; Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3, ч. 1. С. 94—98.

¹¹ См.: Описание изданий гражданской печати: 1708—январь 1725 г. / Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.; Л., 1955. С. 119—120, 128, 185, 194, 412; Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в.: 1725—1800. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 130—131; Зернова А. С., Каменева Т. Н. Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII в. М., 1968. С. 526; Николаев С. И. Из истории русских изданий «Апофегм» Беняша Будного // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 388—390.

¹² См.: Библиотека А. А. Матвеева (1666—1728): Каталог. М., 1985. С. 43.

¹³ См.: Градова Б. А., Кюсс Б. М., Корецкий В. И. К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына // Археографический ежегодник за 1978 г. М., 1979. С. 241, 243, 246. Возможно, что «Летописец от зачатия Рима, следовательно, без автора» (С. 246) представлял собой перевод какой-то эпитомы.

¹⁴ См.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве <...> Синода. СПб., 1878. Т. 3. Стб. 639—640; Словарь русских писателей XVIII в. Л., 1988. Вып. 1. С. 29.

¹⁵ См.: Библиотека Петра I: Указатель-справочник. С. 53.

¹⁶ ЦНБ АН Украины, Собр. Киево-Печерской лавры, № 543п/1741; Градова Б. А., Кюсс Б. М., Корецкий В. И. К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына. С. 243.

крата,¹⁷ «Таблицы, или Картины» Кебета.¹⁸ Два памятника появились в двух переводах: кроме изданной в 1709 г. книги Квинта Курция Руфа сохранился рукописный перевод И. Копиевского¹⁹ и несколько списков двух переводов «Метаморфоз» Овидия.

Большая часть перечисленных переводов осталась неизданной, тем не менее в 1708 г. серьезно обсуждался вопрос об издании «Метаморфоз» (по списку, принадлежавшему Петру I),²⁰ а в 1722 г. Синодальная типография уже готовилась печатать Тита Ливия, но и это не было осуществлено, так как «зело неисправный перевод» потребовал бы «ко исправлению и труда многого и времени довольно».²¹

Совокупность приведенных данных не позволяет согласиться с простой констатацией того, что «в первой четверти XVIII в. русская литература пополнилась целым рядом новых переводных произведений, содержащих сведения об античном мире».²² Это было не постепенное увеличение, а резкое изменение, взрыв: в 1690—1720-х гг. памятников античной литературы было переведено больше, чем за всю предшествующую историю русской литературы, а число переводов, так или иначе трактующих античные темы (историография, драма, проза), возросло необычайно. Отдельным опытом XI—XVI вв. Петровская эпоха противопоставила целенаправленную деятельность по усвоению античного наследия, фундамента европейской культуры. Какие характерные черты этой деятельности могут быть отмечены?

Несмотря на новаторский в целом характер провозглашенной Петром I культурной программы, многие античные темы и сюжеты были не новы и известны древнерусской литературе либо по прежним переводам, либо изложены по другим источникам. Так, «Энхиридион» Эпиктета был переведен еще в древнеславянскую эпоху,²³ басни Эзопа — в 1609 г., книга Квинта Курция Руфа сменила древнерусскую Александрию, античные мифы, известные по хронографам, в Петровскую эпоху предстают собранными в «Метаморфозах» Овидия и «Библиотеках» Аполлодора. Эти узнаваемые темы и сюжеты входят в более обширный круг «вечных спутников», образующих не просто круг чтения, а школьный канон, который и создавался по образцу европейского школьного канона. Подобная ориентация сказалась в том, что для перевода были выбраны те произведения классических древностей, которые прочно вошли в русскую культурную традицию и заново переводились в XVIII—XX вв. (Эзоп, Эпиктет, Гомер, Сенека, Овидий, Аполлодор, Корне-

¹⁷ См.: *Соболевский А. И.* Из переводной литературы Петровской эпохи: Библиографические материалы. СПб., 1908. С. 46.

¹⁸ См.: *Градова Б. А., Кюсс Б. М., Корецкий В. И.* К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына. С. 246.

¹⁹ БРАН, П. I. Б 81. См.: Библиотека Петра I. С. 32.

²⁰ См.: *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2. С. 647.

²¹ Там же. Т. 1. С. 219. Ср.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве <...> Синода. Т. 2, ч. 1. Стб. 849—853.

²² *Фролов Э. Д.* Русская историография античности. С. 48.

²³ См.: *Буланин Д. М.* Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв. München, 1991. С. 96—137.

лий Непот, Кебет). Замена или обновление античных переводов совпадают и с переориентацией с греко-византийских древностей на римские: почти все древнегреческие памятники прошли латинскую обработку.

Однако сюжетное и тематическое сходство античных памятников, переведенных в Древней Руси и в Петровскую эпоху, относительно. Древнерусский книжник переводил и читал античные памятники не из праздного любопытства и статус античности в его сознании не определялся эстетической ценностью эллинской мудрости самой по себе. В исторических сочинениях, посвященных древнему миру (Хроники Георгия Амартола, Константина Манассии и др.) древнерусский писатель усматривал доказательства телеологичности развития мира, его подход к античности был конфессионально детерминирован. Из философских же сочинений (например, «Энхиридиона») извлекались моральные наставления, не противоречащие христианской доктрине.²⁴

Петровская эпоха встала на путь цивилизаторского западноевропейского отношения к античности. Между тем, при обзоре переводных памятников бросается в глаза отсутствие древнегреческой и римской драмы (трагедии и комедии), лирики и прозы.²⁵ Не говоря уже об Эпиктете, Кебете, Сенеке — строго философской литературе, даже Эзоп и Овидий воспринимались не просто как литературные произведения. Перевод Эзопа печатался параллельно с латинским текстом — для обучения латыни, а стихи Овидия переводятся прозой и сопровождаются обширными комментариями, превращающими «Метаморфозы» в комментированный свод мифов и античных сказаний. Сочинения Корнелия Непота, Валерия Максима и Ливия рассматривались не столько как исторические, сколько историософские и назидательные. Такая трактовка «пользы истории» особенно четко выражена Симоном Кохановским в небольшом его сочинении «Похвала истории».²⁶

В 1712 г. Симон Кохановский, в то время преподававший в Киево-Могилянской академии, перевел «тщанием» известного мецената кн. Д. М. Голицына «Книгу Юста Липсия, собранную из древних книг истории примеров политических предложений». В 1721 г., уже в Петербурге, Симон Кохановский переработал перевод и озглавил его «Увещания и приклады политические от различных историков Юстом Липсием на латинском языке собранные». В новой редакции появились «Предисловие к читателю» с изложением принципов перевода и «Похвала истории». В самом ее начале автор говорит: «Сугубая вина поощряет нас прилежати чтению истории, первое, яко знание различных мимошедших дел некую особную утеху» доставляет, «понеже от

²⁴ Подробно эта концепция изложена и аргументирована в кн.: Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв. С. 9—95.

²⁵ Единственное, кажется, исключение — «Повесть о Лукриановом осле»; см. издание текста: Николаев С. И. «Повесть о Лукриановом осле» в кругу переводных античных памятников Петровской эпохи // XVIII век. СПб., 1991. Сб. 17. С. 143—159.

²⁶ Далее цитаты из этого сочинения приводятся по публикации: Симон Кохановский. Похвала истории / Подготовка текста, примечания и послесловие С. И. Николаева // Литература и история. (Исторический процесс в творческом сознании русских писателей XVIII—XX вв.). СПб., 1992. С. 281—284.

естества желаем знати, что многими лета прежде нас содеяно бысть <...> вторая вина, яко чтение различных историй многую ползу приносит нам, егда поучает о должности приватнаго нашего жития, показывает притчины бед и тяжких перемен в государствах и подает советы к народному управлению». Рассмотрению второй «вины» и посвящена практически вся «Похвала».

Книга Липсия представляет собой выборку из различных исторических сочинений примеров как добродетельных, так и неблагоприятных поступков исторических персонажей в разнообразных жизненных положениях, причем все примеры расположены по рубрикам. Подобная структура книги была не нова и для русского читателя. За полвека до появления перевода Липсия на русский было переведено не менее известное произведение, в названии которого также присутствует *exemplum* (пример) — «Великое зеркало прикладов». В предисловиях к обоим памятникам есть поразительное совпадение. Смысл «Великого зеркала» поясняется так: «Сей творец сих повестей или прикладов духовных книгу в лепоту Зерцало Великое наречет, ибо зряй ея в зеркале белость или черность лица своего усмотряет, или ин некий порок удобно познает и имеяй очи положены во главе, тщится вред от тела своего истребляти», «узришися весь, си есть по внешнему человеку глаголю и внутреннему, и многая себе подобия или образцы к духовному своему делательству или художеству, подобне же и к вешному и мирскому спасению изобразяещи». ²⁷ Симон Кохановский вторит: «Аще добре разсуждати хошем, история не что иное есть, точию жития человеческого зеркало; яко же бо в зеркало смотрящии удобь могут поморанное лице свое отерти, тако и во историях что полезно и что худо и безчестно зделано, и что от нас подобне честно или безчестно быти может, — ясно видим».

Из сходства обоих пассажей проясняется смысл «Похвалы историй». Она фиксирует создание в России новой нравственной поведенческой парадигмы, прежней по форме, а по сути принципиально секуляризированной — место рядом с христианскими подвижниками и идеалами занимают теперь и античные герои и римские добродетели. Симон Кохановский прозорливо угадал антикизирующую тенденцию в воспитании, прочно и надолго вошедшую в русский обиход начиная с Петровской эпохи. Именно она звучит в простодушном вопросе на балу малолетнего Никиты Муравьева: «Мама, разве Аристид и Катон танцевали?» ²⁸ Однако подражание «римским доблестям» не вытеснило допетровскую «душеполезную» парадигму, а положило начало их соположению и сосуществованию на протяже-

²⁷ *Владимиров П. В.* Великое зеркало: Из истории русской переводной литературы XVII в. М., 1884. С. 51—53. Сравнение чтения богодухновенной литературы с рассматриванием себя в зеркало было разработано Блаженным Августином, а затем развито христианскими писателями, см.: *Bradley S. R.* Background of the Title *speculum* in Medieval Literature // *Speculum*. 1954. Vol. 29. № 1. P. 100—115. О европейской светской традиции «зерцал», восходящей к древнегреческой литературе, см., в частности: *Słownik literatury staropolskiej (Średniowiecze. Renesans. Barok)*. Wrocław, 1990. S. 935—936.

²⁸ См.: *Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII—начало XIX в.). СПб., 1994. С. 63. Ср.: *Глинка С. Н.* Записки. СПб., 1895. С. 61—63.

нии всего петербургского периода русской истории. Доказательством тому служат хотя бы сотни полных и неполных списков XVIII—XIX вв. того же «Великого зеркала». Приверженцы и воспитанники прежней парадигмы иногда и не знали о другой, новой, а пересечение и столкновение двух традиций могло порождать новые и неоднозначные художественные смыслы.²⁹

Введение античности в русский культурный обиход заметно и на изменении риторической фразеологии деятелей эпохи. Понятно, что сочинения, например, Феофана Прокоповича обильно пересыпаны латинскими сентенциями — тут сказывается его школьная выучка. Однако у Петра I такой выучки не было, а именно он обильно уснащал свою речь классическими оборотами. Так, еще в 1696 г., сообщая в Москву о делах под Азовом, Петр пишет: «Ныне же, аще воля есть, радети от всего сердца в защищение единовѣрных своих и себя к бессмертной памяти просим, понеже время есть и фортуна сквозь нас бежит, которая никогда к нам так близко на юг не бывала, блажен, иже имется за власы ея».³⁰ Представление о бегущей Фортуне, которую необходимо хватать за волосы, не принадлежит к самым распространенным, и древнерусской фразеологии, кажется, неизвестно.³¹

В 1705 г. Петр писал из Митавы: «Мы здесь великое несчастье имеем, понеже господин Леингопт, яко Нарцис от Эхо, от нас удаляется».³² В речи 1714 г. о «коловоращении наук» Петр, в частности, говорил своим сподвижникам, что Россия станет родиной наук, если ему будут помогать, «памятуя присно латинское оное присловие: молитесь и трудитесь».³³ Встречаются у него и другие классические выражения, в том числе цитероновское «Из двух зол легчайшее выбрать».³⁴ Выяснить прямые источники афористики Петра пока не представляется возможным,³⁵ очевидно лишь то, что какие-то классические выражения он мог почерпнуть, например, из «Арифмологии» (1673) Николая Спафария, где имеется «рукописание кесарей римских от Каиа Иулия Кесаря даже до Константина Великаго».³⁶

Стремление Петра к краткому, афористическому стилю, а также поразительная способность аккумулировать сведения из разных ис-

²⁹ См.: Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 193—195.

³⁰ Цит. по: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 7. С. 539.

³¹ См.: Ковтун Л. С. Планида — фуртуна — счастное колесо (к истории русской идиоматики) // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 24. С. 327—330. Вместе с тем описание Фортуны как «богини плешивой», «плешивого счастья» у А. Д. Кантемира в V сатире вполне оправданно, если мы учтем его начитанность в классических древностях, см.: Кантемир А. Собр. стихотворений. Л., 1956. С. 142, 143.

³² Цит. по: Семевский М. И. Шутки и потехи Петра Великого (Петр Великий как юморист) // Русская старина. 1872. Т. 5. № 6. С. 851.

³³ Голиков И. Деяния Петра Великого. М., 1788. Ч. 4. С. 373.

³⁴ Цит. по: Соловьев С. М. Публичные чтения о Петре Великом. М., 1984. С. 118 (из письма 1713 г.). Ср.: Бабичев Н. Т., Боровский Я. М. Словарь латинских крылатых слов. М., 1988. С. 249.

³⁵ Мнение И. М. Снегирева, что пословицу «молитесь и трудитесь» Петр вычитал в книге И. Копиевского «Краткое и полезное руководство по арифметыку» (1699), будет осторожнее считать указанием на параллель, а не прямой источник, см.: Снегирев И. М. Русские в своих пословицах. М., 1831. Т. 1. С. 94.

³⁶ См.: Николай Спафарий. Эстетические трактаты. Л., 1978. С. 108—115.

точников хорошо видно на примере использования им выражения *pervus belli* («нерв войны»). Выражение стало широко известно в формулировке Цицерона и подразумевает деньги — движущую силу войны (*pervus belli pecunia*). Афоризм был на слуху ученых людей, например, Димитрий Ростовский приводит его в частном письме 1707 г.³⁷ А Петр I в 1711 г. вставляет эти слова в указ «О поручении правительствующему Сенату попечения о правосудии»: «Денег как возможно собирать, понеже деньги суть артерию войны».³⁸ Далее Петр уже по античной модели создает свой афоризм в указе «О бережении земледельцев»: «Последние суть артерии государства, и как де через артерию (т. е. большую жилу) все тело человеческое питается, так и государство последними».³⁹

В своем поведении Петр оглядывался на римских цезарей. Я.Штелин, описывая «Отважность Петра Великого на море», писал: «Иногда боролся он с разъяренными волнами и жестокою бурей, при которой и самые искуснейшие мореплаватели лишались бодрости, и не только пребывал неустрашим, но еще и других ободрял, говоря им: „Не бойся! Царь Петр не утонет; слыхано ли когда-нибудь, чтобы русский царь утонул“».⁴⁰ Здесь очевидно совпадение с эпизодом из жизни Цезаря, плившего по морю: «Когда лодку стало захлестывать, он открыл перед кормчим свое лицо и крикнул: „Положись на Удачу: ты везешь Цезаря!“»⁴¹

Античные реминисценции в афористике Петра I — это всего лишь одна из граней темы «античность в России в начале XVIII в.», словесное украшение более существенной для Петра связи его государственной доктрины с римской империей — идеалом государственной мощи.⁴² Латинские крылатые слова за время петровских реформ довольно прочно вошли в культурный обиход и даже приобрели свое звучание. Николай Спафарий вряд ли догадывался, что переведенный им афоризм императора Августа «Рим кирпичный взях и мраморный оставляю»⁴³ через полвека сможет отражать уже отечественные реалии, как это сделал Феофан Прокопович: «Август он римский император, яко превеликую о себе похвалу, умирая проглагола: кирпичный, рече, Рим обретох, а мраморный оставляю. Нашему же пресветлейшему монарху тщета была бы, а не похвала сие прогласити; исповести бо воистинну подобает, деревяную он обрете Россию, а сотвори златую».⁴⁴

³⁷ См.: Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709 г.). СПб., 1891. С. 433.

³⁸ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 4. С. 635.

³⁹ Цит. по: Сыромятников Б. И. «Регулярное» государство Петра Первого. М.; Л., 1943. Ч. 1. С. 145.

⁴⁰ Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом. Л., 1990. С. 132.

⁴¹ Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990. С. 384. Ср.: Плутарх. Избранные жизнеописания. М., 1990. Т. 2. С. 469 («Вперед, любезный, смелей, не бойся ничего: ты везешь Цезаря и его счастье»).

⁴² См.: Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Художественный язык Средневековья. М., 1982. С. 236—249.

⁴³ Николай Спафарий. Эстетические трактаты. С. 108. Ср.: Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1964. С. 46.

⁴⁴ Феофан Прокопович. Слова и речи. СПб., 1760. Ч. 1. С. 113.

2. РЫЦАРСКАЯ ИДЕЯ В ПОХОРОННОМ ОБРЯДЕ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

В 1846 г. П. А. Вяземский с сожалением заметил в записной книжке, что у нас «нет слова *patriotisme, patriote*».¹ Но Вяземский сокрушался напрасно. Слово «патриот» в русском языке встречается со времен Петра I, причем обычно оно пояснялось столь знаменательным для русской культуры сочетанием «сын отечества». Уже первая фиксация этого сочетания не оставляет сомнений в его смысловом наполнении: в 1717 г. П. П. Шафиров в «Рассуждении, какие законные причины с.ц.в. Петр Первый <...> к начатию войны против Короля Карола 12 шведского 1700 году имел» к словам «верных патриотов» сделал глоссу «сынов отечествия».² Из «верных рабов» Петр хотел воспитать граждан, «служение государю» заменить «служением отечеству», «общему благу» государства.³ Для воспитания «сынов отечества» (а это в первую очередь его защитники) Петр взял на вооружение, как идеал дворянина-аристократа, идею рыцарства, которая в России приняла прихотливые формы, образуя неразрывное театрально-изобразительно-литературное единство.

В делах Посольского приказа, относящихся к истории русского театра, сохранился следующий документ: «1707 г. февраля в 21 день по приказу дьяков Ивана Волкова, Михайла Родостамова отдано ис комедийной храмины латы добрые вся воинския одежды, и с наручи, и с руками, и что на главу налагают комедиянту иноземцу Артемью Фиршту для того, что велено ему по приказу stolника Ивана Федоровича Головина привести те латы на двор к нему для действия чина при погребении отца ево, боярина Феодора Алексеевича, и те латы привести ему назад в комедию».⁴

«Иноземец Артемий Фиршт» — это золотых дел мастер Отто Фюрст, в 1704 г. ставший во главе театральной труппы публичного театра взамен скончавшегося в конце 1703 г. Иоганна Кунста. Покойный «боярин Феодор Алексеевич» — один из ближайших сподвижников Петра I Ф. А. Головин (ок. 1650—1706): вместе с Ф. Лефортом он возглавлял Великое посольство в Европу, первым из бояр сбрил бороду, был первым кавалером ордена Андрея Первозванного, первым фельдмаршалом, вторым генерал-адмиралом и

¹ Вяземский П. Записные книжки. М., 1992. С. 250.

² См.: Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по истории исторической лексикологии русского языка XVIII в.: Языковые контакты и заимствования. Л., 1972. С. 133; ср.: Веселитский В. В. Из наблюдений над языком произведений А. Д. Кантемира (общественно-гражданская лексика) // Процессы формирования лексики русского литературного языка (От Кантемира до Карамзина). М.; Л., 1966. С. 41.

³ См.: Черная Л. А. От идеи «служения государю» к идее «служения отечеству» в русской общественной мысли второй половины XVII—начала XVIII в. // Общественная мысль: Исследования и публикации. М., 1989. Вып. 1. С. 28—43.

⁴ Московский театр при царях Алексее и Петре. Материалы, собр. С. К. Богоявленским. М., 1914. С. 143.

т. д. и т. п.⁵ В его подчинении было несколько важнейших приказов, в том числе и Посольский, в ведении которого находились «комедиянты» Отто Фюрста.

Петр любил Головина и искренне скорбел о нем, письмо Ф. М. Апраксину с извещением о смерти Головина он завершил словами: «Сие возвещает печали исполненный Петр».⁶ О погребении он заботился особенно и в январе 1707 г. неоднократно напоминал Ф. М. Апраксину и Ф. Ю. Ромодановскому: «О погребении адмирала також впредь будет к вам отписано», «К погребению адмирала изволь чинить приуготовление, а когда все будет изготвлено, то немедленно о погребении указ к вам будет прислан».⁷

Похороны Головина состоялись в Москве 22 февраля 1707 г. Словесное описание церемонии неизвестно, но узнать, для чего понадобились Фюрсту «латы добрые всяе воинския одежды», просто. Сохранилась гравюра того времени, изображающая всю пышную погребальную процессию, в середине которой, перед певчими, едет всадник («латник») в полном рыцарском облачении с опущенным забралом и обнаженным мечом в руках, опущенным острием вниз.⁸

Сколь ни удивительно зрелище средневекового западноевропейского рыцаря, въезжающего в Симоновский монастырь, это не курьез петровского времени и вовсе не исключительный случай в русской истории петербургского периода. Рыцари неизменно появлялись на похоронах русских императоров. В описании огромной похоронной процессии 10 марта 1725 г., в котором сам гроб Петра I значился под № 140, под № 95 идет следующее описание: «В позлащенных латах из шталмейстеров Козма Теремичкой ехал на лошади со обнаженным мечем; на лошади седло шитое с богатым убором; у того латника на шлеме, также и у лошади на голове и на хресце, плюмажные кусты из красных и белых перьев; по обе стороны ево шли два драбанта в черном платье и епанчах с албардами». Под № 96: «В черных латах артиллерии капитан-лейтенант Вилмут шел, держа меч вниз, обвит ефес черным флором, на голове плюмажной куст из черных же перьев».⁹ В церкви оба латника стояли у изголовья гроба.

⁵ См.: *Бантыш-Каменский Д. Н.* Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. СПб., 1840. Ч. 1. С. 1—27; Родословная Головиных, владельцев села Новоспасского. Собр. П. К[азанским]. М., 1847. С. 179—209.

⁶ *Голиков И.* Деяния Петра Великого. М., 1788. Ч. 2. С. 335.

⁷ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1907. Т. 5. С. 33, 50.

⁸ БРАН, Собр. гравюр, № 356. См.: Русская светская гравюра первой четверти XVIII в.: Аннотированный сводный каталог. Сост. В. К. Макаров. Л., 1973. С. 129 (№ 18).

⁹ Описание порядка, держаннаго при погребении блаженныя высокославныя и вечнодостоинейшия памяти всепресветлейшаго державнейшаго Петра Великаго, императора и самодержца всероссийскаго <...>. СПб., 1725. Без пагинации, лист с сигнатурой Д2. Ср.: *Голиков И.* Деяния Петра Великого. М., 1789. Ч. 9. С. 237; [*Феофан Прокопович*]. Краткая повесть о смерти Петра Великого, императора всероссийскаго. СПб., 1819. С. 32. См. также акварель (свиток) 1725 г. неизвестного художника «Церемония о погребении его императорскаго величества Петра Перваго и государыни цесаревны Наталии Петровны» (РНБ, Собр. рисунков, без номера). Эту акварель, равно как и ряд других изобразительных материалов любезно указала мне М. А. Алексеева, за что я ей искренне признателен.

Два рыцаря, в золотых и черных латах, участвовали в церемонии погребения императрицы Елизаветы Петровны,¹⁰ Петра III и Екатерины II,¹¹ Николая I.¹²

Яркое описание похорон Александра II в 1881 г. сохранили воспоминания замечательного художника и историка русского искусства А. Н. Бенуа. Он наблюдал процессию из окна Академии художеств и был ею разочарован. «Разочаровался я и в том, что ожидал с наибольшим трепетом, а именно в „рыцарях“. По церемониалу, установленному еще Петром I, погребальное шествие высокопоставленных лиц (а тем паче государя) должно было, на манер того, что происходило в других европейских государствах, включать в себя и геральдическое изображение Жизни и Смерти. Жизнь была представлена закованным в золотую броню рыцарем, верхом на покрытом золотой парчой коне. Смерть же олицетворял рыцарь в черных доспехах, следовавший пешком. Эти рыцари, наконец, и появились, но золотого как-то отгиснули другие группы, так что я его заметил только тогда, когда он уже готов был исчезнуть из моего поля зрения, а черный рыцарь с опущенным забралом шел такой ковыляющей походкой, его так качало во все стороны, он так волочил ноги, что можно было заподозрить его в крайней степени нетрезвости».¹³

Объяснение символики возможно и другое. В середине XIX в. издатели описания церемонии похорон Петра I писали: «Белое знамя с лошадью оного, равно как всадник в позлащенных латах, выражает, что память усопшей особы не умрет и будет утешением для тех, кто оплакивает потерю ее. В белом знамени видят также эмблему воскресения из мертвых к вечной жизни; равным образом оно представляет основание законной власти государей Божиею милостию. <...> По мнению других, золотой латник исполняет собою почившего на походной лошади, а черный латник оруженосца его, следовавшего всегда за его босвой лошадью».¹⁴ Безусловно, и это объяснение не исчерпывает богатой символики рыцарей.¹⁵

Из этих описаний заметно и отличие императорских рыцарей от латника на похоронах Головина: здесь только один рыцарь и цвет лат никак не оговорен. Это не забывчивость устроителей церемонии, другие свидетельства подтверждают возможность присутствия только одного рыцаря. В 1699 г. на похоронах любимцев Петра I генерала Патрика Гордона и адмирала Франца Лефорта было по

¹⁰ См. изображение всей церемонии: БРАН, фонд рукописных карт. Оп. 1. № 263. Отдельный лист с изображением только двух рыцарей для этой церемонии (рисунок тушью): ГРМ, Отдел рисунка, № Р38006.

¹¹ См.: БРАН, Собр. Никольского, № 177, л. 115 об.—116.

¹² См.: Описание погребения блаженной памяти императора Николая I с присвокуплением исторического очерка погребения царей и императоров всероссийских и некоторых других европейских государей. СПб., 1855. С. 95. В 1856 г. вышел альбом «Рисунки» к этому изданию; рыцари изображены на илл. XVI (№ 73, 74). В 1856 г. «Описание» и «Рисунки» были изданы в Петербурге на французском языке.

¹³ Бенуа А. Мои воспоминания: В 5 кн. М., 1980. Кн. 1—3. С. 385.

¹⁴ Описание погребения... С. 45.

¹⁵ Ср.: Емвлемы и символы избранные, на российский, латинский, французский, немецкий и английский языкъ преложенные. СПб., 1788. С. 14, 126, 128; Vries A. de. Dictionary of Symbols and Imagery. Amsterdam; London, 1974. P. 286—287.

одному латнику.¹⁶ Дипломат камер-юнкер Ф. В. Берхгольц вспоминает, что в январе 1722 г. в похоронной процессии генерала Ф. М. Кантакузена «ехал на огромной и дикой лошади всадник, весь в латах».¹⁷ Через несколько дней состоялись похороны генерал-поручика П. М. Голицына. Эти похороны Берхгольц уже подробно не описывает, а лишь замечает, что «процессия была та же, что и при погребении князя Кантакузена, с тою только разницею, что во избежание тесноты по обеим сторонам шли солдаты».¹⁸ Ясно, что и тут был рыцарь.

Таким образом, при Петре I на похоронах генералов присутствовал рыцарь. Сразу отметим, что рыцарей еще не было на похоронах царя Федора Алексеевича (на которых присутствовал и малолетний Петр),¹⁹ а также при погребении цариц и царевен,²⁰ духовных лиц (например, Феофана Прокоповича)²¹ и проч. Один рыцарь был только в погребальной процессии военачальников и введен такой обычай самим Петром. Право на новации подобного рода было задним числом оговорено Феофаном Прокоповичем в «Правде воли монаршей» (1722): «Может монарх государь законно повелевати народу не только все, что к знатной пользе отечества своего потребно, но и все, что ему ни понравится, только бы народу не вредно и воли Божией не противно было. <...> Сюда надлежат всякие обряды гражданские и церковные, перемены обычаев, употребление платья, домов строения, чины и церемонии в пиrowаниях, свадьбах, погребениях и прочая, и прочая, и прочая».²²

Рыцари на императорских похоронах, как бы ни толковать их символику, это некоторая аллегория государственности, в этом отношении особенно показательно присутствие рыцарей в похоронной процессии императрицы Елизаветы Петровны. Рыцарь же на похоронах военачальников, несомненно — персонифицированное достоинство покойного. С течением времени рыцари в погребальной церемонии стали восприниматься как арабски культуры и этим вызывать жгучее любопытство у одиннадцатилетнего мальчика Бенуа. Тем не менее удивительна живучесть средневекового обычая, пережившего эпоху Великих реформ!

Для чего Петр ввел в похоронный обряд рыцаря? Очевидно, что в Москве начала XVIII в. рыцарь выглядел еще более дико, чем бритые подбородки или «немецкое платье». Последние были хотя бы известны по обывателям Немецкой слободы, в то время как полное рыцарское облачение никогда не входило в обмундирование русской армии, а под «латами» подразумевалась собственно только кираса. Правда, в Оружейной палате хранились рыцарские латы, подаренные в XVII в. русским царям иностранными послами, в

¹⁶ См.: Описание погребения... С. 7; Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 3. С. 265.

¹⁷ Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. М., 1902. Ч. 2. С. 34.

¹⁸ Там же. С. 37.

¹⁹ См.: Современник. 1849. № 8. С. 58—71.

²⁰ Например, царевны Татьяны Михайловны в 1706 г., см.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 4. С. 354—356.

²¹ См.: Христианское чтение. 1882. № 1—2. С. 268—272.

²² Полное собрание законов... Т. 7. С. 628.

«Букваре» Кариона Истомина (1694) половина букв иц изображают рыцарей, тем не менее переводчики XVII в. не всегда понимали описания турниров в переводимых ими романах,²³ а в Посольском приказе в 1707 г. не смогли толком назвать всю рыцарскую утварь (ср.: «что на главу налагают»), а роль рыцаря поручена «комедиянту» хоть не по призванию, так по должности.

Петр, с величайшим почтением относившийся к «печальным» процессиям и охотно в них участвовавший, ввел эту театрализацию не для забавы. Заимствуя обряд, царь вряд ли думал о средневековом рыцарстве и вряд ли имел о нем твердое понятие, но в обряде появления рыцарей на похоронах, издавна распространенном в Европе,²⁴ он прозорливо угадал идею рыцарского этоса,²⁵ возникшую еще в античности. Причем он не ошибался: само классическое Средневековье и полагало, что рыцарство родилось в античности. Крестьян де Труа в XII в. писал: «Впервые рыцарство и духовенство приобрели славу в Греции; затем рыцарственность вместе с высшей образованностью перешли к Риму, а ныне процветают во Франции, и дай Бог, чтобы они никогда ее не покинули».²⁶ О древности рыцарства вскоре мог узнать каждый и в России из переведенной с французского и изданной в Москве в 1710 г. книге А.Шхонебека «История о ординах или чинах воинских»: «Термин кавалерский, которого греки имянуют ιπλεϋς, латини eques, италианцы cauallere, гишпанцы cauallero, немцы Ritter, англєнцы knight, галанцы Ridder, в сем сєнсе токмо знаменует человека, которой служит своему государю на коне. Употребление сєго єсть зєло древнее и было зєло извѣщайно також и между євреями, между греками, и между древними римлянь».²⁷ К античности восходит и обычай участия в похоронной церемонии мима, изображавшего покойного.²⁸ За рыцарскими латами проглядывают римские доблести — новые образцы для подражания, входившие при Петре в русскую паренетическую литературу в переводах как античных памятников, так и их позднейших реплик и пересказов. Фактически это был один из элементов воплощавшейся Петром фундаментальной идеи средневековой теории культуры *translatio imperii* (переноса власти).²⁹

Глорификация *homo militans*, человека воюющего, имела и более узкий, прикладной характер, как одно из средств создания дворянской элиты, «рыцарского сословия». В начале XVIII в. слово «дво-

²³ См.: История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 3. С. 15.

²⁴ См.: Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 1988. С. 278.

²⁵ См.: Huizinga J. Men and Ideas. New York, 1960. P. 77—96; Ossowska M. Ethos gycerski i jego odmiany. Warszawa, 1986; Хейзинга Й. Об исторических жизненных идеалах и другие лекции. London, 1992. С. 91—117; Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали. М., 1987.

²⁶ Цит. по кн.: Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 119.

²⁷ История о ординах или чинах воинских, паче же кавалерских. М., 1710. С. 6—7.

²⁸ См.: Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1964. С. 202.

²⁹ См.: Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Отзвуки концепции «Москва — третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Художественный язык Средневековья. М., 1982. С. 236—239; Булантин Д. М. *Translatio studii*: Путь к русским Афинам // Пути и миражи русской культуры. СПб., 1994. С. 87—154.

рянин» еще не носило привычного нам оттенка «благородства», поэтому в русском политическом лексиконе (в том числе самого Петра) появляется, за неимением лучшего, полонизм «шляхетство». «Шляхетство» прочно входит в обиход и даже открытое после смерти Петра привилегированное учебное заведение было названо Сухопутный шляхетный корпус, сохранившее (и надолго) в обиходе название «рыцарская академия».³⁰ Сама же идея основания в России «рыцарской академии» (так ее называла «Europäische Fama») появилась в первые годы XVIII в.³¹ Надо полагать, что и введенная Петром система орденских отличий тоже была одним из элементов создания «рыцарского сословия» через рыцарские ритуалы.

В России интерес к рыцарству на рубеже XVII—XVIII вв. был вовсе не шуточный. В 1698 г. два ближайших сподвижника Петра I — Б. П. Шереметев и П. А. Толстой — посетили даже настоящих рыцарей, мальтийских. Шереметев в Вене говорил, что «путь его лежит на остров Мальту, в лоно мальтийских кавалеров», «дабы, видев их храброе и отважное усердие, большую себе восприять к воинской способности охоту».³² Хотя истинные мотивы поездки носили более прозаический политический характер,³³ он с нескрываемой гордостью явился в Москву с мальтийским крестом, с которым всегда изображался на портретах. Его «кавалерство» не было забыто и после смерти. Гавриил Бужинский в надробном слове Шереметеву говорил: «Воздаде Рим сему почествование, но, что паче, самая Малта, школа и училище кавалерское, увидевше сего благоразумие и искусство, кавалерским святого Андреа почте саном».³⁴ А Толстой оставил в своем статейном списке подробное описание жизни и обычаев мальтийских рыцарей.³⁵

Но это материалы документальные, а вот беспристрастное свидетельство массовой беллетристики. Герой «Повести о российском кавалере Александре» неоднократно сражается в полном рыцарском облачении с опущенным забралом в конном и пешем строю на мечах и копьях. Бывал Александр и на Мальте, одним из его спутников был «малтиский ковалер, силен и славен зело, имянем Тигранор»,³⁶ а еще двадцать шесть мальтийских рыцарей бросаются на выручку Александру даже в Англию, где «великую ребелцию учинили»³⁷ и т. д. и т. п. Героя другой популярной повести 1730-х гг., Францеля Венециана, ратному делу обучают тоже мальтийские ры-

³⁰ См.: Столянский П. Из прошлого Рыцарской Академии // Педагогический сборник, издаваемый при Главном управлении военно-учебных заведений. Январь 1915. Пг., 1915. С. 38—60; Греч Н. И. Записки о моей жизни. М., 1990. С. 8, 9.

³¹ См.: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 136.

³² Цит. по кн.: Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 16.

³³ Ср.: Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII—начало XIX в.). СПб., 1994. С. 290.

³⁴ Проповеди Гавриила Бужинского (1717—1727) / Издал Е. Петухов. Юрьев, 1901. С. 320—321.

³⁵ См.: Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе. 1697—1699. М., 1992. С. 157—174.

³⁶ Русские повести первой трети XVIII в. / Исследование и подготовка текстов Г. Н. Моисеевой. М.; Л., 1965. С. 255.

³⁷ Там же. С. 264.

цари.³⁸ Дух рыцарства и рыцарские реалии в этих повестях совершенно отчетливы. Конечно, для реальной Европы начала XVIII в. приключения и рыцарские номинации героев-россиян — вопиющий анахронизм; признаться, невелико и художественное приобретение для русской литературы, уже познававшейся к тому времени с политическими романами Фенелона и Барклая. Но все же царивший в обществе дух рыцарства отражен в повестях верно. В соответствии с этим духом и пафосом вполне уместно было и отождествление Петра I с предводителем крестоносцев Готфридом Бульонским в поставленной после победоносного Персидского похода пьесе «Диалог о Гофреде, победившем сарацинов» (1722). В пьесе же «Слава печальная» (1725), посвященной памяти «отца отечества», Петр уже просто именуется «российским рыцарем».³⁹

Между тем конвенциональный характер рыцарского антуража при Петре I осознавался и никого не вводил в заблуждение. На парадных портретах и сам Петр и его соратники изображены в латах, но на полотне И.-Г. Таннауэра «Петр I в Полтавской битве» (1710-е гг.) царь в первоначальном варианте был одет в латы, и лишь потом «переодет» в преображенский мундир.⁴⁰ Феофан Прокорович, описывая известный эпизод с пробитой шляпой Петра в слове 1709 г. «о преславной над войсками свейскими победе», говорит: «Приблизилася бяше (еже не без страха и трепета воспоминаем), приблизилася бяше смерть явная ко боговенчанной главе твоей, егда железный желюд пройде сквозе шлем твой».⁴¹ Через восемь лет в «Слове похвальном о баталии Полтавской» (1717) того же Феофана этикетный «шлем» был заменен «шляпой драгоценной»: «Пишут историки, которые Российское государство описуют, что ни на едином европейском государе не видети есть так драгоценной короны, как на монархе российском. Но отселе уже не корону, но шляпу сию цареву разсуждайте и со удивлением описуйте».⁴² Возможно, эти исправления в пользу исторической достоверности были сделаны в обоих случаях не без участия Петра. Берхгольц замечает, что в 1723 г., в годовщину Полтавской битвы, «на императоре пред обедом был опять старый синий шведский (так! — С. Н.) мундир, который он имел в Полтавском сражении, а на кн. Меншикове кафтан и шпага, служившие ему в том же сражении, которых он не снимал и во весь день».⁴³ Между идеальным и реальным, между церемониалом и бытом была определенная граница, и ее смещение в эпоху «романтического императора» Павла I, который попытался воплотить в жизнь консервативно-рыцарскую утопию, имело плачевные последствия для самой рыцарской идеи.⁴⁴ Для национальной политической мифологии «шляпа» и «кафтан» оказались не менее

³⁸ См.: Пыпин А. Н. Для любителей книжной старины. М., 1888. С. 60.

³⁹ Пьесы школьных театров Москвы. М., 1974. С. 299.

⁴⁰ См.: Евангулова О. С. Изобразительное искусство в России первой четверти XVIII в. М., 1987. С. 130.

⁴¹ Феофан Прокорович. Сочинения / Под ред. И. П. Еремина. М.; Л., 1961. С. 31.

⁴² Там же. С. 57.

⁴³ Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. Ч. 3. С. 95—96.

⁴⁴ См.: Эйдельман Н. Я. Грань веков: Политическая борьба в России. Конец XVIII—начало XIX ст. М., 1986. С. 68—85.

важными, чем эмблематические латы парадных портретов и погребальных шествий.

Вернемся к похоронам Ф. Головина. Можно полагать, что Фюрст в латах являл собою персонифицированное рыцарское достоинство покойного фельдмаршала. Какова была его роль в «действии чина при погребении», кроме того, что он ехал на коне в процессии? Никаких твердых показаний по этому поводу нет, не упомянута церемония и в «Уставе воинском» 1716 г. Поскольку обряд заимствованный, можно обратиться к его истории в других странах, в частности, в соседней Польше, где впервые архимим-рыцарь появился в конце XIV в.⁴⁵ На похоронах военачальников рыцарь на скаку врывается в костел, поднимал у гроба коня на дыбы, бросал оземь меч и сам падал на пол с оглушительным грохотом — это был последний взрыв жизни у смертного одра.⁴⁶ Хотя финальный эпизод всего действия — небезопасный как для рыцаря, так и для окружающих — иногда горячо осуждался, он сохранился до XIX в., а в 1820-х гг. обряд с падением был полностью исполнен в Варшаве на панихиде по Александру I.⁴⁷

Было ли что-то подобное в России, сказать трудно — источники молчат, но в любом случае не обходилось без курьезов — рыцарская доля была тяжела. Известно, например, что при перезахоронении Петра III в 1796 г., когда Павел I перенес его останки в царскую усыпальницу в Петропавловский собор, рыцарь порядочно потерпел от мороза.⁴⁸ В уже цитированных воспоминаниях А.Н.Бенуа рассказ о втором рыцаре заканчивается печально: «Потом рассказывали, что, дойдя до крепости, этот несчастный пеший „рыцарь смерти“ свалился в беспамятстве, а по другим сведениям он даже умер, — несмотря на то, что для этой роли нашелся какой-то доброволец мясник с Сенной, знаменитый своей атлетической силой. Видимо, и сам Геркулес не смог бы одолеть весь этот бесконечный путь в пять, по крайней мере, верст, пешком, местами по скользкому снегу, коченея от холода, неся на своем теле пуда два железа и стали. Ведь его „доспехи“ не были бутафорскими, а то были подлинные исторические латы XVI в., выданные на этот случай из императорского царскосельского арсенала...».⁴⁹

⁴⁵ См.: *Chrościcki J.* Pompa funebris: Z dziejów kultury staropolskiej. Warszawa, 1974. S. 86; *Łoziński W.* Życie polskie w dawnych wiekach. Kraków, 1978. S. 215; *Rok B.* Zagadnienie śmierci w kulturze Rzeczypospolitej czasów saskich. Wrocław, 1991. S. 176—182.

⁴⁶ См.: *Софронова Л. А.* Поэтика славянского театра XVII—первой половины XVIII в. М., 1981. С. 67.

⁴⁷ См.: *Chrościcki J.* Pompa funebris. S. 86—87.

⁴⁸ См.: *Пыляев М. И.* Старый Петербург. Л., 1990. С. 29.

⁴⁹ *Бенуа А.* Мои воспоминания. Кн. 1—3. С. 385.

3. НОВЕЛЛА В ИГРОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Культурные реформы Петра I включали и обновление сферы частной жизни и внесение новых, европейских стандартов бытового поведения. Гражданин в государстве должен был не только «правильно» трудиться, но и «правильно» развлекаться. Этому «правильному» отдыху обучались, в частности, на ассамблеях. Люди, собравшиеся «для своего увеселения, или для рассуждения и разговоров дружеских», вели себя в соответствии с правилами, изложенными в правительственных распоряжениях, это было развлечение по обязанности, которого избежать было невозможно.¹ Развлекательные функции предполагали и особую литературу, которая не имела статуса только «полезной».² Петр I дал резкий толчок этой новой тенденции. Хотя в его собственных увеселениях литературные тексты занимают весьма скромное место,³ именно при Петре литературный текст (в том числе западноевропейский) включается в игровую ситуацию. Примером тому может служить один эпизод из хорошо известного «Дневника путешествия в Московию» Иоганна Георга Корба, секретаря в посольстве императора Леопольда I, которое было отправлено в Москву после заключения между Римской империей, Россией, Польшей и Венецианской республикой антитурецкой коалиции в 1697 г.

Корб пробыл в России с апреля 1698 по июль 1699 г., а в 1700 г. в Вене выпшел его «Дневник». Сразу по выходе он возбудил атмосферу скандала. Русский посланник в Вене кн. П.А.Голицын доносил в Москву: «Истинно, как я слышал, здесь такова поганца и ругателя на московское государство не бывало; с приезде его сюда нас учинили барбарами».⁴ Гнев посланника, неудовольствие и протест русского правительства вызвал не столько сам «Дневник» в целом, сколько подробное описание стрелецкого розыска, проведенного Петром I в 1698 г. и последовавших затем казней стрельцов. Книга в конечном счете была запрещена, но не забыта. В частности, в России вскоре после смерти Петра I появился анонимный «Разговор между трех приятелей, сошедшихся в одном огороде, а именно: Менарда, Таландра и Варемунда», в котором несколько страниц посвящено Корбу. Оценка его книги однозначно дана Варемундом: «В ней много странных и неудобоверительных дел внесено, и извольте вы рассудить по самому содержанию той книги, не с самой ли страсти и партикулярной какой злобы та книга сочинена».⁵ Далее следует полемический разбор сообщения Корба о «ребелянтах»,

¹ См.: Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 112—137.

² См.: Malek E. «Неполезное чтение» в России XVII—XVIII веков. Warszawa; Łódź, 1992. S. 68—87.

³ См.: Семевский М. И. Шутки и потехи Петра Великого (Петр Великий как юморист) [1690—1725 гг.] // Русская старина. 1872. Т. 5, № 6. С. 845—892; Серман И. З. Литературно-эстетические интересы и литературная политика Петра I // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII в. Л., 1974. С. 22—27.

⁴ Цит. по кн.: Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 1. С. 328.

⁵ Русский вестник. 1841. № 11—12. С. 336.

т. е. восставших стрельцах, а в конце добавлен следующий фрагмент: «Что же принадлежит о многих притом описанных нескладных обстоятельствах, и то подлинно большая часть неправды и по страсти писаны, как и во всей той книге чинено, и малые богатели все к противности толкованы. Но извольте, мой господин, рассудить, что ежели бы всех дворов европейских поступки партикулярные и которые в компаниях и при банкетах и за конфиденциею случаются, толь дерзновенно и токмо без прикрытия, а не то, что с такою посяжною и пристрастием, как в той книге чинено, описать, то б много странных и более удивлению достойных дел явилось, нежели о российском дворе от того пристрастного секретаря со мною прибавкою и ложью написано».⁶

Такая «партикулярная» пирушка описана Корбом в дневниковой записи от 28 августа 1698 г.: «На сих днях несколько писцов из приказа пировали со своими женами также у одного писца; самая красивая гостья понравилась хозяину, устроившему пиршество; поэтому, замыслив в сердце обман, он постарался напоить всех, особенно женщин. Этот коварный умысел заметили остальные и с такою же хитростью стали усердно спаивать жену хозяина, у которого они пьянствовали. Когда все ослабели от вина и попадали на пол, плывавший страстью хозяин подметил, где легла красивая гостья, и тотчас затем погасил огонь под тем предлогом, что так спокойнее спать, а остальных мужчин, еще державшихся на ногах, пригласил в другую комнату на новое состязание кубками. Все, опьяненные вином, вернулись в комнату, где, как я сказал, лежали женщины. Хозяин подходит к тому месту, на котором расположилась самая красивая гостья; а та уже раньше, по его глазам, выдававшим любовь и сладострастие, легко догадалась про его замыслы и, будучи плутоватее или, если угодно, нравственнее хозяина, не только покинула прежнее место, но положила на него собственную жену хозяина. Тот не мог без огня открыть обмана женщины; поэтому, полный прежних помыслов, он в неведении осыпает всячески ласками свою жену, и, так как та отвечала на проявления его любви, он, дойдя до крайнего предела страсти, соединяется с нею. Удовлетворив свою похоть и не зная еще, что это его жена, он стал приглашать многих других к тому же самому общению. Те, обезумевшие от вина, легко согласились; по предательству или другому какому разоблачению дело и обман обнаружили, и хозяин, потратившись на пир, был, кроме того, поднят на смех, что не только угостил товарищей кушаньями и напитками, но даже и объятиями собственной жены».⁷

В научной литературе этот эпизод никак не интерпретируется. И все же отношение к нему можно определить. Во-первых, сам Корб заключил дневниковую запись следующей негодующей фразой: «Так мало значит у них совершить прелюбодеяние, и они смеются над тем, что достойно плача»,⁸ во-вторых, в переводе «Дневника»

⁶ Там же. С. 337.

⁷ Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.) / Пер. и примеч. А. И. Маленна. СПб., 1906. С. 76.

⁸ Там же.

на английский язык 1863 г. этот эпизод вовсе опущен,⁹ равно как и в переводе на английский язык избранных глав в 1921 г.¹⁰ Надо полагать, что для Корба, автора «Разговора между трех приятелей» и переводчиков на английский этот эпизод был изображением безнравственных, нетерпимых нравов «москвитян», т. е. никто из них не сомневался в реальности описанной ситуации. Однако трактовка дневниковой записи Корба как источника для реконструкции бытовой культуры московских семейств конца XVII в. вызывает сильные сомнения.

Действительно, современный читатель без труда улавливает в этом рассказе литературную основу — без особого преувеличения его можно назвать образцом для изучения морфологии новеллы. Тут и классическая экспозиция с типичной ложной достоверностью («на сих днях...»), ближе к кульминации повествование ускоряется, стремительно следуют одно за другим предложения в *praesens historicum*, далее следует развязка и неожиданная чисто новеллистическая пуанга — все смеются над таким необычным угощением.¹¹ Один мотив «подменной жень» с головой выдает литературное происхождение всего эпизода, здесь же он вставлен в сюжет «муж сводник своей жень», хорошо известный по европейской новеллистике: 4-й новелле дня VII «Декамерона», 206-й новелле Франко Саккетти, 8-й новелле «Гептамерона», 238-й новелле Поджо Браччолини, по сборнику «Сто новых новелл», фавлю и др.¹²

Этот сюжет известен и русской литературе. Еще в XVII в. он встречается в переведенной с польского языка «Повести о семи мудрецах»,¹³ в первой половине XVIII в. — в «Повести о российском кавалере Александре»,¹⁴ а в наиболее отточенном виде — в «Повести „В чужом пиру похмелье“» из «Пересмешника» (1766) М. Д. Чулкова.¹⁵

⁹ Отмечено А. И. Малеиным, см.: Там же. С. X.

¹⁰ См.: *Scens from the Court of Peter the Great*. New York, 1921.

¹¹ В XVIII и XIX вв. заключительная фраза рассказа «*Hospes post convivii sump-tus risu explosus est, quod non solum ad cibum et potum, sed et propriae uxoris amplexus socios invitasset*» (*Korb J. G. Diarium itineris in Moscoviam. Vienhe Austrial, 1700. P. 71*) переводилась несколько иначе. В Посольском приказе, где «Дневник» был переведен сразу по его получении в Москве, она передана так: «Гость после пиру начал смеяться, что не только к еде и питию, но и ко власной жене своей звал, и тому блюду zelo все смеялись» (РНБ, F.IV.321, л. 40; полностью этот эпизод в переводе начала XVIII в. см. в Приложении I); так же перевел и М. И. Семевский: «Когда обман был выдан и совершенно обнаружился, хозяин первый же покатился со смеху от того, как он не только предложил гостям кушанья и питья, но еще пригласил их и в объятия своей жень» (*Корб И. Г. Дневник путешествия в Московское государство*. М., 1867. С. 85).

¹² См.: Боккаччо Д. Декамерон. М., 1970. С. 480—484; Саккетти Ф. Новеллы. М.; Л., 1962. С. 295—299; Маргарита Наваррская. Гептамерон. Л., 1967. С. 43—48; *Les Facéties de Pogge / Traduites en français avec le texte latin*. Paris, 1878. Т. 2. P. 176—177; *Rotunda D. P. Motif-index of the Italian Novella in Prose*. Bloomington, 1942. P. 8 (D 659.7), 98 (K 1223.2, K 1223.2.1, K 1223.2.3), 113 (K 1544), 126 (K 1843.2, K 1843.2.3).

¹³ См.: Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. первая. М., 1988. С. 227—230.

¹⁴ См.: Русские повести первой трети XVIII в. / Исследование и подготовка текстов Г. Н. Моисевой. М.; Л., 1965. С. 272—273.

¹⁵ См.: Чулков М. Д. Пересмешник. М., 1988. С. 43—47.

Если литературная основа рассказа очевидна, то описанный Корбом эпизод вызывает сомнения в другом отношении — в его соответствии русской действительности конца XVII в. Хотя дневниковая запись невелика по объему и в ней почти нет внефабульного материала (к тому же речь идет о самом конце XVII в. — эпохе резкого культурного и бытового перелома), можно все же полагать, что такая пирушка маловероятна для русских обычаев.

Итак, описывается пирушка «подъячих» — именно так перевели *scriba* оригинала переводчики Посольского приказа, среди которых был и Николай Спафарий. Спафарий был старейшим и опытным переводчиком Посольского приказа, и на его знание соотношения латинской и русской номенклатуры можно положиться. Подъячий, конечно, не принадлежит к бюрократической верхушке, но он и не «кабацкий ярыжка», он служащий, «чиновный» человек. Это единственное, что можно сказать о социальном лице героев новеллы. Однако в чиновной среде так в гости не ходили. Сохранилось много описаний приема гостей в русских домах той поры. Все иностранцы единодушно свидетельствуют, что женщины (в том числе хозяйка) только вначале выходили к гостям, а затем удалялись на свою половину, к женам гостей. Цитируем англичанина Джона Перри, который приехал в Россию, как и Корб, в 1698 г.: «В России всегда существовал обычай во всех общественных увеселениях не допускать женщин до разговоров с мужчинами; они даже не должны были показываться им; жилища всех знатных почетных людей строились с особым входом для женщин, которые содержались только в своих отделениях. В виде исключения существовал обычай, по которому хозяин дома, если приезжал к нему гость, которого он хотел особенно почтить, выводил жену свою из этих покоев через заднее крыльцо. Она появлялась в сопровождении своих служанок, приветствовала гостя и подносила ему и всему обществу чарку водки, после чего женщины обыкновенно удалялись снова в свои покои и их уже больше не видели».¹⁶

Современная исследовательница нравов и быта Петровской эпохи так суммирует многочисленные наблюдения: «В старой Руси чиновные люди жили замкнуто и лишь по праздникам принимали у себя гостей своего круга, преимущественно родню. Встреча гостей была раз и навсегда установленной церемонией: на мужской половине обедали мужчины, на женской — женщины. Исключение делалось для тех случаев, когда собирались самые близкие родственники».¹⁷ Развлечения стали общими позднее. Примечательно, что сам же Корб в марте следующего (1699) года отмечает в своем дневнике: «Этот день сильно ослабил суровость обычаев русских, которые не допускали доселе женский пол на общественные собрания и веселые пиры, теперь же некоторым позволено было принять участие не только в пирышестве, но и последовавших затем танцах».¹⁸

¹⁶ Цит. по кн.: Русский быт по воспоминаниям современников: XVIII век. М., 1914. Ч. 1. С. 56.

¹⁷ Семенова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России (Первая половина XVIII в.). Л., 1982. С. 200.

¹⁸ Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию. С. 131.

Приведенные соображения доказательной силы, конечно, не имеют, вместе с тем очевидно, что описанный Корбом эпизод не только полностью соответствует литературным нормам и образцам западноевропейской новеллистики, но и по содержанию своему является сколком купеческо-бюргерского быта все той же европейской новеллы, а не документальным изображением старомосковского «житья-бытья».

Как, однако, эта новелла попала в «Дневник» Корба? Вряд ли он сочинил ее сам, это противоречит и всему характеру его дневника и не объясняет искреннего негодования по поводу писанного. Присутствовать на какой бы то ни было пирушке подъячих он просто не мог по своему дипломатическому статусу. Следовательно, ему этот случай рассказали. Так как русского языка он не знал, то это могло произойти только при помощи переводчиков Посольского приказа. И как раз обращение к деятельности посольских переводчиков помогает объяснить весь эпизод из «Дневника» Корба, поскольку есть свидетельства того, что и в XVI и XVII вв. переводчики рассказывали всякие были и небылицы иностранным посланникам. Самым известным является рассказ Д. Герасимова, записанный в 1525 г. Павлом Иовием: «Посол Дмитрий, отличающийся веселым и остроумным характером, рассказывал при громком смехе всех присутствующих, что в недавнее время один поселянин, живший по соседству с ним, прыгнул сверху для отыскания меда в очень большое дуплистое дерево, и глубокая медовая пучина засосала его по грудь; два дня он питался одним только медом, так как голос мольбы о помощи не мог в этих уединенных лесах достигнуть до ушей путников. Напоследок же, когда он уже отчаялся в спасении, он по удивительной случайности был извлечен и выбрался оттуда благодеянием огромной медведицы, так как этот зверь случайно, подобно человеку, спустился туда поесть меду. Именно: поселянин схватился руками сзади за крестец медведицы, та перепугалась от этой неожиданности, а он заставил ее выпрыгнуть как тем, что потянул ее, так и тем, что громко закричал».¹⁹

В этом рассказе примечательно то, что сюжет, известный по целому ряду литературных обработок XVI—XVII вв. и фольклорным записям,²⁰ Герасимов излагает как случай, происшедший с его соседом. Почти в те же годы Герасимов рассказал другому иностранцу, С. Герберштейну (и опять-таки с авторитетной ссылкой на своего отца), об одном растении, из семени которого, зарытого в землю, вырастает ягненок «в пять пядей вышиною». Герберштейн не был вполне уверен в правдивости услышанного: «Хотя этот рассказ о семени и растении я считаю за вымысел, однако и прежде приводил его, так как слышал его от людей отнюдь не пустых».²¹

¹⁹ Герберштейн С. Записки о московитских делах. Павел Иовий Номоканонский. Книга о московском посольстве / Введ., пер. и примеч. А. И. Малейна. СПб., 1908. С. 66—67.

²⁰ См.: Krzyżanowski J. Paralele: Studia porównawcze z pogranicza literatury i folkloru. Warszawa, 1977. S. 169—179.

²¹ Герберштейн С. Записки о московитских делах. С. 159.

Приведем и другие примеры. В 1578 г. Иоганн Бох слышал в России рассказ о том, что зимою на Днепре слова путешествующих людей замерзают, а весной оттаивают — мотив, известный античным писателям, встречающийся у Рабле, Б. Кастильоне и др. Такковы, наконец, анекдоты об Иване Грозном, записанные врачом царя Алексея Михайловича С. Коллинзом, в основе которых лежат опять-таки западные источники.²² И всякий раз для придания небылицам пуцей достоверности они рассказываются со ссылкой на авторитет, речь в них идет о «соседе нашем ближнем».

Имена переводчиков Посольского приказа, которые общались с Корбом, известны: это Семен Лаврецкий и Иван Тяжкогорский. Оба являлись не просто сотрудниками Посольского приказа, но и деятельными литераторами. В особенности это относится к Семену Федоровичу Лаврецкому, который, в частности, еще в 1675—1677 гг. перевел более трехсот «трикладов» из «Великого Зеркала» и с техникой новеллы был, безусловно, знаком. Он неоднократно ездил в зарубежные «посылки», а по сообщению самого Корба, «был родом поляк и принадлежал к ордену св. Доминика, но потом отступил от своей веры и принял русскую».²³ Одним словом, пути знакомления Лаврецкого, как и других переводчиков, с западноевропейской новеллой вовсе не ограничивались только теми книжками, что бытовали в читательском обиходе в Москве.

Учитывая ситуацию, в которой балагурил Д. Герасимов, можно полагать, что новелла, поведенная Корбу кем-то из переводчиков, носила чисто рекреативный характер. Педантичный Корб принял рассказ за чистую монету, и усилия рассказчика пропали даром, если он, конечно, не собирался просто подшутить над доверчивым дипломатом.

С точки зрения истории русской литературы, бытование такой новеллы в устной культуре вполне уместно. Как раз на рубеж XVII—XVIII вв. приходится формирование новеллистической поэтики: вслед за переводом с польского «Фацеций» появляются и оригинальные новеллы — литература училась смеяться, смеяться безудержно, без оглядки на мораль.²⁴ Шло художественное освоение быта новеллой. Но процесс был двусторонним, и в этом отношении свидетельство Корба драгоценно: новелла не только осваивала, но сама входила в быт и теснила в жанрах устной культуры привычный фольклорный репертуар.

²² См.: Алексеев М. П. 1) К анекдотам об Иване Грозном у С. Коллинза // Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. Л., 1983. С. 43—48; 2) Юрий Крижанич и фольклор московской иноземной слободы // Там же. С. 58—63; *Krzyżanowski J. Paralele*. S. 643—650.

²³ Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию. С. 46. См. также: Письма и донесения иезуитов о России. СПб., 1904. С. 32, 237.

²⁴ См.: История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 369—384 (раздел написан А. М. Панченко).

ПОЛЬСКО-РУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ В ЭПОХУ ПЕТРА I

Петровская эпоха обычно представляется разрывом в истории польско-русских культурных и литературных связей. Впервые со всей отчетливостью эту мысль сформулировал А. И. Соболевский в начале XX в.: «Существенная разница между допетровской и петровской эпохой заметна лишь в одном. До Петра переводы с польского — обычное дело, многочисленны; при Петре их уже почти нет: увеличившееся знакомство с латинским и вообще с западноевропейскими языками позволило нам усилить перевод прямо с оригиналов, минуя польское посредство».¹ Категоричность вывода известного ученого (вообще «не заметившего» оригинальной польской литературы)² на долгое время определило отношение к польско-русским связям начала XVIII в. Позднейшие уточнения, по сути, внесли только коррективы: литературные контакты хотя и значительно ослабли (в связи с культурной переориентацией России на страны Западной Европы), но новые переводы все же появлялись, а знание польского языка еще не стало редкостью.³

Новый материал (прежде всего рукописный), а также пересмотр прежних датировок ряда памятников вынуждают пересмотреть концепцию резкой смены одной культурной ориентации на другую.

Характеристику репертуара переводов удобнее начать с тех имен и памятников, которые можно условно отнести к новациям петровского времени, поскольку традиция переводов XVII в. в литературе XVIII в. изучена достаточно обстоятельно.⁴ Одним из самых любо-

¹ Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв.: Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 51.

² Ср.: «Должно заметить, что говорить о преимущественном влиянии польской литературы на литературу Московской Руси мы не имеем никакого права. Произведений писателей поляков у нас было переведено сравнительно немного; мы воспользовались главным образом польскими переводами западноевропейских произведений и написанными на польском языке сочинениями южнорусских авторов» (Там же. С. 50). Против этого суждения резко выступил А. Брюкнер в рецензии на книгу А. И. Соболевского, см.: Pamiętnik Literacki. 1904. R. 3. Z. 1. S. 128—131.

³ См.: Берков П. Н. Русско-польские литературные связи в XVIII в. М., 1958; Łuźny R. Literatura polska w Rosji w wieku XVII i XVIII (Problematyka, stan i potrzeby badań) // O wzajemnych powiązaniach literackich polsko-rosyjskich. Wrocław, 1969. S. 36—64.

⁴ См.: Małek E. Narracje staropolskie w Rosji XVII i XVIII wieku. Łódź, 1988.

пытных примеров такой новации является перевод буколической поэмы Самуэля Твардовского «Дафна, превратившаяся в лавр» («*Dafnis drzewem bobkowym*», 1638): в начале 1710-х гг. появилась драматическая переделка поэмы — «Дафнис, гонением любовного Аполлона в древо лавровое превращенная», которая стала хорошо известна в театральных кругах и оказала влияние на формирование поэтического языка русской любовно-авантюрной драмы первой половины XVIII в. Драматурги той поры щедрой рукой черпали из перевода поэтические формулы, к середине XVIII в. ставшие штампами драматических сочинений.⁵ В драматургии примечателен и «Диалог о Гофреде, победившем сарацинь» (1722), написанный (сколько можно судить по сохранившемуся фрагменту) по мотивам «Освобожденного Иерусалима» Т.Тассо в польском переводе Петра Кохановского (1618).⁶

Многие переводы с польского, как, впрочем, и подавляющее большинство переводов Петровской эпохи, известны в единичных списках, что позволяет говорить о том, что для самой культуры новоевропейский путь еще не стал необратимым, и что была возможность консервативного пути развития на основе польской культурной модели. Среди рукописей Д.М.Голицына сохранился перевод издававшегося на латыни двадцать раз сборника 373 сентенций польского моралиста Анджея Максимилиана Фредро «Морально-политические наставления» («*Monita politico-moralia*», 1664), сделанный Германом Копцевичем в бытность Голицына киевским губернатором — «Андрея Максимиана Фредра, воеводы лвовского, Наказание нравоучительное или моральное, како подобает жить со немногим народом без повреждения его силы, и любви, и чести».⁷ Сентенции Фредро естественно вливаются в поток малых дидактических форм, появившихся при Петре: «Не повелевай, не проси, разве что надеешься воспринять, аще же зело начнеш просить у него, что несть возможно воспринять, то не токмо просимого не получиши, но гнев и ненависть имаши воспринять», «Которыи хощот быть зело верны, те в неверность впадают и не токмо уже объявленную веру, но и себе самих тогда погубляют, когда абие скровенную веру нерассудными словесы открывают», «В ярости буди мерным и лукавующих не слушай, а противу врагов своих буди мужественным».⁸ В этой прикладной моралистике нет мизантропизма наставлений Д. Мазарини, и именно из подобных сентенций составлялось «Юности честное зерцало».

Творчество польского поэта, прозаика и переводчика Станислава Хераклиуша Любомирского (1642—1702) было достаточно известно в России, но это была известность анонима — его сочинения надписаны были либо его инициалами, либо псевдонимами, либо просто анонимны.

⁵ См. издание текста перевода: Николаев С. И. Польская поэзия в русских переводах: Вторая половина XVII—первая треть XVIII в. Л., 1989. С. 150—175; Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. третья. М., 1994. С. 491—520.

⁶ См.: Николаев С. И. Польская поэзия в русских переводах. С. 98—101.

⁷ РНБ, F.III.8.

⁸ Там же. Л. 2 об., 3 об., 30.

В 1670-х гг. в Посольском приказе читали его книжку «Польская муза» (1676), посвященную коронации Яна Собеского. В делах Посольского приказа сохранился один экземпляр этой книжки, где строки и строфы, в которых Любомирский «с укоризной» отзывался о России, помечены крестиком, а затем эти отрывки переведены на русский язык.⁹

Почти полвека спустя, в 1730 г., с латинского языка были переведены его «Притчи нравоучительные о добродетели и фортуне», перевод пользовался относительной известностью и во второй половине XVIII в.¹⁰ Здесь также нет имени Любомирского, только анаграмма «Миробулия Тассалина» (т. е. «*Mirobulius Tassalinus*» — «*Lubomirius Stanislaus*»). Встречаются его книги и в русских библиотеках, так, у Д.М.Голицына была его крайне пессимистическая книга «О бесполезности советов» («*De vanitate consiliorum*», 1700), правда в описи библиотеки автором назван «Ст. Любенский».¹¹

В описи библиотеки А. П. Вольнского значится книжка «Разговоры Евандровы на полском».¹² Это, несомненно, «Беседы Артаксеса и Эвандра» («*Rozmowy Artaxesa i Ewandra*») Любомирского, впервые изданные в 1683 г. и выдержавшие до середины XVIII в. шесть изданий (1683, 1694, 1708, 1718, 1734, 1745). Своей популярностью она обязана прежде всего широте тем, затронутых автором, что и позволило книгу католической учености (при всем ее стоическом характере) подвергать к новоевропейскому дискурсу.

Два аристократа, Артаксес и Эвандр, отрываясь от своих занятий в королевском дворце, выходят в сад и на прогулке затрагивают какую-либо тему, обсуждают ее, после чего один из них произносит длиннейший монолог, проявляя при этом незаурядную эрудицию. Собственно повествовательная часть «Бесед» в несколько раз меньше по объему монологов-трактатов на самые разнообразные темы. Наука и образование, литература, религия, политика — на любую мимоходом затронутую тему Артаксес и Эвандр рассуждают свободно, цитируя при этом десятки сочинений древних и новых авторов от Плутарха и Сенеки до Монтеня и Марино. Это представители наиболее просвещенной части общества тогдашней Польши.

Своих читателей Любомирский нашел и в России в лице Д. М. Голицына и А. П. Вольнского. И не только читателей. Это третье произведение польского писателя, переведенное на русский язык. Перевод известен в единственном списке 20-х—30-х гг. XVIII в.¹³ При переводе была опущена вся дискурсивная часть, стихотворные цитаты, какие-то примеры. Из дискурсивного рефлексивного романа о духовной жизни элиты общества получилось собрание трактатов, переводчик сосредоточился только на сути монологов «О науке и простоте», «О диалекте или способе глаголений и

⁹ См.: Николаев С. И. Польская поэзия в русских переводах. С. 37—38.

¹⁰ См.: Там же. С. 105—111, 189—201.

¹¹ См.: РГБ, ф. 64, к. 80, ед. 10. Л. 56 об.

¹² См.: Луппов С. П. Библиотека Артемия Вольнского // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1978. Л., 1979. С. 125.

¹³ См.: РГАДА, ф. 187, оп. 1. № 99. Описание рукописи см.: Николаев С. И. Трактат С. Х. Любомирского о стиле (1683) и проблема стиля в русской литературе первой трети XVIII в. // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 122.

писаний», «О способе, како с людьми дела творить», «О симпатии или антипатии, то есть о природном союзе и о природной противности», «О чести», «О душе», «О советах» и др.

Другие переводы также являются яркими примерами новаций петровского времени: обширное историографическое сочинение «Вертоград королевский» Бартоша Папроцкого,¹⁴ компиляция И. Копиевского из книги Шимона Старовольского «*Institutorum rei militaris libri VIII*».¹⁵ В описи библиотеки Д. М. Голицына среди рукописей на русском языке упомянута следующая: «Станислава Ореховского Увещание наказательное или Наставление властелину»,¹⁶ рукопись перевода крупнейшего польского публициста XVI в. С. Ожеховского, к сожалению, не сохранилась.

Появляются новые памятники сатиры и юмористики: своеобразный диптих на тему «злых жен» из «Златого ига супружества»¹⁷ и «Науки разных философов о обирании жены, како младым едины присуждают, друзи жениться отсуждают ради разных причин» Б. Папроцкого,¹⁸ развлекательная гадательная книжка в стихах «Фортуна или счастье» Яна Гавиньского,¹⁹ а также переводы нескольких рукописных сатир саксонской эпохи: «Всей Европы монархов карт игранье»,²⁰ «смехотворные басни»,²¹ «Краткое начертание, как ныне возмущены дела в Европе»,²² «Глас в бездну низверженной вольности польской со землянином, сии есть со благородно сановитым мужем».²³ Возможно, к концу первой четверти XVIII в. отнесится «Повесть о пане Твердовском» — редкий пример новых переводов польской беллетристики в ту эпоху.²⁴

¹⁴ См.: РНБ, Собр. Погодина, № 1700; Николаев С. И. Польская поэзия в русских переводах. С. 66.

¹⁵ Вошла в изданный Копиевским книгу «Краткое собрание Льва Миротворца», см.: Описание изданий, напечатанных кириллицей: 1689—январь 1725 г. / Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.; Л., 1958. С. 283.

¹⁶ Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И. К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына // Археографический ежегодник за 1978 год. М., 1979. С. 244.

¹⁷ См.: Панченко А. М. «Златое иго супружества» и его источник // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 308—337. Перевод 1696 г.

¹⁸ См.: Николаев С. И. Польская поэзия в русских переводах. С. 101—105, 176—188. Перевод рубежа XVII—XVIII вв.

¹⁹ См.: Там же. С. 76—79.

²⁰ См.: Николаев С. И. Из истории польской сатирической литературы в России (XVII—первая половина XVIII в.) // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 309—310.

²¹ См.: Там же. С. 307—309; Matek E. Materiały do badań nad recepcją polskiej literatury i folkloru w Rosji (nowiny łgarskie i anegdoty) // Slavia Orientalis. 1993. № 2. S. 215—216.

²² См.: Николаев С. И. Польская поэзия в русских переводах. С. 72—76.

²³ См.: Птенцы Петра Великого: письма, донесения и заметки его сподвижников и современников. 1702—1725 гг. / Сообщ. П. П. Ламбин и С. И. Турбин // Русская старина. 1872. Т. 5. № 6. С. 932—934. Оригинал — известная в ряде рукописей польская сатира «*Echo w głębią ponurzzonej wolności polskiej, z ziemianinem korespondujące, z podziemnego marmuru trzema słowy odpowiadające*. A. D. 1702», см.: Nowak-Dłużewski J. Bibliografia staropolskiej okolicznościowej poezji politycznej XVI—XVIII w. Warszawa, 1964. S. 122; Buchwald-Pelcowa P. Satyra czasów saskich. Wrocław, 1969. S. 167, 229.

²⁴ См.: Бегунов Ю. К. Сказания о чернокожнике Твардовском в Польше, на Украине и в России и новоявленная «История о пане Твердовском» // Советское славноведение. 1983. № 1. С. 78—90; Смилянская Е. Б. 1) Тема богоотступничества в русской традиции первой половины XVIII в. и «История о пане Твердовском» //

Кроме публицистики и словесности продолжают переводиться по традиции XVII в. сочинения по земледелию и скотоводству, учебники, календари.²⁵ В Супрасле в 1722 г. выходит печатный славяно-польский словарь,²⁶ а «Thesaurus latino-polono-graecus» (1621) Григория Кнапского не выпускали из рук русские лексикографы, его использовали в своих трудах Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий, П. Семенников, Федор Поликарпов, И. П. Максимович, К. А. Кондратович.²⁷

Несмотря на появление огромного числа переводов с западноевропейских языков, польская литература продолжала какое-то время выполнять роль литературы-посредницы. Из античных авторов с польского были переведены Овидий, Ливий Юлий Флор, Валерий Максим, а также Цезарь Бароний, Поль Рико, «Книги о воспитании и наказании всякого начальника» Рейнгарда Лоррихия.²⁸

Сличая этот перечень переводов с репертуаром переводов с польского в XVII в., нетрудно увидеть между ними определенное сходство. От польских переделок западноевропейских романов наблюдается переход к собственно польским произведениям, т.е. утрачивая постепенно роль литературы-посредницы, польская литература приобретает для русского читателя самодовлеющее значение, что и проявилось в переводах произведений крупнейших польских мыслителей и писателей эпохи Возрождения и барокко. На фоне восприятия в России в первой четверти XVIII в. других литератур польская является наиболее представленной в переводах европейской национальной литературой.²⁹

Причина такого положения очевидна — в России было много деятелей просвещения полонофильской ориентации, хорошо знавших польскую словесность и потому чутко и скоро откликнувшихся на изменения в культурной политике Петра I.³⁰ Другая сторона этого процесса — значительно более элитарный характер переводной литературы, недаром почти все названные памятники сохранились в единичных списках преимущественно из библиотек аристократии (Петр I, Д. М. Голицын, А. П. Вольнский и др.).

Slavia Orientalis. 1992. № 4. S. 63—71; 2) Университетские фрагменты «Истории о пане Твердовском» (к изучению «фаустовской» темы в русской литературе первой половины XVIII в.) // Из фонда редких книг и рукописей научной библиотеки Московского университета. М., 1993. С. 188—203.

²⁵ См.: *Соболевский А. И.* Из переводной литературы Петровской эпохи (Библиографические материалы) // Сб. ОРЯС. 1908. № 3.

²⁶ См.: *Лыбынцев Ю. А.* Первый славяно-польский печатный «Лексикон» (1722) и его переиздания // Русско-польские связи в области книжного дела. М., 1980. С. 35—44.

²⁷ См. подробнее: *Николаев С. И.* Словарь Г. Кнапского в России (Библиографические разыскания) // XVIII век. Сб. 20. (В печати).

²⁸ См.: *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси. С. 160—161.

²⁹ Ср. хотя бы с французской литературой: *Баренбаум И. Е.* Начало издания французской переводной книги в России (первая четверть XVIII в.) // Книга: Исследования и материалы. М., 1976. Сб. 32. С. 93—106.

³⁰ О произведениях писателей той поры на польском языке см., в частности: *Лужный Р.* Издания на польском языке в литературе эпохи Петра I // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII в. Л., 1974. С. 304—312. (XVIII век. Сб. 9).

Интерес сотрудников Петра к польской общественной мысли понятен, в частности, и потому, что Польша тогда была единственной, кроме России, славянской страной, сохранившей свою независимость. И этот опыт было необходимо учесть. Труды по истории Стрыйковского, Гваньини, Пясецкого, а также трактат об исправлении государства Фрыча Моджевского были известны в переводах еще в XVII в., а в петровское время переводятся размышления и поучения Ожеховского, Фредро, Любомирского, Старовольского, а просмотр описей библиотек показывает, что в оригиналах читаются многочисленные польские сочинения на тему «исправления республики», вплоть до крайне пессимистической и фаталистической книги Любомирского «De vanitate consiliorum». Однако ни идеология сарматизма, ни разнообразные теории «исправления республики» не захватили Петра, увлеченного другими политическими теориями и созданием абсолютной монархии.³¹ Может быть, особенно очевидно это стало для него в ходе Северной войны. Тем не менее в России были почитатели «золотых вольностей» соседней страны. Так, А. П. Вольнский, большой знаток и любитель переводной литературы Петровского времени, как-то раз на вопрос слуги: «Что изволите сидеть печальны?», сказал: «Ой, система, система! Я смотрю все на систему нашу» и хвалил польское житье: «Вот как польские сенаторы живут, ни на что не смотрят и все им даром. Нет! Польскому шляхтичу не смеет ни сам король ничего сделать, а у нас всего бойся».³² «Верховники» в 1730 г., мечтая «полегчить» себе, также вспоминали устройство Речи Посполитой. Удивительно, что Петр I при таком напоре польской культурно-политической модели ориентировался, причем последовательно, на теорию государства стран Западной Европы.

Сравнение репертуара переводов с польского (здесь особенно показательны переводы, для которых польский был языком-посредником) и с западноевропейских языков позволяет, как кажется, выделить две возможные модели культурно-политического развития в Петровскую эпоху: польскую и новоевропейскую. Для польской модели характерны ученость, умозрительность, описательность, для новоевропейской — научность, опытность, наблюдение и аналитичность. Польская модель не требовала резких реформ; это был бы путь постепенного европейского развития. Недаром эта модель привлекала, с одной стороны, аристократию аннинского времени, с другой — была вполне приемлема для старообрядчества той поры. В духовном центре «древлего благочестия», на Выгу, были в ходу и риторики, и сочинения Раймунда Люллия,³³ т. е. тексты, соответствовавшие польской культурной модели, но не было, конечно, произведений, входивших в новоевропейскую модель. Первоначальная попытка Петра основать в России неоевропейскую цивилизацию по польской культурно-политической модели была им оставлена до-

³¹ См.: Панченко А. М. Петр I и славянская идея // Русская литература. 1988. № 3. С. 146—152.

³² Записка об Артемии Вольнском // ЧОИДР. 1858. Кн. 2, отд. 5. С. 160.

³³ См.: Понырко Н. В. Учебники риторики на Выгу // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 154—162.

вольно скоро, а приверженцы этой модели образовали консервативно-гуманитарный слой общества.

С 1730-х гг. польская литература перестает играть сколь-либо существенную роль в русском литературном процессе. На это повлияло, как кажется, несколько факторов. С одной стороны, в литературной жизни переставало играть первостепенную роль поколение деятелей культуры, получивших образование в духовных училищах, а на смену ему пришли выученики Академии наук и европейских университетов, ориентированные в своих вкусах и пристрастиях на литературы Франции и Германии. С другой стороны, польская литература в первой половине XVIII в. переживала очевидный упадок (характерно, что при Петре переводили произведения XVI—XVII вв., а современная литература была почти неизвестна); раннее же польское Просвещение, решавшее свои внутренние задачи, не могло вызвать повышенного интереса ранних русских просветителей. Окончательно польско-русские связи не замерли — польская литература продолжала свою жизнь в массовой рукописной беллетристике и в русских духовных училищах,³⁴ новое оживление пришлось на последнюю четверть века, когда русский читатель познакомился с польской просветительской драмой, а затем и прозой.

³⁴ См.: Lewin P. Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722—1774) a tradycje polskie. Wrocław, 1972.

Экскурсы

1. РОЛЬ УСТНОЙ ТРАДИЦИИ В ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЯХ

Польская литература попадала в Россию не только в виде печатной, но и рукописной книги, при этом русские переводы могли сохранить неизвестные редакции или даже неизвестные ранее исследователям литературные произведения. Этим, однако, не исчерпываются все возможные пути литературных связей. Особые исторические условия, в которых протекали связи двух литератур, позволяют поставить вопрос о роли устной традиции в литературных контактах. Конечно, выявить следы таких контактов и отделить их от письменных очень сложно, поскольку существует очень мало источников, где они могли бы быть зафиксированы. Но для начала XVIII в. один такой случай, кажется, можно указать.

В 1718 г. Феофан Прокопович произнес известное «Слово о власти и чести царской», в котором в качестве *exemplum* привел следующий анекдот: «Два человека вошли в церковь не помолитися, но красти. Один был в честном платье, а другой в рубище и лаптях. А договор был у них не во общую корысть збирать, но кто что захватит, то его. Лапотник искуснейший был и тотчас в олтарь да на престол и, обираючи, заgrabил что было там. Взьяла зависть другаго. И аки бы с ревности: „Ни ли ты, — рече, — боишися Бога, в лаптях на престол свягый дерзнул.“ А он ему: „Не кричи, брат, Бог не зрит на платье, на совесть зрит“».¹

Забавный случай или шутка вовсе не редки в духовном красноречии, недаром *exemplum* («приклад», пример) считается предшественником ренессансной новеллы. Они встречаются как в средневековых *exempla*, так и в барочном проповедничестве, в частности, в восточнославянских «предиках» XVII—XVIII вв.² Так, в слово на рождество Иоанна Предтечи (1690-е гг.) Стефан Яворский вставил небольшой рассказец: «Иконописец един, по-нашему маляр, маючи указ — исполна albo олбрима на малой таблице изобразити, намалевал един только палец знатной величины с таким надписом: не треба ту олбрима всего малевати, бо з пальца каждый может олбрима познати».³ У Гавриила Бужинского в проповеди 1717 г. читается развернутая новелла, которую вполне можно бы было встретить в сборнике фацетий: «Обретох в некоторых потешных историях сие. Некий стихотворец, хотяши восприяти от Августа кесаря римскаго милостыню, часто, идущу кесарю в храм со всем сенатом, подаваше ему место просительной челобитной честно сложенные стихи. И егда часто сие творяще, не мог бедный ничтоже испросити, понеже кесарь скуп и лакомый бяше. Видящи же кесарь, яко нищий стихотворец не престае ему стихами своими докучати, еди-

¹ Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 91.

² См.: Крекотень В. І. Оповідання Антонія Радивиловського: 3 історії української новелістики XVII ст. Київ, 1983.

³ Чистович І. Неизданные проповеди Стефана Яворского // Христианское чтение. 1867. Ч. 1. С. 422.

ною сам приготовил стихи и егда идяще в храм и стихотворец предстал ему со стихами, он своя стихотворцу отдале стихи; сия убогий поета прочетши и похваливши в себе, изем от убогого кармана монету, которую и последнюю имел, и, приступиши смиренно до кесаря, даде ему, глаголюще: „Не по достоинству стихов твоих даю тебе, Августе, аще бых болше имел, болше бы дал тебе“. Сие слыша, егда вси в смех обратились, призвав казначея, кесарь от принуждения сто тысящей сестерциев повеле поете дати». ⁴

Подобные забавные истории для литературного сознания позднейшего времени казались ненужными изысками, они коробили просвещенный вкус. Так, неизвестный автор 1830-х гг., рассуждая о достоинствах и недостатках проповедников петровского времени, в частности, попрекал их тем, что каждый «приводил мелочные при словия и странные анекдоты, каков, на п<приме>р, рассказанный Феофаном „о двух человеках, пришедших не помолитися, но крас-ти“». Нет сомнения, что подобные рассказы могут пролить несколько света на известную истину, при всем том странность и неприличие оных тем более ощутительна в ораторских произведениях сих мужей, что эти рассказы более смешны, нежели назидательны и часто стоят в ряду с такими местами, где есть возвышенные мысли и трогательные чувствования». ⁵

Однако и для проповедников, и для слушателей XVIII в. «прикладь» были вполне естественны. Обычный источник подобных историй — классические древности, так, Гавриил Бужинский сам указал, что извлек рассказ из «Сатурналий» Макробия. Показателен в данном случае и зачин «обретох... в историях». «Приклад» же Феофана Прокоповича не просто ориентирован на структуру устного рассказа, он явно выхвачен целиком из устной языковой стихии, ⁶ и в этом большая ценность проповеди Феофана, поскольку устная культура XVII — начала XVIII в. обычно изучается либо по «сказаниям иностранцев», либо по косвенным и зачастую тенденциозным данным. ⁷

Анекдот Феофана уже обращал на себя внимание исследователей. О. А. Державина справедливо посчитала это место в проповеди типичной фацией, но отметила, что «ни в русских, ни в польских фациях такого рассказа нет». ⁸ Действительно, в польских печатных сборниках такой анекдот нам также не встретился, но он известен по польскому рукописному сборнику анекдотов XVIII в. «Как-то осенью вор подговорил себе помощника и забрались они в костел; старший влез на алтарь в грязной обуви и стал сдирать

⁴ Проповеди Гавриила Бужинского (1717—1727) / Издал Е. Петухов. Юрьев, 1901. С. 58.

⁵ О трех проповедниках Петрова времени: Феофане Прокоповиче, Стефане Яворском и Гаврииле Бужинском // ЖМНП. 1835. Июль. С. 37.

⁶ Характеристику разговорно-бытовой лексики в этом анекдоте Феофана см. в работе: Замкова В. В. Опыт лингвостилистического анализа одного басенного сюжета // Язык русских писателей XVIII в. Л., 1981. С. 60—64.

⁷ См.: Чистова К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967.

⁸ Державина О. А. Фации: Переводная новелла в русской литературе XVII в. М., 1962. С. 85.

с алтаря серебро. А только что принятый ученик его говорит: „Эх, перепачкал ты своими ногами такие чудные покрывала“. А старший на это отвечает: „Эх, дурень ты, дурень! Бог смотрит на чистое сердце, а не на грязные ноги“». ⁹ Феофан, превосходно знавший не только книжную, но и устную польскую культуру, ¹⁰ в данном случае пересказал польский анекдот с минимальными переделками для православных слушателей. Впрочем, одна деталь бросается в глаза, первая фраза в «прикладе» — цитата из Евангелия от Луки (18, 10), и уж Феофан-то это хорошо знал, поскольку в первые годы XVIII в. он произнес в Киеве проповедь на слова «Два человека внидоша в церковь помолитися». ¹¹ Это, кстати, не единственный случай пародийного кощунства у Феофана. ¹²

Взаимопереплетение в проповеди высокой книжной учености и фольклорной стихии довольно обычно для духовного красноречия, в том числе русского. ¹³ Польский анекдот в «Слове о власти и чести царской», позднее отозвавшийся в творчестве А. П. Сумарокова, ¹⁴ позволяет считать, что устная традиция и при Петре I продолжала быть одним из факторов развития польско-русских литературных связей.

⁹ Dawna facecja polska (XVI—XVIII w.) / Opr. J. Krzyżanowski i K. Żukowska-Billip. Warszawa, 1960. S. 495. Несколько отличный вариант см. в кн.: Ze starych szpargałów śp. Karola Żery fraszki i opowiadania. Warszawa, 1893. S. 39.

¹⁰ В его проповедях встречаются и польские пословицы; характерно, что применительно к Петербургу он говорил: «Испразднися оная древняя пословица сарматская: „не разом Краков будовано“» (Феофан Прокопович. Сочинения. С. 45. Ср.: Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. Warszawa, 1970. Т. 2. S. 189).

¹¹ См.: Киевские епархиальные ведомости. 1865. № 14. 15 июля. С. 521—532.

¹² См.: Панченко А. М. О смене писательского типа в петровскую эпоху // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII в. Л., 1974. С. 127. (XVIII век. Сб. 9).

¹³ См. обширные отрывки из проповеди Симона Кохановского 1721 г. о суеве- риях в кн.: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 492—494.

¹⁴ См.: Сумароков А. Притчи. СПб., 1762. Кн. 2. С. 50—51; Сухомлинов М. И. Заметка о Сумарокове // Изв. имп. АН по Отд. рус. яз. и словесности. 1855. Вып. 4. С. 206—208.

2. ПОЛЬСКАЯ СТРОФА В РУССКОЙ СИЛЛАБИКЕ

Строфика русской силлабики долгое время считалась бедной. По мнению В.К.Тредиаковского в силлабическом стихосложении «строф, кроме сафической, никаких в нем нет».¹ Это суждение повторяется иногда и сейчас.² Между тем только в «Псалтыри рифмотворной» (1680) Симеона Полоцкого встречается более десяти видов различных строф,³ и эту первую русскую печатную поэтическую книгу читали и переписывали. Она в прямом смысле была на слуху, поскольку вся была положена на музыку.

Какие-то строфы, считающиеся довольно редкими и введенными в русскую поэзию лишь в конце XVIII в., существовали в ней по меньшей мере столетие. Например, пятистишие с пятым холостым стихом (ааббх) не редкость в русской поэзии XVIII в. М.Л.Гаспаров считает, что этот прием — нерифмованная концовка рифмованной строфы — пришел в русскую поэзию из немецкой песенной строфики.⁴ В. Е. Холшевников считает ее изобретателем Г. Р. Державина.⁵ Эти наблюдения, возможно, верны в отношении Г. Р. Державина («Ключ», «К лире» и др.) или С. С. Боброва.⁶ Но пятистишие с заключительным холостым стихом появилось у нас еще в XVII в., когда о немецком влиянии говорить не приходится, тогда как польское влияние очевидно.

В польской поэзии эта строфа встречается с XV в. в религиозной поэзии, а в XVII в. становится популярной песенной строфой, нередкой и в книжной поэзии.⁷ Уже из польской поэзии эта строфа перешла в русскую.

Вероятно, впервые эту строфу использовал Симеон Полоцкий в приложенной к Псалтыри «Молитве святого Захарии»:

Благословен Господь Бог израилев буди,
Яко посещь избави от бед своя люди
И рог нам спасения в Давидове дому
Отрока си воздвигл есть во славу святому
Имени своему.

Якоже усты святых пророк глаголаше
От века спасение содеяти наше
От враг не любящих нас милость сотворити
Со отцы нашими во памяти възбудити
Истинный завет свой.⁸

¹ Тредиаковский В. К. Избранные произведения. М.; Л., 1963. С. 435.

² См., например: Hippisley A. The Poetic Style of Simeon Polotsky. Birmingham, 1985. P. 19.

³ См.: Łużny R. «Psalterz rymowany» Symeona Połockiego a Psalterz Dawidów Jana Kochanowskiego // Slavia Orientalis. 1966. № 1. S. 10—11.

⁴ См.: Гаспаров М. Л. 1) Холостой стих // Краткая литературная энциклопедия. М., 1975. Т. 8. Стб. 307; 2) Очерк истории русского стиха. М., 1984. С. 95.

⁵ См.: Мысль, вооруженная рифмами: Поэтическая антология по истории русского стиха / Сост. В. Е. Холшевников. Л., 1984. С. 42.

⁶ См.: Бобров С. Рассвет полночи. СПб., 1804. Ч. 1. С. 39—43; Ч. 3. С. 135—136, 193—194, 202—203, 221—222.

⁷ См.: Szczerbicka-Słęk L. Strofa pięciowersowa // Strofika / Praca zbiorowa pod red. M. R. Maęnowej. Wrocław, 1964. S. 176—201.

⁸ Симеон Полоцкий. Псалтырь рифмотворная. М., 1680. Л. 138 об. Отметим, что Пс. 34 написан строфой аах.

Пятистишием *ааввх* (6-6-6-6-3) написано одно из лучших лирических стихотворений XVII в. — анонимные «Рифмы краесогласнии о прелести суетнаго сего мира и буйстве, како мир другом своим, их же прелщает в мале, зле ругается вечно» (1691 или 1692):

Размышляй си вину,
И умствуй то себе,

Вникли в мир очима
И виждь, коль суетна

Зри непостоянство
Виждь, яко мир лестный

О человек сыну,
Яко в мале тебе

Прилежно твоима
Есть же и преметна

Мира окаянство,
Враг есть всем известный

В персть снити.

Жизнь наша.

В нем.сущим.⁹

В начале XVIII в. 12 строф из этого огромного стихотворения (более ста строф) попали в рукописный песенник, а затем в конце столетия в печатный сборник духовных псалм,¹⁰ так как стихотворение из-за своей песенной по происхождению строфы явно воспринималось как духовный стих.

В поэзии первой половины XVIII в. пятистишие с заключительным холостым стихом встречается неоднократно, это и стихотворная автобиография подьячего,¹¹ лирические стихотворения, в том числе приписываемая императрице Елизавете Петровне песня,¹² и многочисленные духовные канты.¹³

Одно из самых интересных использований этой строфы и непосредственно из польского стихотворения относится к середине века. В 1730-1750-х гг. в тверской славяно-латинской школе подвизался учитель греческого языка и ревнитель греческого просвещения вообще Иван Евдокимов. Из-за своего неуживчивого характера и происков недоброхотов — сторонников польско-латинского образования — он мылкался из одной епархиальной школы в другую, какое-то время вообще не служил и терпел нужду.¹⁴ Наконец, в 1757 г. он обратился со слезным прошением к епископу переяславскому и дмитровскому Амвросию Зертис-Каменскому: «Изведи мя из неволи сея, из Вавилонскаго плена тверскаго, да не реку скупаго, во Иеру-

⁹ Панченко А. М. Стихотворный отклик на свержение царевны Софьи // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1974. М., 1975. С. 87.

¹⁰ См.: Verse und Lieder bei den Ostslaven 1650—1720: Incipitarius I. Anonyme Texte / Zusammengestellt von F. Schäfer und J. Bruss. Hrsgb. von H. Rothe. Köln; Wien, 1984. S. 163 (№ 652); Духовные и торжественные псалмы, собранные в пользу любителей оных московским купцом Яковом Добрыниным. М., 1799. С. 55—56 (стих включает строфы 1—6, 17, 15, 18, 85, 86, 112 по публикации А. М. Панченко).

¹¹ См.: Покровская В. Ф. Стихотворная автобиография подьячего XVIII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1935. Т. 2. С. 283—300.

¹² См.: Позднеев А. В. Неизвестная поэтесса петровского времени // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII—начало XVIII в.). М., 1971. С. 294—295; Отчет имп. Публичной библиотеки за 1870 год. СПб., 1872. С. 159—160.

¹³ См.: Sullivan J., Drage C. L. An Unpublished Religious Song-book of Mid-eighteenth Century Russia. London, 1978. P. 42, 68, 72, 75, 76, 77, 94, 97; Verse und Lieder bei den Ostslaven. S. 1, 5, 10, 28, 40, 82, 84, 90, 113, 150, 152, 181, 184, 189, 193.

¹⁴ Биографические сведения о Евдокимове собраны в кн.: Колосов В. И. История Тверской духовной семинарии. Тверь, 1889. С. 14—43.

салим свободы, в землю, кипящую млеком и медом».¹⁵ Прощение, кажется, осталось без последствий. Последний по времени документ, обнаруженный в бумагах Евдокимова — стихотворение о неизбежной смерти, навеянное тяжелым положением автора и написанное, вероятно, одновременно с прошением к епископу Амвросию. Вот его текст.

Помни незабвенно всяк — житье пренемно,
Не будет надменных, гордых, вознесенных
На земли.

Открой только очи и зри, как во дни и в ночи
Время протекает, а смерть угнетает
Всех обще.

Не щадит монархов и ни патриархов,
Влечет господ славных и князей державных
Ко гробу.

Вельмож благородных, рабов и свободных,
Монахов от скита и архимандрита
Смерть емлет.

Вожди, храбры в брани, ею в гной пограни,
Меч их исторгает и самих ввергает
В ров земный.

Школьных от тетради на век отлучати
Знает и ученых творити смущенных
Внезапу.

Витийства учитель, быстрых звезд блюститель
Мудрый богословец, славный стихотворец
В гроб ляжет.

Не поможет доктор, ни многих денег сбор,
Шуба не отрада, от смертнаго хлада
Не греет.

Купцы, корчемницы и вси лихоимцы
Спешат за нею, как за госпожею
И не в честь.

Невежд с предиканты, стряпчих с музыканты,
Певчих и владыку, всех к равному лику
Придет смечь.

Писец и художник, секретарь и саложник,
Судья и солдаты в едином параде
В смерть встанут.

Где будет сенатор, там и регистратор,
Смерть протоколиста и канцеляриста
Сравниет.

Младья дщери, сыны живы, как серпом крины,
Потом и родивших, и всех долго живших
Мертвиг зле.

¹⁵ Там же. С. 37.

Но даждь, вечный Боже, не в греховном ложе
Нам в мире почити, потом в радость вниги
На веки!¹⁶

Издатель отметил необыкновенно лирический характер стихотворения во всем литературном наследии автора. Это, однако, перевод и примечательно, что автор-грекофил для выражения своей скорби по поводу обрушившихся на него житейских невзгод обратился к польской поэзии и перевел «Песню о неизбежной смерти».

Песня с зачином «Pamiętaj, człowiecze, Jak żyjesz na świecie...» известна в отдельном издании конца XVII в.,¹⁷ фольклорных записях первых лет XVIII в. и конца XIX в.,¹⁸ а также по изданиям в сборниках религиозных песен 1745 и 1799 г.¹⁹ Это три существенно отличающихся, в том числе и объемом (от 7 до 23 строф), варианта одной песни: литературный, фольклорный и книжная стилизация, выполненная в духе католизации фольклора.²⁰ Сличение текстов показывает, что как раз последний вариант и был оригиналом стихотворения Евдокимова. Польские сборники религиозных песен (канционалы) в Россию попадали, известно, что они были в библиотеках Стефана Яворского и Лаврентия Горки.²¹ Вполне вероятно, что в Твери могло оказаться и издание 1745 г.

Перевод Евдокимова свободный и далек от буквализма, свойственного как другим семинарским переводам с польского того времени,²² так и транслитерированным польским песням в русских песенниках XVIII в.²³ Вот для примера оригиналы третьей и пятой строф перевода:

Nie cierpi królowi ani papieżowi,
Bierze i ksiądzęta, biskupy, panięta
Do grobu.

I hetmana z boju prowadzi do gnoju,
Wydarłszy buławę podrzuci pod ławę
W kościele.

¹⁶ Там же. С. 38—39.

¹⁷ См.: *Sokolsta J.* Trzy siedemnastowieczne pieśni o śmierci // *Literatura ludowa*. 1988. № 3. S. 54—56.

¹⁸ См.: *Hernas Cz.* W kalinowym lesie. Warszawa, 1965. Т. 2. S. 9—10; *Pieśni ludu śląskiego z okolic Cieszyna* zebrał dr. A. Cinciała // *Zbiór wiadomości do antropologii krajowej*. Kraków, 1885. Т. 9. S. 252.

¹⁹ См.: *Pieśni nabożne na święta uroczyste według porządku Kościoła świętego katolickiego rzymskiego na cały rok* zebrane. Wilno, 1745. S. 565; *Pieśni nabożne na adwent, Narodzenie, post i Zmartwychwstanie i inne święta uroczyste <...>*. Supraśl, 1799. S. 424. С этими редкими изданиями ознакомиться не удалось, пользуясь перепечаткой песни по изданию 1799 г. в кн.: *Nowicka-Jeżowa A.* *Pieśni czasu śmierci: Studium z historii duchowości XVI—XVIII w.* Lublin, 1992. S. 361.

²⁰ Ср.: *Hernas Cz.* *W kalinowym lesie*. Т. 1. S. 115—117.

²¹ См.: *Николаев С. И.* Польская поэзия в русских библиотеках XVII—первой трети XVIII в. и ее читатели // *Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте*. Л., 1983. С. 178. (XVIII век. Сб. 14).

²² Ср.: *Lewin P.* *Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722—1774) a tradycje polskie*. Wrocław, 1972. S. 168—185.

²³ См.: *Позднеев А. В.* Польские песни в русских рукописных песенниках XVIII в. // *Русский фольклор*. М.: Л., 1963. Т. 8. С. 206—214.

Стихотворение Евдокимова вообще не производит впечатления перевода: в нем нет полонизмов и текст очищен от польских реалий. Так, польскому *król* соответствует «монарх», *parcież* — «патриарх», *hetman* — «вождь», *buława* — «меч» и т. д. А 12 строфа перевода, где перечисляются сенатор, регистратор, протоколист и канцелярист, похожа на выписку из общего расписания классовых должностей в Российской империи. Велеречивый церковнославянский стиль, свойственный Евдокимову вообще, безусловно регистром выше польского оригинала, ориентированного на фольклор.

Таким образом, из предыстории пятистишия с заключительным холостым стихом видно, что оно пришло в русскую поэзию из польской и встречается как в песенной, так и в книжной строфике. Под несомненным влиянием духовной песни за этой строфой закрепилась определенная семантическая окраска:²⁴ строфа встречается в медитативной лирике на темы «суеты сует», бренности мира и подобные.²⁵ Этот семантический ореол строфа сохранила и позднее: у В.К.Тредиаковского («Ода на суетства мира», 1730),²⁶ в упоминавшихся стихотворениях Державина и Боброва, а также у второстепенных поэтов (Д.Золоколов, А.Волков), хотя здесь и возможно влияние немецкой строфики,²⁷ которое не противоречило сложившейся традиции.

Польская «Песня о неизбежной смерти» в славянизированном переложении И. Евдокимова органично продолжила традиции русской силлабики. И даже в эпоху становления новой русской поэзии предсмертное стихотворение семинарского учителя не было только запоздалой репликой литературной моды конца XVII в., это был реальный пример возможного пути развития силлабики и, соответственно, польской культурной модели.

²⁴ Ср.: «Можно даже сказать, что строфа есть сама по себе некий лирический или эпический жанр (или поджанр), то есть произведения, объединяемые одинаковостью строф, представляют собой некоторую жанровую общность» (Томашевский Б. В. Стих и язык. М.: Л., 1959. С. 220).

²⁵ Мне известны два исключения: этой строфой написаны торжественные стихи в честь Петра I (см.: ЧОИДР. 1862. Кн. 4. Смесь. С. 4—6) и некоторые монологи в «Действе о семи свободных науках» (1702; см.: Пьесы школьных театров Москвы. М., 1974. С. 127—192).

²⁶ См.: Тредиаковский В. К. Избранные произведения. С. 78—79.

²⁷ См.: Иппокрена. 1799. Ч. 2. С. 316; Волков А. Дар музам. М., 1811. С. 43—47.

О СТИЛИСТИЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ РУССКИХ ПЕРЕВОДЧИКОВ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Принципиально новая проблематика переводной литературы начала XVIII в. сказалась, естественно, и на развитии переводческой мысли, однако в существующих очерках развития принципов перевода в России от начала письменности до XX в. Петровской эпохе явно не повезло: обзор древнерусских взглядов на перевод завершается концом XVII в., а историю эволюции принципов перевода XVIII—XX вв. открывают имена А. Д. Кантемира и В. К. Тредиаковского.¹ В действительности, конечно, такого перерыва не было, и теоретические высказывания русских переводчиков петровского времени являются необходимым звеном в истории отечественной переводческой мысли.

В работах, посвященных культуре Петровской эпохи, справедливо говорится о резком увеличении переводов книг по математике, мореплаванию, астрономии, архитектуре и т.д., причем подчеркивается, что основные трудности, вставшие перед переводчиками, сводились к проблемам перевода специальной терминологии, отсутствовавшей в русском языке. Безусловно, перед переводчиками книг по техническим «художествам» стояли конкретные и иногда очень сложные задачи по созданию отечественной научной терминологии.² В предисловиях же к переводам книг по гуманитарным наукам разрабатывались не узко практические, а теоретические вопросы перевода. Представляется важным, что высказывания о приемах перевода обычно предваряются характеристикой «авторова штиля», что было новшеством по сравнению с предшествовавшей переводной литературой. Приведем наиболее замечательные примеры.

¹ См.: *Матхаузерова С.* Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976. С. 27—55; *Левин Ю. Д.* Об исторической эволюции принципов перевода (К истории переводческой мысли в России) // *Международные связи русской литературы*. М.; Л., 1963. С. 5—63. См. существенные уточнения в работе: *Буланин Д. М.* Древняя Русь // *История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век*. Т. 1: Проза. СПб., 1995. С. 25—37.

² См.: *Кутина Л. Л.* Формирование языка русской науки: Терминология математики, астрономии, географии в первой четверти XVIII в. М.; Л., 1964.

Симон Кохановский в предисловии к переводу 1721 г. книги известного нидерландского филолога и историка конца XVI в. Юста Липсия «Увещения и приклады политические» в частности писал: «Всякому хотящему чести сии мои малые труды сие прежде чтения подобает ведати, что я, пишучи оныя увещения и приклады, не везде смотрел на латинские слова Юста Липсия, но точию смотрел на силу истории, чтоб история руским языком была истинна, ясна, всякому вразумителна, а то для того, что помянутый автор некия увещения и приклады латинским языком написал кратко да темно и велми скрытно <...> и вопреки, некие он истории написал пошироко да темно».³

Феофан Прокопович, будучи префектом Киево-Могилянской академии (т. е. в 1707—1711 гг.), по повелению Петра I перевел «Изображение христиано-политического властелина, символами объясненное» Сааведры Фахардо. В посвящении Петру I он писал, что при переводе «немалое же принесе стужение и самий творца книги сея вид слова и образ писания (стль у риторов именуется) — трудный, необычный, темный, нечто тонкий, стропотный и не скоро разумьтелный <...> Но всяк успевая в едином, во другом оскудевает. Подобне похваленный от нас Сааведра искусен убо, бистр и пространен во учении польгическом, но в риторской слова хитрости мало нечто недоволен есть. Многожди слово его темному облаку или возмущенной воде подобствует, и со немалым трудом едва уразумеши, что провещевает и чесо учит. Ово яко необычния употребляет наречия, ово яко частия и неясния алигории, инния слова, образи трудния избирает, ово же яко многия приводит древния истории неведомия, не повествуя их, но токмо кратко воспоминаия; и егда от единой беседи преходит ко последствующой, не гладким и не простим путем, ниже поволним со гори снисхождением идет, но аки бы стремглавым со брега вержением нечаянно сниспадает. Не полагает от речи ко речи подобающаго моста, им же бы ум чтущаго непреткновенно шествовал; не соплетает глаголемых свойственным и всегда ко лучшему разумению потребним союзом, но весма подобен есть притчи пишущим, и что паче всех нужнейшее есть словеси учителному предлагати во кратце глаголатися имущая и таковым чином устроевати слово, да слышатель ли и читатель не токмо глаголемая, но и яже имут рещися понемало предувидит, подобне яко же на пространном поли не токмо близ суцая, но и далече обстоящая, аще и несовершенно, усмотреваем. Он сие всячески пренебреже, не аки бы по поли, но аки по тесних семо и овамо поплетенных пещерах водит читателя, вся нечаянно показывает, едино что уразумеая, не веси, что послежде будет, достиг же последнего, забываеши перваго, сия и сим подобная».⁴

Гавриил Бужинский в посвящении Петру I перевода «Введения в историю европейскую» С.Пуфендорфа писал: «Егда же вещающа славенским языком Пуфендорфа услышиши, пресветлейший и непобедимейший монакратор, и многия или трудныя, или неудобь разсудительныя речения, или противныя делу словеса обрящеши, не

³ РНБ, Ф. II. 48, л. 1 об.

⁴ РНБ, Ф. II. 67, л. 3—3 об.

автору себя самому на немецком наречии историю свою написавшему приписовати леть есть, но оному Иоанну Фридериху Крамеру, с немецкаго на латинский язык преложившему, который частью показания ради ума своего многая обоудно темно и против воли автора положил, откуда ниже аз с латинскаго превед на русский. <...> Елико возмогл, тпачся ясно прелагати, обретая же обоудныя и не-удобь домыслимая места».⁵

В приведенных высказываниях, принадлежащим видным литераторам Петровской эпохи, ничего не говорится о терминологических сложностях, напротив, переводчиков прежде всего занимает проблема стиля изложения оригинала, поэтому со всем основанием можно предполагать наличие в этих характеристиках определенной стилистической позиции. Эта позиция не была столь же критической по отношению ко всей иноязычной литературе, известны отзывы совершенно противоположные. Так, А. Ф. Хрущев в предисловии 1719 г. к «Утешению духовному» Фомы Кемпийского писал, что из многочисленных французских переводов этой книги он выбрал тот, в котором «слог переводчиков показался <...> внятн, легок и прост, и явствен»;⁶ он же отмечал в 1724 г. в предисловии к переводу «Положений Телемаковых», что Фенелон писал «стилем простым и вразумительным».⁷

Критические отзывы Симона Кохановского, Гавриила Бужинского, резкий по тону отзыв Феофана Прокоповича, а также ряд других получают свое объяснение в связи с общей ориентацией русской переводной литературы. Обратившись к переводу произведений новолатинской литературы XVI—XVII вв., а критические отзывы относятся в первую очередь к переводам с латыни, русские переводчики волей-неволей должны были высказать свое отношение к одной из главных литературных полемик XVI—первой половины XVII в., к спору между сторонниками Цицероновского и антицицероновского (иначе аттицизма или липсианизма) направлений в прозе.⁸ Полуторавековая дискуссия между сторонниками двух школ, участниками которой в разное время были Эразм Роттердамский, Юлий Цезарь Скалигер, Юст Липсий, М. Монтень, Ф. Бэкон и др., не сводилась, разумеется, только к стилистическому аспекту. Poleмика затрагивала вообще всю гуманистическую теорию подражания (в узком смысле — подражать писателям золотого или серебряного века римской литературы) и имела достаточно сложную мировоззренческую подоплеку. Как заметил один из исследователей аттицизма, «этот стиль не был только способом расположения слов. Это был образ мышления, который повлек за собой важные этические

⁵ Пифендорф С. Введение в историю европейскую. СПб., 1718. С. 7.

⁶ РНБ, Соловецкое собр., № 1130/1240, л. 10 об.

⁷ РНБ, Собр. ОЛДП, Ф. 117, л. 4.

⁸ Этому вопросу посвящена обширная литература, см.: *Croll M. W. Style, Rhetoric and Rhythm*. Princeton; New Jersey, 1966 (здесь же большая библиография новой литературы). См. также: *Bolgar R. R. The Classical Heritage and Its Beneficiaries*. Cambridge, 1973; *Classical Influences on European Culture. A. D. 1500—1700* / Ed. by R. R. Bolgar. Cambridge, 1976; *Sypher W. Four Stages of Renaissance Style: Transformations in Art and Literature 1400—1700*. New York, 1956; *Otwinowska B. Modele i style prozy w dyskusjach na przelomie XVI i XVII wieku*. Wroclaw, 1967.

и политические последствия. Если стиль Цицерона был стилем церкви, университетов, иезуитов, дипломатии и ортодоксии в целом, то стиль Сенеки и Тацита ассоциировался с неортодоксией вообще и даже свободомыслием».⁹

Судьбы античного и гуманистического наследия в русской культуре XVII—XVIII вв. — предмет совершенно особого исследования. Для настоящей работы важно то, что полемика между цицеронианцами и аттицистами охватила эпистолографию, историографию, красноречие, а также философскую и политическую литературу, т. е. ту научную прозу, которую и переводили в России на рубеже XVII—XVIII вв. Для лучшего понимания контекста суждений русских переводчиков о стиле изложения новолатинских авторов, приведем краткую и, конечно, несколько упрощенную характеристику обоих стилей, выработанную литературной критикой XVI—XVII вв. Цицероновский стиль характеризовался языковой чистотой, соответствовавшей золотому веку римской литературы, единством, гармоничностью, избытком, он был возвышенным, благозвучным и ритмичным. Критики этого стиля видели в нем преувеличения, эмфазы, пустые слуховые эффекты, однообразие, болтовню и отсутствие дисциплины слова. Сторонники противоположного направления среди достоинств своего стиля отмечали его современность, краткость, разнообразие, экспрессию, интеллектуализм, сентенциональность, импровизацию и свободу изложения, игру слов, элитарность (стиль ученых и политиков), максимальную сжатость, лаконизм. Противники порицали этот стиль за его неясность, темноту, ненормативный язык с неологизмами и архаизмами, чересчур смелые метафоры, сухость, скачущие предложения, аффектацию, нестройную композицию и т. д.

Несмотря на то что демаркационная линия между двумя школами не была постоянной, да и сами стили на протяжении полутора веков развивались, иногда перекрещиваясь и вновь расходясь, нетрудно все же заметить, что русские переводчики оказались в лагере противников аттицизма. Действительно, «темность и стропотность», «кратко да темно и вельми скрытно» или «тошироко да темно», «неясные слова», «неясные аллигории» и пр. — все это похоже на претензии ярых последователей Цицерона к маньеристскому аттическому стилю. Закономерный вопрос: была ли это осознанная позиция стремившихся не изменить «силу истории» литераторов, захваченных идеей *translatio studii*, или это недоумение и растерянность подьячих, чье «учение по латиням», по остроумному замечанию В. О. Ключевского, заключалось в бессмысленном заучивании польско-латинских вокабул, написанных русскими литератами: «ликос — волк, луппа — волчица, спириды — лапти, офира — молебен, препосит — болярин, <...> скандализит ме — соблажняют мя»?¹⁰ Ответить на этот вопрос позволят лишь обстоятельные исследования по истории русской риторики и исторической стилистики в целом, а также истории восприятия Цицерона в России. Из нескольких отзывов о «славном Кикероне» в XVI—XVII вв. трудно извлечь позитивные данные о связанной с его именем стилистичес-

⁹ *Hight G. The Classical Tradition. Greek and Roman Influence on Western Literature. Oxford, 1949. P. 326.*

¹⁰ *Ключевский В. О. Сочинения. М., 1959. Т. 7. С. 410.*

кой традицией — эти отзывы несут печать идущей из Польши школьной традиции. Тем не менее уже сейчас можно привести ряд заслуживающих внимания высказываний о стиле и его нормах. В так называемой Риторике Макария, призывавшей подражать Цицерону, подчеркивалось, чтобы сочинение «латинским истинным языком и чтобы ясно и не закрыто и украшенную речью или глаголением, и удобно говорилось».¹¹ В предисловии к «Исторической книге» (1680-е гг.) в замечании о слоге подчеркивалось: «Слово бы было чистое, свойственное, и разумное, и ясное».¹² Это направление в стилистике было, очевидно, не единственное. Примечательно, что к началу XVIII в., т. е. еще до переводов «политичных дискурсов», в России были переведены произведения некоторых писателей, на которых ориентировались в своей теории и практике аттицисты, в частности, Плиний младший (панегирик Траяну), а также Фукидид.¹³ Переводы, к сожалению, не сохранились. Суждения же переводчиков о стиле этих текстов (если только они и были) также до нас не дошли. Однако сохранившееся замечание Епифания Славинецкого «Фукидид краток есть и тонкий» не содержит каких-либо критических оценок.

Русская стилистическая номенклатура XVII в. («ясный», «не закрытый», «чистый», «разумичный», с одной стороны, и «краткий», «тонкий» — с другой) совпадает в терминологией переводчиков первой четверти XVIII в. в приведенных выше суждениях, а также соответствует европейской полемике о стиле XVI—XVII вв. Однако имеющихся данных о стилистических взглядах русских книжников XVII в. слишком мало для объяснения позиции переводчиков Петровского времени, хотя и очевидно, что последняя явилась не на пустом месте. Положение спасает то, что один из отзывов об аттическом стиле принадлежит не только переводчику, но и оригинальному теоретику литературы Феофану Прокоповичу. Сопоставление его взглядов на стиль изложения, выраженных в предисловии к переводу С. Фахардо и в Риторике (1706—1707), показывает их идентичность.¹⁴ Описывая пороки ложного красноречия и следуя в этом риторике Никола Коссена, критика липсианизма начала XVII в., Феофан перечисляет стили напыщенный, чересчур аллегоричный, бессвязный, бурный и смешанный, иллюстрируя теоретические положения примерами из древних и новых (в этом случае чаще всего польских) ораторов. Несмотря на явно процицероновский характер «Риторик», в целом это уже реформированный цицеронизм, симбиоз цицеронизма и критического отбора образцов для подражания среди писателей не только золотого, но и серебряного века римской литературы, а также писателей нового времени. Творческий подход к цицероновской традиции Феофан противопоставлял рабскому эпи-

¹¹ Die Makarj-Rhetorik / Hrsg. von R. Lachmann. Köln; Wien, 1980. S. 130.

¹² Замысловский Е. Царствование Федора Алексеевича. СПб., 1871. Ч. 1. Приложение. С. XXXIX.

¹³ См.: Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903. С. 382.

¹⁴ См.: Феофан Прокоповиѣ. De arte rhetorica libri X / Hrsg. von R. Lachmann. Köln; Wien, 1982; Феофан Прокопович. Філософські твори. Київ, 1979. Т. 1; Кибальник С. А. О «Риторике» Феофана Прокоповича // Русская литература XVIII—начала XIX в. в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 193—206. (XVIII век. Сб. 14).

гонству, сводившемуся к механическому заимствованию из сочинений великого оратора слов и оборотов. Фигура завязтого «дицеронца» вызывала у Феофана лишь ядовитую усмешку.

В свете изложенного представляется вполне допустимым предположить, что, характеризуя «авторов штиль» в предисловиях к переводам, Феофан Прокопович, а также Симон Кохановский и Гавриил Бужинский (не только политические единомышленники, но и выученики одной школы — Киево-Могилянской коллегии) осознанно критиковали крайности и пороки аттического стиля с позиций неодицеронизма. Уяснение стилистической позиции как названных, так и других переводчиков Петровской эпохи само по себе представляет интерес, хотя и нуждается в дальнейшей разработке и уточнении. Однако этот вопрос вовсе не был академическим для переводчиков, потому что занятая ими стилистическая позиция внесла существенные коррективы в практику и теорию перевода.

Во второй половине XVII в. в России существовали две концепции перевода, представлявшие крайние позиции. С одной стороны, это была теория пословного перевода. В конце века ее теоретически обосновал и яростно защищал крупный практик и незаурядный филолог Евфимий Чудовский, подчеркивая, «яко подобает истинно преводити <...> от слова до слова и ничто разума и речений многотрудноумьшленных святыми отцы пременяя».¹⁵ Противоположная теория перевода, синтетическая (по терминологии С.Матхаузеровой),¹⁶ лучше всего выражена Симеоном Полоцким в его полемическом трактате «Жезл правления» (1667): «Сказатель же или преводитель страннаго языка сей есть верный, иже и разум и речение преводит неложно, ничесо же оставляя» (С. 53). Таким образом, «Симеон Полоцкий требует, чтобы „речение и разум были переведены“ и ничего не было оставлено, в то время как Евфимий требует, чтобы „речение и разум не были переменены“» (Там же).

Концепция Симеона Полоцкого, ориентированная на взгляды классических авторов¹⁷ и теоретиков Возрождения, «наиболее соответствовала <...> общественным тенденциям и культурным требованиям» (С. 54). Но по ряду обстоятельств на московском Печатном дворе, который до начала XVIII в. был законодателем официальных литературных вкусов, возобладала теория «от слова до слова». Несколько позднее она и здесь подверглась критике. Директор Печатного двора Ф.Поликарпов в 1723 г. говорил об одной книге Епифания Славинецкого, учителя Евфимия, что она «преведена необыкновенною славянщиною, паче же рещи еллинизмом и за тем о ней мнози недоумевают и отбегают».¹⁸

На какую из двух концепций, выработанных для переводов богословских трудов, могли ориентироваться переводчики «политических

¹⁵ Цит. по кн.: Матхаузерова С. Древнерусские теории искусства слова. С. 42 (далее ссылки на эту книгу приводятся в тексте с указанием страницы).

¹⁶ Д. М. Буланин предлагает называть ее грамматической, см.: Буланин Д. М. Древняя Русь. С. 34—35.

¹⁷ Кстати сказать, словосочетание «преводитель <...> верный» восходит, несомненно, к горацианскому «fidus interpres» (De arte poetica, 134).

¹⁸ Цит. по кн.: Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. С. 289.

дискурсов» в первой четверти XVIII в.? Очевидно, что концепция Симеона Полоцкого, опирающаяся на Цицерона (*De optimo genere oratorum*, 14),¹⁹ больше импонировала духу их деятельности, чем жесткая теория Евфимия Чудовского. Однако при сложившейся в переводной литературе первой трети XVIII в. стилистической ситуации последовательное проведение каждой из обеих концепций давало бы в результате перевод стилистически невразумительный, «темный и стропотный», что шло вразрез с неоднократными напоминаниями Петра I переводчикам писать «внятно и хорошим штилем».²⁰ В результате произошло важное изменение в теоретической мысли: в соответствии с общим процессом секуляризации русской культуры разработка теории перевода переносится из области богословских сочинений на светскую литературу — историческую, политическую и научную прозу.

Предоставим опять слово переводчикам, которые после разобранных ранее высказываний о стиле оригинала обосновывали свои принципы перевода.

Симон Кохановский, охарактеризовав стиль Юста Липсия, заключил предисловие словами: «Я в переводе сем не поработчен был помянутого автора штилю, но едино служил истинне, чтоб ниже мало была измененна сила и истинна истории, того ради сие предвозвещаю в предверии последующих повестей, дабы кому не дивно было, что не слово в слово переведены, но смотрил бы, что самая истинная сила истории не измененна есть».²¹

Феофан Прокопович объяснял Петру I свою задержку в переводе С. Фахардо тем, что «нужда бяше надолзе рассуждати, како би не всеу во изложении его трудитися. Аще бо бы тако его кто превести потпался, даби немало следов наречия его не оставися, была бы вещь отнюдь не уразуменная, стропотная и жестокая. Аще же бы всяко разнствующим и далече отходящим от слова его образом толковати восхотел кто, не было бы то преводити, но свое новое нечто писати. Между сым убо и овым средство некое держати тшахомся, но ныже, тако мню, удовлетворым желанию пресвет[лаго] величества вашего, отнюдь бо невозможно есть <...> всю темность и стропотность прогнати во преведении на славенский язык книжицы сея».²²

А. Ф. Хрущев признавался: «Переводя, искал как возможно, чтоб войти в авторово мнение и чтоб ему следовать повсюду, не смотря на слова и речи французскаго языка, но толко смотрел, как превесть наивернее и иностранных слов никаких не писал, чтоб вразумительнее было нашему языку и надеясь, что не толко ученые люди, но и простыя, кто читать умеет, могут разуметь без труда, потому что переводил я не от слова в слова, чтоб была французская книга на русском языке, но изъяснил всякое авторово мнение простыми словами».²³

¹⁹ См.: Цицерон *Марк Туллий*. Полное собрание речей в русском переводе / Ред., введение и примечания Ф. Зелинского. СПб., 1901. Т. 1. С. LXII.

²⁰ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 213.

²¹ РНБ, Ф. II.48, л. 1 об.

²² РНБ, Ф. II.67, л. 3 об.—4.

²³ РНБ, Собр. Соловецкое, № 1130/1240, л. 11.

Предложенная переводчиками начала XVIII в. теория перевода была новым этапом в развитии отечественной теоретической мысли, недаром Симон Кохановский подозревал, что кому-то она может показаться «дивной». Классическая формула «не от слова до слова» получала новое наполнение, она принципиально была ориентирована на стилистическую традицию «нашего природного языка» (традицию достаточно условную, так как нигде не сформулированную), а не на стилистику оригинала. Эта концепция получила полное одобрение Петра I, который в своих письмах-указах переводчикам кратко подвел итог их теоретическим разработкам: «Все перевесть на славенский язык нашим штилем, а за штилем их не гнаться», «точно выразумев, уж так писать, как внятнее».²⁴

Однако эта концепция вовсе не означала полного произвола и вольного обращения с переводимым текстом, наоборот, в сознание литераторов Петровской эпохи впервые входит представление о профессиональном статусе переводчика, что видно из цитированного замечания Феофана Прокоповича: «Не было бы то преводити, но свое новое нечто писати». Об этом же писал и Гавриил Бужинский: «Преведоном же сию книгу, яко же от самого автора сложена есть, ничтоже пременше, ничтоже приложивше или убавивше, да не таковая творяще, явимся чуждые труды (яко же мнози творят) себе присвояти и чуждою славою (что есть грех против осмыя и десятыя заповеди божия) себе прославляти и величати».²⁵

Стилистические аспекты взглядов на перевод отразились и в метафорике труда переводчика. Образы-символы литературного труда, особенно широко распространенные в средневековой литературе,²⁶ являются наиболее сжатым выражением эстетических представлений. Хотя эти символы-образы традиционны и имеют всеобщий характер, они сменяют друг друга или сосуществуют так же, как и отраженные в них литературные доктрины.

«Уподобился толковницы святого писания опасным и прилежным крушцевзыскателем»,²⁷ — так Евфимий Чудовский сравнил труд переводчика с трудом старателя, «рудознатца». Представление о книжной мудрости как драгоценной руде было освящено святоотеческим авторитетом. Старообрядческий писатель Евфросин в 1691 г. писал в «Отразительном писании о новоизобретенном пути самоубийственных смертей»: «Не правду ли глаголет великий учитель и вселенский проповедник Златауст: книжные мудрости знание подобно есть крушец златых исканию: они бо где обрящут жилу, без лености копают, аще же обленятся, не малого богатства отщелятся. Праведно сие слово и вещь искусно. Вы жил книжных не покопаете, но на малых тетратках почиваете, а мы вам не уверяемся, но

²⁴ Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 157, 227.

²⁵ Цит. по кн.: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. С. 330.

²⁶ См.: Буланин Д. М. 1) О некоторых принципах работы древнерусских писателей // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 3—13; 2) Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв. München, 1991. С. 217—223.

²⁷ Цит. по кн.: Соболевский А. И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. С. 289.

Евфимий Чудовский в своей переводческой практике реализовал, как и его учитель Епифаний Славинецкий, эту метафору, следуя «системе пословного перевода с однозначным соответствием переводимых и переводящих лексем, с поморфемным калькированием терминологической и общенаучной лексики, с сильно выраженной тенденцией к „грецизации“ на всех уровнях результирующего текста». ³³ Он «раздроблял» греческие и русские слова в прямом смысле и создавал слова-кентавры, доходя вплоть до грецизированного почерка, переходящего «местами в пографемное воспроизведение облика заимствуемого слова (συλλογιστῶν, ἀξιωματικῶν)» ³⁴. В старинной лексикографии такие слова назывались «рожденными в чернильнице». ³⁵ В истории перевода Евфимий остается почтеннейшим трудолюбцем и «рудознатцем», чьи труды, правда, так и не нашли читателей.

Стилистической позиции переводчиков морально-политических наставлений («политичных дискурсов») начала XVIII в. более соответствовала метафора «портного», производная от более общего и более древнего представления о литературном творчестве как «ткании», ³⁶ (отсюда и «художественная ткань произведения» — стертый оборот литературоведческого обихода). Эта метафора, равно как и другие образы-символы писательского труда, применима и к оригинальному, и к переводному творчеству, однако допустимо предположение, что она заслуживает особого внимания при изучении переводной литературы, так как подразумевает обработку уже готового «материала».

Для современного сознания «портновская» метафорика имеет либо явно пейоративную, либо самоуничужительную коннотацию, смысл выражения «кропать стишки» достаточно однозначен. ³⁷ Пародийный смысл «портновская» метафорика получает со второй половины XVIII в., когда она постоянно встречается в сочетаниях типа «Вергилиева Енейда, вывороченная наизнанку» (Н. П. Осипов, 1791), «Енейда, на малороссийский язык перелицованная» (И. П. Котляревский, 1798), «божественный Ахиллес во французском платье» (С. С. Уваров, 1813), «смешной наряд» русского Буало (И. А. Крылов, 1814), наконец, отзыв А. Н. Радищева о переводе В. П. Петрова «Энеиды»: «Не дивилось, что древний трех на Вергилия надет ломоносовским покроем» (1790). В этих наудачу выбранных примерах с «перелицовкой» «портновская» метафорика означает травестию, пародию или искажение, но с конца XVII и до середины XVIII в. она употреблялась нейтрально или даже с поло-

³³ Исаченко-Лисовая Т. А. О переводческой деятельности Евфимия Чудовского // Христианство и церковь в России феодального периода (материалы). Новосибирск, 1989. С. 201.

³⁴ Там же.

³⁵ См.: Алексеев М. П. Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII в. Л., 1968. С. 49.

³⁶ См.: Матхаузерова С. «Слагати» или «ткати»? (Спор о поэзии в XVII в.) // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 195—200; Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 59—60.

³⁷ Ср.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1979. Т. 2. С. 198; Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1981. Вып. 8. С. 72.

жительным оттенком. Приведем примеры, подтверждающие такое понимание.

Самое раннее употребление этой метафоры, нам известное, относится к концу царствования Алексея Михайловича, когда появился перевод «Прологов» Трога Помпея — «Краткое пяти монархий древних описание». В посвящении перевода И.И.Морозову переводчик-аноним несколько раз употребил эту метафору: «Аз же, последний раб твой, еже сим временем скоро возмогл събрати пред велможное преизящество твое „Пять монархий“, в ризу российскую одеянных <...> Яко труд сей мой любезно ныне прияти сподобился еси бы прежде, нежели иньи древнии историки римскии, в ризу российскую чрез мене одевающихся, на свет к великоможности твоей изыдут».³⁸ В 1688 г. Евфимий Чудовский в предисловии к переводу творений Симеона Солунского писал: «Священную сию книгу <...> святейший кир Иоаким, всероссийский патриарх, повеле в славенскаго диалекта претолкование, яко в многоценную и драгоушещренную ризу одяети».³⁹ В конце XVII в. было переведено «Соборное деяние, еже бысть в Константинополи», которое «написася убо тамо эллиногрецким диалектом, в онъ же облеченно притече в преславный православно царьствующий град Москву, в нем же стяжа словенска диалекта одеяние, его же красоту да зрит всякое верных состояние».⁴⁰ 19 июля 1728 г. Я.Маркович, ученик и друг Феофана Прокоповича, отметил в своем дневнике: «Псалом II против еврейского вывернул на славенский диалект».⁴¹

Во всех этих случаях «перелицовка» (ср.: «Мы с польского на русский перелицовали, Вписавши безпрременно, что там начитали»)⁴² не носит никакой оценки и означает лишь перевод по своему образцу и «покрою», т. е. ориентацию на стилистические традиции своего языка. Эволюция «портновской» метафоры к концу века убедительно показывает, что такая стилистическая позиция в переводе стала уже недостаточной. Позднее А. С. Пушкин в статье «О Мильтоне и Шатобриановом переводе „Потерянного рая“» отметил: «От переводчиков стали требовать более верности и менее щекотливости и усердия к публике — пожелали видеть Данте, Шекспира и Сервантеса в их собственном виде, в их народной одежде».⁴³ Однако новая задача — воссоздание в переводе стилистики оригинала, потребовала и новой метафоры, заимствованной на этот раз из области изобразительных искусств: переводчик — копист, старающийся воссоздать в копии особенности и колорит оригинала. Насколько трудна была эта задача, можно судить по одному из самых известных использований метафоры: «Неполный, слабый перевод, С

³⁸ БРАН, П.А.15, л. 23, 23 об.

³⁹ *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. С. 317.

⁴⁰ *Тополев В. П.* Рукописи Нижегородского церковного древлехранилища // Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Нижний Новгород, 1914. Т. 17, вып. 2. С. 18.

⁴¹ *Дневные записки Якова Марковича.* М., 1859. Ч. 1. С. 289.

⁴² *Пекарский П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 2. С. 474. Из печатного календаря 1720 г.

⁴³ *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений. [М.; Л.], 1949. Т. 12. С. 137.

живой картины список бледный» (А. С. Пушкин). Старая же, «портновская», метафорика окончательно отошла в область травестированной литературы.

Для рубежа XVII—XVIII вв. выраженный в этой метафоре стилистический аспект теории перевода имел свой смысл — переводчики учились подробно перелагать «смысл и истину», сознательно не ориентируясь на стилистику оригинала. Эта концепция, разработанная при Петре I на материале «политических дискурсов», не замедлила сказаться и в переводе художественных произведений. Доказательством тому служат находки иноземных источников для считавшихся ранее оригинальными сочинений, а также то, что анализ некоторых несомненно переводных произведений не всегда позволяет установить язык, с которого сделан перевод. Таким образом, теория перевода, сложившаяся в Петровскую эпоху, открыла новый путь отношения к тексту и его стилистической адаптации.

НОВАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Самосознание писателя и его статус в общественном сознании относятся к числу важнейших проблем всего XVIII в. Самый решительный шаг от средневекового книжника к типу писателя нового времени был сделан в Петровскую эпоху. Именно тогда «писатель, сочиняющий по обету или внутреннему убеждению, сменяется грамотеем, пишущим по заказу или прямо „по указу“». ¹ Следствием явилось то, что «писатель стал частным человеком, частный человек стал писателем». ² Это еще одна своего рода реформа Петровской эпохи с далеко идущими последствиями, указом, конечно, не оформленная, была, особенно поначалу, как и многие другие культурные действия Петра I, более декларацией, чем реальностью, и преследовала цели более практические, ³ чем эстетические. Но, опять-таки, как и в других случаях, Петр прозорливо угадал направление уже идущего процесса и дал ему сильный толчок.

Превращение писателя в частное лицо — это характеристика перехода от корпоративного средневекового сознания к индивидуальности нового времени, если рассматривать вопрос только с точки зрения социологии литературы. Однако в каких внутрилитературных формах и как это проявлялось? Рост авторского самосознания, его индивидуализация проявились, может быть в первую очередь, в изменении мотивации творчества. Действительно, древнерусский писатель никогда не писал «от скуки», «от безделья», для «препровождения времени», если припомнить «общие места» в характеристике литературного труда европейской культуры (ср.: otium — «досуг»). В рамках прежней, традиционной, предельно сакрализованной культуры писатель «в идеале — не был создателем текста, а был его передатчиком, носителем высшей истины». ⁴ Он не столько сам хотел что-то выразить, сколько его к этому «понужда-

¹ Панченко А. М. О смене писательского типа в Петровскую эпоху // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII в. Л., 1974. С. 125. (XVIII век. Сб. 9).

² Там же.

³ См.: Там же. С. 123—124.

⁴ Лотман Ю. М. Русская литература послепетровской эпохи и христианская традиция // Лотман Ю. М. Избранные статьи. Таллинн, 1993. Т. 3. С. 127.

ли». И это продолжалось до конца XVII в. Так, еще в 1670-х гг. протопоп Аввакум писал, что он «понужен бысть житие свое написати иноком Епифанием, понеж отец ему духовный инок». ⁵ Тогда же Афанасий Федосеев, один из учителей царевича Федора Алексеевича, живший в Чудовом монастыре «славенска писания учитель», «понудил» Мардария Хоникова перевести стихами стихотворные подписи к Библии Николая Пискатора:

А сие бысть тщанием мужа всеблагаго,
рачителя писаний весма предрагаго.
Добр убо сей, добрых же желатель совершен,
Афанасий именем, Иоанном рожден,
Рекомый Федосиев, иже мя понуди;
Иисус же Христа сей царства общник буди!
И сие аз преслушник зол в сем не смех быти,
худоумен сый, дерзнух сия сочинити. ⁶

Сочинительство «по понуждению» сохранялось еще долго в литературном сознании, но в первой четверти XVIII в. все чаще занятие литературным трудом мотивируется личными нуждами, при этом в самых разных областях. Так, И. П. Максимович, выпускник Киево-Могилянской академии и бывший мазепинец, проживавший с 1714 г. в Москве, взялся за перевод с латинского элегий брюссельского иезуита Германа Гуго, «хотящ бо в многмятежном жития моего состоянии мысль свою унывающую врачевати», а после завершения перевода в 1718 г. он принялся за лексикографическую работу: «Вознамерен бо бех краткое собрание во образ лексикона латинославенскаго собственной ради нужды и пользы своей составить». ⁷ Князь М. Кропоткин в предисловии к сборнику своих антипротестантских сочинений 1720-х гг., в том числе и переводов из А. Гваньини и Д. Ботеро, писал: «Понудихся в забаву печали моей сие с польскаго диалекта на словенские речения для ведения вкратце преписати». ⁸ Писательство для себя — «общее место» при мотивации творчества в литературном быте нового времени, а происхождение другого топоса — «врачевания» литературными занятиями, обязано своим происхождением одной из психофизиологических концепций меланхолии, как источника «поэтического жара» (*furor poeticus*). ⁹

Появление столь важной для русской культуры XVIII в. концепции «непряздного досуга», восходящей к античной теории *otium* (*litteratum*), ¹⁰ также было следствием превращения писателя в частное

⁵ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения. Иркутск, 1979. С. 17.

⁶ Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. С. 180.

⁷ БРАН, 32.6.2, л. XI.

⁸ РГБ, Собр. Пискарева, № 173, л. 5.

⁹ Топика терапевтической мотивации литературного труда была устойчивой; позднее, в 1745 г., А. Г. Строганов (как вспоминал историк его рода в 1761 г.) принялся за перевод «Потерянного рая» Мильтона и «теми своими любезными трудами отгонял скучливые и задумчивые мысли» (цит. по кн.: Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России: Исследования и материалы. Л., 1990. С. 135).

¹⁰ См.: *Ostrowska B.* Humanistyczna koncepcja «otium» w Polsce na tle tradycji europejskiej // *Studia porównawcze o literaturze staropolskiej*. Wrocław, 1980. S. 169—186; *Vickers B.* Leisure and Idleness in the Renaissance: The Ambivalence of *otium* // *Renaissance Studies*. 1990. Vol. 4. № 1. P. 1—37.

лицо. Нашедшая свое выражение в различных по своему происхождению вариациях, теория «праздного времени в пользу употребленного» стала условным оправданием для обращения к литературному труду и тем самым открывала путь к литературным занятиям дворянам, становясь по сути нормой бытового поведения для части дворянства, а порожденный ею литературный дилетантизм стал благодарнейшей почвой для образования оригинального типа русского писателя (ср. Чарского в «Египетских ночах» А. С. Пушкина).

У В. К. Тредиаковского и А. Д. Кантемира можно найти классическое соединение «общих мест» мотивации литературных занятий, при котором почти пропадает ощущение их условности. Тредиаковский переводил в Гамбурге «Езду в остров любви» не столько потому, что «пропадал со скуки», но и «дабы все мое время не тратилось».¹¹ А вот Кантемир в 1725 г. перевел с латыни Хронику Константина Манассии, в частности, для того, «да некак празден пребуду, ничтоже творя».¹² В 1727 г. он же представил Екатерине I «Симфонию на псалтырь», которую он составил, «избывший мне от других упражнений час к сей духовной забаве употребив».¹³ Кантемир очень внимательно относился к разработке топоса *otium*'а для обоснования своего творчества, непременно и назойливо подчеркивая, что «излишество времени почти побудило к тому», он писал «в забаву» и «в лишнх часах», «с досугу» и «в забаву приятеля».¹⁴

Это уже не старые самоуничижительные формулы, а условное доказательство своего права на независимое, «приватное» творчество, которое доставляет удовольствие («забаву») самому автору — «себе самому единому в тайных угождати», как замечательно сформулировал И. П. Максимович в 1724 г.¹⁵ «Непраздному досугу» сопутствует и другой мотив — горацианское *utile dulci* — «пользу с сладким вмещая» (Феофил Кролик),¹⁶ «соединяя с полезным веселое» (В. К. Тредиаковский).¹⁷ Но с этим объяснением сочинительства «для себя» неразрывно связано другое «общее место» — мысль о том, что сочинительство может доставить славу, отсюда и стремление издать свои сочинения под своим именем, явить их миру. Уже Евфимий Чудовский (ум. 1705) перед смертью вложил свои сочинения и переводы в патриаршую ризницу с пожеланием, чтобы их «даяти бы хотящим на прочитание и на списывание душевныя ради ползы, и еже бы по некоем времени печатным тиснением издати вся сия пять книг».¹⁸ Однако вскоре после этого Иоанн Максимович, напечатавший в Петровскую эпоху стихов больше, чем кто-либо

¹¹ Тредиаковский В. К. Сочинения. СПб., 1849. Т. 3. С. 648.

¹² Цит. по кн.: Grasshoff H. Antioch Dmitrievič Kantemir und Westeuropa. Berlin, 1966. S. 29.

¹³ Кантемир А. Д. Сочинения, письма и избранные переводы. СПб., 1868. Т. 2. С. 339.

¹⁴ Кантемир А. Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 361, 219, 172.

¹⁵ БРАН, 32.6.2, л. XIII.

¹⁶ Цит. по: Шкляр И. В. Формирование мировоззрения Антиоха Кантемира // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5. С. 144.

¹⁷ Тредиаковский В. К. Сочинения. Т. 3. С. 303.

¹⁸ Бычков А. Ф. Описание церковнославянских и русских рукописных сборников императорской Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 357.

другой, уже вовсе не упоминает мотива душевной пользы, когда в 1710-х гг. пишет из Тобольска в Чернигов:

Печаль мя повседневно едина снедает,
Яко труд мой без типу долго пребывает.
Господь мне пособствова много написати,
За многи грехи типу не даде предати.

И затем обращался к черниговскому архиепископу:

Оставих премногая у вас писания,
Потщися в тип дати, готов даiania
Немедленно прислати за иждивение
Святыне вашей за то поклонение
В вашу типографию, сликко велите.
Молю печатать книги, вы благословете.
Не моя, ваша будет превелия слава,
По земной митре примет венец ваша глава.¹⁹

Сам митрополит Иоанн относился более чем серьезно к своим трудам. Вспоминая в Тобольске черниговские занятия, он писал:

Что там написанна, zde делом совершиши,
От всех трудов Иоанн бедний удалися.
О воле Божой писах, так изволение
Божие — з Чернегова zde преселение.
Обы книгу о воле Божией узрети,
Не печально бы в дальней стране сей умрети.²⁰

Понятие литературной славы было настолько хорошо известно Кантемиру, что он даже попрекал свои стихи:

Жадно воли просите, льстите себе сами,
Что примет весело вас всяк, гостей веселых,
И взлюбит, свою ища пользу и забаву,
Что многу и вам и мне достанете славу.²¹

Правда, новое писательское «желанье славы» все еще сосуществует в эту эпоху со старыми этикетными литературными формулами, в которых «слава» признается за «тщеславие», а сопутствующее славе вознаграждение — за «сребролюбие». И.Копиевский в предисловии к «Книге, учащей морского плавания» (1701) оговаривался: «<...> сие же известно ти буди, православный читателю, сея ради вины книга написася, да не мниши, яко сия книга тщеславия ради какова напечатана или похотию сребролюбия издана есть».²² Однако мотив достойного вложенному труду авторского вознаграждения («сребролюбия») уже в петровскую эпоху был далеко не праздным. Ф.Полликарпов, похоронив в 1716 г. убитого справщика Николая, с грустью писал о расхождении литературного труда и его оценки в глазах современников: «Отправихом же погребальная из казны государевы десятью рублями, понеже по нем, кроме двух рублей, не

¹⁹ РНБ, Q.IV.375, л. 148 об.

²⁰ Там же.

²¹ Кантемир А. Собрание стихотворений. С. 216.

²² Цит. по: Протасевич В. И. Илья Копиевич (Просветитель петровской эпохи) // Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии. Минск, 1962. С. 330.

обретется. Таково имя в век свой трудившемуся в слове Божии и учении. А будет ли по нем ин таков, о том неизвестно».²³

«ГАЖДАТЕЛЬ» ЗОИЛ И «БЛАГОРАССУДНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ»

Для древнерусского книжника изначальной является установка, что творчество — благочестивый труд, результаты которого затем смиренно предлагаются «благочестивому читателю». В свою очередь, литературные плоды «лишних часов», писанные «в забаву», находят обоснование своего права на существование в признании индивидуальности всякого эстетического опыта. Подобный подход, оборачиваясь, правда, столкновением множества индивидуальных эстетических суждений, предполагал наличие многих не сводимых один к одному канонів прекрасного. Поэтому обоснование каждым автором права на свободное словотворчество с неизбежностью выливалось в различные формы полемики с возможными опровержениями и упреками. Субъект этих ожидаемых попреков и нападков обычно персонифицируется, и авторы ожидают их от Зоила, традиционного для европейской культуры обозначения злопыхателя.

Зоил появляется в русской поэзии на рубеже 1670—1680-х гг. Вероятно, впервые его упомянул Симеон Полоцкий в стихотворении «К гаждателю» (т.е. хулителю). Стихотворение было написано в 1678 г. и напечатано в «Псалтири рифмотворной» (1680).²⁴ Автор обстоятельно растолковывает, что Зоил — «хулник стихов омирих», который «писанием си славу онаго терзаше». Далее Симеон отсылает к существующей литературной традиции (безусловно, европейской, так как своей просто не было):

Тем обычно ся в книгах Зоил нарицает,
Кто чужда писания без вины гаждает, —

и в следующих стихах отмечает важное изменение в прежней системе литературных отношений:

Мню аз, яко и ныне живет Зоил в чадах
Нрава хулы своя и в российских градах;
Не мню токмо, но и вем.

Затем Симеон предостерегает, увещевает и даже грозит Зоилу, считая напрасными все его попытки опорочить свой труд. Стихотворение Симеона не только фиксирует появление Зоила («в российских градах»), но и задает парадигму отношения поэта к «хульнику» и «гаждателю». Однако еще до появления в печати «Псалтири рифмотворной» Зоила упоминает в 1679 г. Мардарий Хоников в предисловии к стихотворным переводам из Библии Николая Пискарева в обращении «К читателю»:

Обаче, читателю, изрещи дерзаю:
Не даждь Зоилу места, тебе умоляю.²⁵

²³ Русский архив. 1868. № 7—8. Стб. 1097—1098.

²⁴ См.: Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. М.; Л., 1953. С. 92—93.

²⁵ Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. С. 180.

Безымянный провинциальный священник, автор сборника проповедей «Статир» (1684), предварил сборник прозаическим и двумя стихотворными предисловиями. В любопытнейшем прозаическом предисловии автор не просит читателя снисходительно исправить погрешности, что было обязательной данью литературному этикету в древнерусских памятниках, наоборот: «Если будешь читать внимательно эту книгу, состроенную моим окаянством и нареченную невежеством моим „Статир“, и если в чем-нибудь усумнишься, то не дерзай тотчас вымарывать или исправлять. Молю тебя об этом, завещаю тебе и пред самим Богом свидетельствую просьбу мою».²⁶ Правда, в «Стихах к доброму читателю, да и к завистливому хухнателю» автор сначала вполне в духе древнерусского книжника пишет:

Усердно главу мою поклоняю,
Погрешению исправы желаю, —

но тут же спохватывается и принимает наступательный тон:

А несмысленному же не дерзати,
Но у разумных ему вопрошати.
Молю, не буди и на мя поноситель,
Ни скорозавистливый укоритель;
Да не будеши жужу ты подобен,
Иже ни на какую вещь не потребен,
Но токмо при вечере он летает
И скотим гюем он себя питает.
Дотоль и жив он, доколе кал есть,²⁷
Егда сего не будет, — изгибл весь.²⁷

Хотя от рубежа 1670—1680-х гг. упоминаний о Зоиле сохранилось очень мало, некоторые характерные черты представлений о нем просматриваются довольно отчетливо. Зоил в первую очередь не столько критик в нынешнем его понимании, сколько отъявленный ругатель, «гаждатель» и «ухнателъ». Сетования авторов на предполагаемого «гаждателя», с одной стороны, вполне резонны, поскольку труды их еще не увидели света, а с другой — вполне условны, поскольку свидетельствуют о принадлежности авторов новой литературной культуре. Автор «Статира» в «Стихах, в них же Богу благодарение и на завистников дерзновение» говорит:

А они мене за то порицаху,
И сей труд мой не видавши, хуляху.²⁸

Ему вторит Симеон Полоцкий:

..... еще труды
сии света не зреша, ни видюша в люди,
А уже хулители завистнии слово
лукавое имеша во устех готово.

²⁶ Яхонтов И. Русский проповедник семнадцатого века и несколько статей из его сочинения «Статир». СПб., 1883. С. 13. К сожалению, в этом исследовании прозаическое предисловие переведено на современный русский язык.

²⁷ Там же. С. 23.

²⁸ Там же. С. 21.

Колми паче узревше потщатся хулити
труд сей, дабы хулою славу получитьи.²⁹

Скорее всего, эти заявления, несмотря на явную литературную условность и неопределенность адресата, небезосновательны, во всяком случае Симеона, касающиеся его «Псалтири рифмоторной». Патриарх Иоаким в 1690 г. говорил о книгах, напечатанных в Верхней типографии: «Мы же прежде типикарского издания тех книг ниже прочитахом, ниже яко либо ведехом, но яже еже печатати отнюдь не токмо благословение, но ниже изволение наше бысть».³⁰ Вряд ли Симеон Полоцкий знакомил завзятых грекофилов с рукописью своего переложения; попытки же исследователей усмотреть в «гаждателе» Евфимия Чудовского, скорее всего, навеяны позднейшими его выпадами против «Псалтири рифмоторной» в том же «Остне».³¹

В этот период литературной истории в качестве главной характеристики русского «гаждателя» подчеркивается зависть. Так, в стихотворении «К гаждателю» только само слово «зависть» упоминается шесть раз. Автор «Статира» также «дерзает» против завистников:

Тако и ты не много ся весели,
Но сам в сих искуситися изволи.
Когда бо ты свой разум познаеши,
То и на мою немощь не зазиши.
Не буди, яко муха, нападая
На язву, здоровое пренебрегая.
Аще бо не можеши изцелити,
Не мози наипаче уязвити.
Не си разумен погрешений исправити, —
Не дерзай же ты здраваго похулить.

При этом автор испытывает к «хухнателю» даже нечто вроде снисходительности:

Ты же, мой брате, от хулы престани
И от сна неведения возстани;
Благоволи сию книгу читати
И разумне ю потщися внимати,³²
По твоей бо немощи написася.³²

Причину «хулы» завистника Симеон Полоцкий в соответствии с традицией называет вполне определенно:

Вскую труды моя зле тщишися судити,
сам не хотя, ни могушь точных положити?³³

То же самое он повторяет и в третьем предисловии к «Псалтири рифмоторной»:

²⁹ Симеон Полоцкий. Избранные произведения. С. 92—93.

³⁰ Остен: Памятник русской духовной письменности XVII в. Казань, 1865. С. 138.

³¹ См.: Там же. С. 137.

³² Яхонтов И. Русский проповедник семнадцатого века. С. 23—24.

³³ Симеон Полоцкий. Избранные произведения. С. 93.

Ни завидящим подражатель буди,
им же чуждин сердце гризут трудн.
Иже благая за зависть хухнают,
совесть поправше, вся уничижают.³⁴

Из этих стихов очевидно, что Зоил — это не просто неприязненный критик, а критик-коллега (никак не собрат!) по перу и цеху. Авторы его вовсе не страшатся, а слегка презирают и вызывают (не без высокомерия) на состязание, приглашая в судьи читателя. Эти традиционные обличения Зоила с неизбежностью оборачиваются не свойственным древнерусскому книжнику самомнением. Характерно, что у Симеона Полоцкого эта позиция касается его собственного творчества и не относится к его эдидионным трудам. Например, его стихотворное предисловие к «Повести о Варлааме и Иоасафе» (1680) традиционно по форме и смиренно по духу:

Погрешение изволи простити,
Аще случися негде погрешити:
Грех любовию изволь извиняти,
Да любовь бога можеша прияти.³⁵

Литературная маска враждебного критика Зоила была очень удобна — у просвещенных «трудников слова» конца XVII в. она сразу вызывала целый ряд ассоциаций и пояснений не требовала, поскольку все они хорошо слышали отзвуки яростной борьбы с Зоилом в польской литературе XVI—XVII вв.³⁶ Правда, само имя не сразу выносится в заглавие сочинений, посвященных обличению литературного недоброхота: у Симеона Полоцкого Зоил фигурирует уже в первом стихе, но в заглавии стоит все-таки «гаждатель». Непривычность имени ощущалась и переводчиками. «Зоил», правда, упоминается в переводном предисловии к «Зерцалу старовещности», появившемуся еще при Алексее Михайловиче,³⁷ но вот в начале XVIII в. в составе «Вертограда королевского» Б.Папроцкого было переведено и стихотворение «Ad Zoilum Autor» под заглавием «Изобретатель ко клеветнику».³⁸ Такое же значение (Зоил — клеветник) зафиксировано и Юрием Крижаничем еще в середине 1660-х гг.³⁹ В книге «Новейшее основание и практика артиллерии» (1709) помещено предисловие «К хульником»: «Вы же, злонравием своим все осуждающие, все же уничижающие, еже вам годно не показуется, припомните, что осуждати удобнее бывает, нежели вымышляти, и воспоминайте, что и небесные деяния не всякому возлюбятся. Паче же помыслите, кто тако дерзновенно восходит на судилище, тот сам себе осуждает купно, явственно оказуя, что он то не разумет, к

³⁴ Там же. С. 216.

³⁵ Цит. по: *Сидорова Л. П.* «Повесть о Варлааме и Иоасафе» в издании Симеона Полоцкого // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982. С. 149.

³⁶ См.: *Mikulski T.* Ród Zoilów: Rzecz z dziejów staropolskiej krytyki literackiej // *Mikulski T.* Rzeczy staropolskie. Wrocław, 1964. S. 15—119.

³⁷ См.: БРАН, П. I. А 15, л. 123.

³⁸ См.: РНБ, Собр. Погодина, № 1700, л. 303—303 об.

³⁹ См.: Русское государство в половине XVII в.: Рукопись времен царя Алексея Михайловича. М., 1859. Ч. 4. С. 158.

чему сердце его склоняется». ⁴⁰ Но и в переводном памятнике мотив зависти иногда воспроизводится. «Златое иго супружества» (1696) завершает двустишие «Завидящему»:

Аз научих тя лгать,
а ты мене тем же хочешь потоплять. ⁴¹

Мотив обязательного порицания Зоила к началу XVIII в. уже выходит из пределов чисто художественных сочинений и может сопровождать предисловие к любому литературному, в том числе научному, труду. Например, такой вызов звучит и в предисловии Федора Поликарпова к «Лексикону трезычному»: «А иностранных и между иными преславных сих двух [греческа и латинска] диалектов высоту и широту изследити, сам поношай нас да покусится или поне готовое сие прочести да потщится, идеже узрит едино речение, многа имуцо знаменования, и вспак разны вещи единым заключаемы имянованием и тогда познает порицати удобность дела, его же прежде никогда видел имел, аще бы и умел и к таковым можно рещи со премудрым», далее следует стихотворение на латинском языке, а затем перевод Поликарпова:

Зрите вы семо, иже порицати
Любите чуждих труды, извещати:
«Могли бы и мы тожде сотворити
И лучшу сея книгу сочинити». —
Аще мощно вам, почто не твористе?
Не бых труд подъял, аще б в деле бысте.
Но всяк своих дел в корысть бе стронтель,
Что знал, то издал, а сих не любитель.
Лучше ли веси? где худо — приправи,
Аще же ни сих, ум свой в сих направи. ⁴²

Эти же мотивы звучат и в предисловии И. П. Максимовича к его латинско-русскому словарю 1724 г., в работе над которым он использовал, в частности, латинско-польский словарь Григория Кнапского (1621). Описывая сложности своей работы, русский лексикограф говорит: «Да вникнут убо во вся сия ненавистнии чуждаго труда, купно и хвалы оуждатели, иже еще плода ума мѡего не видяще, но точию слухом слышаше в плодотворении сем труждающа-ся мя, не постыдешася в погаждение мое сия произнести слова: „Что великаго или труднаго есть индекс латинский Кнапиев превести по-руску?“ Аще не трудно, чесо ради прежде мене сего не твориша, ниже творити помыслиша сами? Да видят и прилежно испытуют сей труд мой: еда по разуму Кнапиеву, с полского языка состроенными, или славенскими и российскими самыми едиными толковании сей есть изнаполнен». ⁴³

⁴⁰ Браун Э. Новейшее основание и практика артиллерии. М., 1709. С. 3.

⁴¹ Панченко А. М. «Златое иго супружества» и его источник // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 337. Во втором списке перевода рифма носит более логичный характер: «сцать — потоплять».

⁴² Лексикон трезычный. М., 1704. Л. 7, 7 об.

⁴³ БРАН, 32.6.2, л. XV об.—XVI.

У Поликарпова и Максимовича Зоил не назван, но явно подразумевается. Само же имя мелькает в ряде произведений первой четверти XVIII в. Иосиф Туробойский в «Политикологической апофеосис» (1709) считает необходимым пояснить «титло книжицы сей», чтобы оно было «от зоилевых зубов защищено».⁴⁴ В пьесе «Гистория о Кире царе перском и о царице Тамире скифской» Зоил появляется в классическом обличье:

Аще Зоил скрежещет вострым на тя зубы
и тя сожрать отворяет ядовиты губы.⁴⁵

Зоил мог попасть и в самый неожиданный контекст. Так, в переводном «Описании артиллерии» (М., 1710) Т. Н. Бринк в предисловии сознается, что он решился издать свою книгу, «презирая все зоилывы злословия»,⁴⁶ т. е. имя Зоила настолько вошло в культурный обиход, что воспроизводится без дополнительных разъяснений в переводном сочинении.

Автор, наконец, мог просто отмахнуться от попреков и без упоминания Зоила. Переводчик «Истории о Париже и Вене» (1710-е гг.) в обращении «К читателю» просил:

Ты же, угождателю <так! — С. Н.>, наченши читати,
Что негодно мнится, молю престати,
Несть бо книга нужная, но в волю свободна —
Истинно не для тебе, аще ти негодна.⁴⁷

А. Д. Кантемир в предисловии к первоначальной редакции первой сатиры также просил: «Кому стихи мои не нравны, того прошу, чтоб их не чел».⁴⁸

Надо сказать, что до 1720-х гг. все сведения об историческом Зоиле в русских памятниках исчерпывались первым двустишием Симеона Полоцкого:

Хулник стихов омирих некто Зоил бяше,
писанием си славу онаго терзаше.

Но вот во второй половине 1720-х гг. кн. М. Кропоткин включил в сборник своих антипротестантских сочинений и переводов стихотворение «При сем к Зоилу примовляю: аще кто от зависти на сии труды Зоил явится, той читая ниже, тем да усрамится»:

Зоилу, от зависти бо не грызи чуждих трудов зубами,
Коли сам в лености того не чиниш своими трудами.
Мне бо и во печали не страшит твой зуб вшетечный,
Еже в правдивом сем речении есмь безпечный.

⁴⁴ См.: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2. С. 220.

⁴⁵ Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. М., 1975. С. 585.

⁴⁶ См.: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 2. С. 238.

⁴⁷ История о Париже и Вене: Переводная повесть в стихах Петровского времени / Приготовил к изданию Н. Н. Виноградов. СПб., 1913. С. 228.

⁴⁸ Кантемир А. Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 361.

Надлежит бо мудрым в перлах смотрити браку,
 Тебе же, Зоилу, пристойно в плевах смотрити смаку.
 Сидю правду, яко драгое перло, предлагаю читателем,
 Сушим правды святого благочестия снискателем.
 О вас, Зоилу, царь и пророк Давид так вещает,
 Всем благочестивым сице изъясляет:
 «Сынове человечестии, а зубы их — оружие и стрелы,
 И язык их — меч остр». Воспомяни, Зоилу,
 Прежде бывшего Зоиля, иже Гомеровы труды ганил
 И себя в таковой зависти ко смерти управил;
 Его же король Птоломей обесити приказал,
 Дабы впредь тобою таких завистников устрашал.
 Аз бо тебе, Зоилу, такового конца не желаю,
 Но токмо чрез Стриковского о сем изъясляю.
 О себе же ко Господу Богу моление приношу
 И покорне пресвятую благодать его прошу:
 «Спаси мя, Боже, от человека непреподобна
 И от мужа неправедна избави мя,
 Даруй, Господи Боже, спасение моему духу,
 Дабы с правоверными мне бытъ без розруку».⁴⁹

Упоминание «Стриковского» отсылает к польской литературе, причем к самому обстоятельному стихотворному описанию Зоила в польской поэзии XVI в. М. Стрыйковский предварил свою «Хронику» (1582) стихотворениями «На Зоила» и «На неблагоприятных и славе завидящих», этого ему показалось мало, и на полях он добавил (уже прозой) исторический комментарий.⁵⁰ Исходя из всех трех текстов, но не переводя их, Кропоткин и написал свое стихотворение, значительно смягчив наступательный и издевательский тон Стрыйковского. В частности, самому Кропоткину принадлежит обращение «спаси мя, Боже <...> даруй, Господи Боже». Так же завершил свое стихотворение «К гаждателю» и Симеон Полоцкий. Эти обращения еще вполне традиционны, но дело не только в традиции. Автор, презревший «соборное свидетельство» своего произведения, остался одинок. Фигура писателя-одиночки, пишущего для себя, становится характерной для эпохи.⁵¹ Для писателя вполне возможно теперь заняться сочинительством как бы помимо прежнего «соборного сознания», оправдывая обращение к перу новыми условиями. мотивами: чтобы «мысль свою унывающую врачевати» (И. П. Максимович), или запереться «в чулан для мертвых друзей <...> когда все содружество, вся моя ватага будет чернило, перо, песок да бумага».⁵² Но по завершении труда все меняется. Уже в силу своего статуса, вернее полного отсутствия статуса автора в современном его понимании, — писатель вынужден искать вполне реальную помощь и реальную защиту. И в литературной культуре воспроизводится еще один классический образ — Меценат. В литературной жизни это была вовсе не фиктивная фигура; уже с конца XVII в. кроме царского и патриаршего патроната появляются ме-

⁴⁹ РГБ, ф. 228. № 173, л. 30 об.—31.

⁵⁰ См.: *Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiej Rusi.* Warszawa, 1846. Т. 1. S. XXII—XXIII.

⁵¹ См.: *Панченко А. М.* Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 164—165.

⁵² *Кантемир А.* Собрание стихотворений. С. 59.

ценаты разных чинов, от князей до купцов,⁵³ а писатели охотно ищут их покровительства.

Роль Мецената (и появившихся вместе с ним панегирика и сервиллизма) в литературной культуре важна и интересна сама по себе. Пока отметим, что Меценат непосредственно связан в авторском сознании с Зоилом. Так, Афанасий Миславский, посвящая в 1713 г. второе издание «Алфавита духовного» кн. Д.М.Голицыну, писал: «Искахом места, где бы, по совершении ея (книги. — С.Н.), место заступника и пристанище тойжде изобрести возмогохом: не обыче бо дело, художеством типографским произведенное, без заступника в свет исходити, да не растерзанно будет зубы Зоилов, согрызающих и растерзающих его. Обретохом убо место наставлением Божиим в дому вашего княжого сиятельства, яко некое пристанище доброе».⁵⁴ Он же посвятил в 1712 г. гетману И.И.Скоропадскому книгу «Ифика иерополитика» со словами: «Ныне, яко искреннейшему учений и учащихся промыслинику и любителю приносим, да тамо от хулительного злохудожных назирания свобода будет».⁵⁵

Кроме Зоила однажды были упомянут Мом — греческое божество злословия. И.Ильинский подарил кому-то из знакомых рукопись своей «Симфонии на евангелие и деяния апостолов» с двустипием, которое, конечно, не вошло в издание книги 1733 г.:

Ликуем, Моме, оба! Се книга кончася:
Мне убо покой, труд же тебе даровася.⁵⁶

Защищая себя и свой труд, авторы вызывали предполагаемого критика (неизменно бесталанного, ленивого и завистливого) на соревнование: если тебе не нравится мое сочинение — напиши сам лучше. Так зарождались основы прежде неведомой светской состязательной культуры, которая вскоре приняла форму открытых поэтических состязаний. Очевидно вместе с тем, что возможный критик усматривался не среди читателей, а в более узком профессиональном кругу литераторов, и эта ситуация сохранялась на протяжении первой половины XVIII в.: «Критики первого периода XVIII столетия — это поэты».⁵⁷ Несколько презрительное отношение к «завистливым людям» (т. е. критикам из литераторов) сохранилось долго, еще в 1743 г. А. Д. Кантемир писал о них: «Обыкновенно таким людям уничтожать чужой труд, хотя сами за него приняться или не смеют, или, принявша, мало удачливы бывають».⁵⁸

Однако Зоил пока все еще был достаточно абстрактной фигурой: нападки на него были безопасны и, конечно (чего можно ожидать от условности?), безответны. Более конкретные и живые черты Зоила начинают вырисовываться сквозь условный образ только у

⁵³ См.: *Соболевский А. И.* Московский меценат петровского времени // *Литературный вестник.* 1901. Т. 2, кн. 6. С. 128—129.

⁵⁴ Цит. по: *Пекарский П.* Наука и литература при Петре Великом. Т. 1. С. 258.

⁵⁵ Там же. Т. 2. С. 276.

⁵⁶ Цит. по кн.: *Тредиаковский В. К.* Избранные произведения. М.; Л., 1963. С. 439.

⁵⁷ *Гуковский Г. А.* Русская литературно-критическая мысль в 1730—1750-е гг. // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5. С. 100.

⁵⁸ *Кантемир А.* Собрание стихотворений. С. 220.

Кантемира. Примечательно, что у него Зоил поначалу никак не связан с литературой. Кантемир подробно разрабатывает главнейшую черту облика Зоила — зависть, которая доводит Зоила до того, что он «не спит, бедный, целы ночи». ⁵⁹ Даже в сатире «На Зоила» ⁶⁰ автор ничего не говорит о зависти литературной и только в конце сатиры, обращаясь уже к музе, сокрушается: «Про нас с тобою уж и так всякое зло трубят». Но это пока только отзвуки реальных нападков, лишь в 1740-х гг. в облике Зоила у Кантемира появятся черты враждебного литературного критика, ⁶¹ причем опять-таки это будет не столько критик, сколько злобный и завистливый неудачливый писатель. Тем не менее в развитии образа Зоила Кантемиру принадлежит важная заслуга: Зоил из абстрактного предмета нападок и суеверного оберега становится маской, за которой скрыты уже действительные, конкретные лица; так, в сатире «На Зоила» «под именем Зоила» описана «знатная персона». Формируется одно из важных правил литературной критики XVIII в., о котором сам Кантемир сказал: «имен не значу» ⁶² — и которое вскоре закрепил как обязательное требование В. К. Тредиаковский в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» (1735). ⁶³

В истории распространения «Езды в остров любви» В. К. Тредиаковского, которая вышла из печати в декабре 1730 г., кажется, впервые с маской Зоила соединены конкретные черты чисто литературной схватки. Эта «книга сладкия любви» стала первой литературной сенсацией новой русской литературы. В январе 1731 г. Тредиаковский писал из Москвы секретарю Академии наук И.-Д. Шумахеру: «Все люди с хорошим вкусом желают приобрести ее (книгу. — С.Н.) поскорее. Надеюсь иметь честь быть представленным с.и.в. Будьте любезны прислать мне безотлагательно еще 150 экземпляров», «Суждения о ней различны соответственно различию людей, их профессий и вкусов. Придворные ею вполне довольны. Среди духовенства одни ко мне благожелательны, другие обвиняют меня <...> утверждают, что я первый развратитель российского юношества, тем более что оно до меня совершенно не знало чар и сладкой тирании любви», «Что касается людей светских, то некоторые из них мне рукоплещут, слагая мне хвалу в стихах, другие весьма рады видеть меня и обременяют меня своими посещениями. Есть, однако, и такие, кто меня порицает», «Поистинне я могу сказать, что книга моя вошла здесь в моду, и, к несчастью или же к счастью, я вместе с нею. Право, милостивый государь, я не знаю, что

⁵⁹ Там же. С. 98.

⁶⁰ См.: Там же. С. 190—192. Никто из издателей сатиры не отмечал, что в единственной известной рукописи она озаглавлена «На Зоила» (см.: РНБ, Собр. Вяземского, Ф. 129, л. 79 об.). Подробнее о сатире см.: Берков Л. Н. Первые годы литературной деятельности Антиоха Кантемира (1726—1729) // Проблемы русского Просвещения в литературе XVIII в. М.; Л., 1961. С. 210—220; Schroeder H. Russische Verssatire im 18. Jahrhundert. Köln; Wien, 1962. S. 140—142.

⁶¹ См.: Веселитский В. В. Антиох Кантемир и развитие русского литературного языка. М., 1974. С. 44—46.

⁶² Кантемир А. Собрание стихотворений. С. 110.

⁶³ См.: Тредиаковский В. К. Избранные произведения. С. 389. Ср.: Успенский Б. А. К истории одной эпиграммы Тредиаковского. (Эпизод языковой полемики середины XVIII в.) // Russian Linguistics. 1984. № 8. P. 110—111.

и делать; ко мне обращаются отовсюду, у меня везде просят мою книгу, а когда я говорю, что у меня ее нет, сердятся настолько, что мне нетрудно заметить их неудовольствие». ⁶⁴ Для понимания смысла всего этого события небезынтересно отметить, что завершала книгу «Эпиграмма к охуждателю Зоилу»:

Много на многи книги вас, братец, бывало,
А на эту неужли вас таки не стало?

Задор Тредиаковского дошел до того, что слова «вас, братец» и «вас» были набраны более мелким шрифтом. ⁶⁵ Вызов был принят: книга вызвала как бурю восторгов, так и волну нападок. Тредиаковского обвиняли не только в том, что он «первый развратитель» юношества, ему ставили в вину тщеславие, суетность, критиковали и язык книги. В защиту Тредиаковского выступил малоизвестный переводчик И. М. Сечихин, который в 1732 г. перевел физиогномический трактат «Анфроскопия». В предисловии «К Зоилу» он не только признает себя приверженцем Тредиаковского, но и яростно защищает его от Зоила, презрительно именуя последнего «простяком», «червем неусыпающим», не разумеющим языка славенского. ⁶⁶ Мотив состязательности у Сечихина отсутствует, он полностью занят уничтожением Зоила:

Глуп ты, Зоиле, да и впредь глуп буди;
Знают, каков ты, все умные люди.
Хотя добра ты не можешь чинити,
Не поскучь глупость свою объявити,
Понеже и в том велика забава,
А твоя в веки так не умрет слава.

Эпиграмма носит отчетливо игровой характер, а предшествует ей любопытный фрагмент: «Сам Бог на цензуру твою не гневается, понеже в посмеяние тебя и игралнице ученому свету соделал. Довольно, полно браниться, пора помириться; я за простоту твою не сержуся». Вырисовывается новый образ Зоила: он сам будет пребывать вечно, а его ругань вовсе не так уж и страшна.

В новых обстоятельствах изменяется — по Сечихину — и роль Зоила. Если ранее это был коллега по писательскому цеху, которому предлагалось не «охуждать», а написать лучше, то теперь Сечихин «охуждает» Зоила за его неспособность оценить произведение. Из писем Тредиаковского видно, что нападки шли из среды духовенства. И Сечихин считает, что Зоил по своему достоинству может вести свои «диспутации» лишь с «дьячками и пьяным клиром». Он не в состоянии судить «Езду в остров любви», еще и потому что

⁶⁴ Письма русских писателей XVIII в. Л., 1980. С. 44, 46, 47 (оригиналы на французском языке).

⁶⁵ Тредиаковский В. К. Сочинения. СПб., 1849. Т. 3. С. 774.

⁶⁶ См.: Куприянов И. Материалы для истории русской словесности: К Зоилу (Образец старинных критик) // Москвитянин. 1853. № 7. С. 124—126; Успенский Б. А. Из истории русского литературного языка XVIII—начала XIX в. М., 1985. С. 143—146. Предисловия Сечихина цитируются далее по рукописи: РНБ, О. III. 22, л. 1—12 об. с исправлениями по рукописи: РНБ, Собр. Погодина, № 1675, л. 23—27. Полностью тексты предисловий см. в Приложении 3.

«деревенские бабы, на поспрадуху собравшись, о сем с тобою конференцию имели и цензоровать тебя научили. Хорошо для вас книга о Бове королевиче, в которой повествуется древние оныя о Лукопере исполине преславном, Полкане и Милитрисе истории, еще же и книга Пчела, не знаю поистинне, которым автором изданная, без всякого погрешения сильной, яко благочестия твоего наставница, апробация достойна», т. е. Сечихин противопоставляет новую светскую (в данном случае галантную) литературу массовой рукописной беллетристике. Так же высокомерно относился к ней А. Д. Кантемир, а затем и другие писатели середины XVIII в.⁶⁷

Таким образом, в предисловии Сечихина фиксируется тот момент в формировании новой русской литературы, когда происходит расслоение читательской аудитории и выделение элитарной ее части, демонстративно отрицавшей старую литературную традицию. Но и элитарная часть литературной публики (точнее, считавшая себя таковой) не была однородна. Древнерусский писатель обращался обычно только к «благочестивому читателю». Смена писательского типа в Петровскую эпоху повлекла и изменения в сфере литературной коммуникации.⁶⁸ Особенно наглядно это проявилось в предисловиях Сечихина к своему переводу. Их всего три: «К Меценату», «К беспристрастному читателю» и «К Зоилу». Оценить литературное произведение может, понятно, представитель любой читательской группы. Но к Меценату переводчик обращается за покровительством, вспомоществованием и защитой («не оттягни руку помощи, но светом власти, тебе порученныя, мрак моих преследований потщиися разгнати»). Зоила, как непросвященного «простяка» и отъявленного ругателя, Сечихин уничижает. Справедливой же оценки труда переводчик ожидает от новой условной фигуры — «беспристрастного» и «благодарного» читателя: «Любовь твоя, благодарный читатель, немалое мне чинило в малом сем труде моем облегчение, чесо ради и претвердо знаю, яко ты мне злодейством за мою услугу возмездие сотворити не восхощещи, но паче взаимною любовию, яко же я тебе ради в преводе сея книжицы, тако и ты мене ради в поправлении в погрешении ея потрудишися».

Сечихин фиксирует появление новых отношений в литературной культуре, где свои роли и места отведены меценатству, литературной публике («ученому свету» и «благорассудным читателям») и критике (Зоилу). Таким образом, даже судя по предисловиям Сечихина, к началу 1730-х гг. сложилась новая структура литературных отношений, которой была суждена долгая жизнь. В действительности, конечно, этот литературный механизм не сразу заработал в полную силу, в том числе и «цех зоилов строгих» обособился только в начале XIX в., что и обеспечило «Зоилу» долгую жизнь в русской критике и даже свое место в истории русского языка, куда Зоил вошел как «злой, желчный, завистливый критик».⁶⁹

⁶⁷ См.: Серман И. З. Русский классицизм. Л., 1973. С. 177—179.

⁶⁸ См.: Чернов И. А. Из лекций по теоретическому литературоведению. I. Барокко: Литература/литературоведение. Тарту, 1976. С. 147—149.

⁶⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978. Т. 1. С. 690.

Критические высказывания о другом произведении, защита от «хухнателя» Зоила подразумевают не только изменения понятия «писатель», индивидуализацию творческой деятельности, профессионализацию писательского труда, но и появление новой концепции текста, в частности, решение проблемы литературной собственности. В концепции творчества древнерусского автора критическое отношение к эстетическим особенностям текста как бы заранее исключалось. Скрываясь за обязательными самоуничижительными формулами, древнерусский книжник как бы пытался уверить читателя, что если он и писатель, то только «божьей милостью».⁷⁰ Тем самым изначально снималась возможность какого-либо эстетического разбора и оценки, ибо во внимание принимался лишь критерий истинности текста, отсюда естественным следствием почти декларативного отказа от авторства было обращение автора к читателям: если есть ошибки, то исправьте, но не кляните. И сами древнерусские книжники охотно, исходя из постулата о внеличностном, соборном характере творчества, поправляли и исправляли сочинения других авторов.

Древнерусские книжники исходили в своем творчестве из субстанциональной концепции текста, текст они понимали «как нечто данное, как откровение, которое не может существовать иначе, нежели в своей первоначальной, законченной и неизменяемой форме».⁷¹ Поэтому «в некотором смысле создаваемые тексты должны были повторять уже имеющиеся и не содержать в себе ничего существенно нового».⁷² Статус текста был безусловно выше статуса автора, что придавало анонимности большинства произведений древнерусской литературы характер эстетического явления.⁷³ Цитаты и вставки из других авторитетных (особенно святоотеческих) сочинений, приписывание своего произведения общепризнанному авторитету повышали статус текста, его достоверность и истинность.

Только во второй половине XVII в. субстанциональное понимание текста столкнулось с критическим, релятивистским, разработанным Симеоном Полоцким: текст — это объект, критически воспринимаемый субъектом. Между тем эта концепция далеко не сразу вошла в литературное сознание. Старое понимание текста оказалось вполне адекватно на какое-то время и таким относительно новым литературным явлениям как, например, силлабической поэзии.

⁷⁰ Панченко А. М. Некоторые эстетические постулаты в «Шестодневе» Иоанна Экзарха // Русско-болгарские фольклорные и литературные связи. Л., 1976. Т. 1. С. 35. Ср.: Некрасов И. С. Древнерусский лигатуратор // Беседы в обществе любителей российской словесности. М., 1867. Вып. 1. Отд. 1. С. 39—50; Буланин Д. М. Некоторые трудности изучения биографии древнерусских писателей // Русская литература. 1980. № 3. С. 137—142.

⁷¹ Матхаузерова С. Две теории текста в русской литературе XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 273.

⁷² Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). Мюнхен, 1987. С. 57.

⁷³ См.: Лихачев Д. С. Художественные особенности русской средневековой литературы // Чтения по древнерусской литературе. Ереван, 1980. С. 10—12.

Традиционная компиляция в отношении авторской силлабической поэзии нашла свое место не в анонимных, а именно в авторских же произведениях. Инок Авраамий — духовный сын протопопа Аввакума, старообрядческий писатель — своему полемическому сборнику «Христианоопасный щит веры» (1667—1669) предпослал два стихотворных предисловия. Первое — повторение предисловия в стихах к «Книге о вере» (М., 1648), второе — отчасти переработанное стихотворение из «Кирилловой книги» (М., 1644).⁷⁴ Евфимий Чудовский (ум. 1705), принадлежавший к другой литературной школе, составляя подборку собственных стихотворений, включил в нее «Подписание на колокол» Симеона Полоцкого из «Вертограда многоцветного».⁷⁵ В 1701 г. появилась лубочная картинка «Распятие» со стихотворными подписями «виршеписца» Иоанна Никитина, между тем эти стихи, иногда безо всяких перемен, заимствованы из стихотворений к Библии Николая Пискатора, переведенных Мардарием Хониковым в 1679 г.⁷⁶

Многочисленны заимствования Сильвестра Медведева из наследия своего учителя Симеона Полоцкого. В сочинении «Манна хлеба животного» он поместил стихотворение, из 32 строк которого 26 принадлежат Симеону.⁷⁷ В 1682 г. Сильвестр написал «Приветство брачное» на бракосочетание царя Федора Алексеевича, многие стихи в нем — незначительная переделка или прямые заимствования из «Вертограда многоцветного» и «Рифмологиона» Симеона Полоцкого.⁷⁸ Вполне естественно, что Сильвестр без смущения «поправлял» тексты своего учителя: он правил и язык, и стиль, и стих. Так, в «Вертограде многоцветном» в 135 стихотворениях Сильвестр сделал 160 исправлений.⁷⁹

В переводной поэзии, казалось бы, естественно ожидать выделения «чужого» слова, хотя бы указания подлинного автора, и так было во многих случаях. Однако Ян Андрей Белобочкий при переводе с польского компилятивной поэмы «Пентатеугум» не только всю поэму, но и каждую ее часть пометил как «творение Андрея Белобочкого».⁸⁰

В этих примерах, а их число можно умножить за счет прозаических сочинений,⁸¹ нельзя усматривать свидетельство простодуш-

⁷⁴ См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 98—100.

⁷⁵ См.: Сазонова Л. И. Евфимий Чудовский — новое имя в русской поэзии XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 303, 322.

⁷⁶ См.: Соколов М. Славянские стихи монаха Мардария Хоникова к лицевой Библии Пискатора. М., 1895. С. 17—18.

⁷⁷ См.: Сазонова Л. И. Евфимий Чудовский — новое имя в русской поэзии XVII в. С. 303.

⁷⁸ См.: Дурново Н. Н. «Приветство брачное» Сильвестра Медведева. СПб., 1904. С. 24—42. Много примеров «миграции» текстов приведено в кн.: Сазонова Л. И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII—начало XVIII в.). М., 1991. С. 63—74, 232—234.

⁷⁹ См.: Сазонова Л. И. Сильвестр Медведев — редактор Симеона Полоцкого («Вертоград многоцветный») // Теория и история литературы. Киев, 1985. С. 87—96.

⁸⁰ См.: Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. С. 218—248.

⁸¹ Ср.: Елеонская А. С. Русская публицистика второй половины XVII в. М., 1978. С. 184.

ного плагиата или сознательное желание кого-то ввести в заблуждение. Все это вполне старорусское отношение к тексту, который как бы и не может принадлежать конкретному тленному человеку и может быть улучшен в случае необходимости. Как простое заимствование, так и заимствование с переделками — это типичные «нестилизационные подражания»,⁸² не несущие какой-либо художественной функции. Складывалось неразрешимое противоречие: настойчивое подчеркивание внешней стороны авторства (имя в заглавии, в акростихе, в посвящении) без глубокого внутреннего изменения статуса автора и художественного текста.

Представление об оригинальности, конечно, еще не стало конститутивным признаком творчества. Более того, авторы рубежа веков как бы и не стремились к ней. «Состави сия, и то не от себе, но что инде читах», — писал Димитрий Ростовский в 1683 г.⁸³ Подобное «высвечивание» структуры произведения — не редкость. В 1709 г. Иоанн Максимович в предисловии к книге «Осм блаженства евангелские» заверял читателя:

Не туне писая,
От многих собрася.⁸⁴

Стихотворцы конца XVII в., последователи и наследники Симеона Полоцкого, забыли ведущий мотив просветительской деятельности первого придворного поэта — состязательность, «ревность». Мотив культурного состязания⁸⁵ Симеон неоднократно подчеркивал, например, в предисловиях к «Псалтири рифмоторной»:

... аз поревновах, тшахся тож творити.

«Поревновах убо, да и на нашем языке славенстем <...> обретается.»

Ревнуйа убо, тшахся написати
нашим славенским (языком. — С.Н.).⁸⁶

Пафос «ревности» Симеона Полоцкого к концу века утратил значение и актуальность новизны, а отказ следующих за ним силлабиков от «вымысла» («состави <...> не от себе») в конечном счете привел только к количественному приращению текстов. Именно таково творчество Иоанна Максимовича (1651—1715), чье поэтическое наследие исчисляется десятками тысяч строк. Уже при жизни его стихи стали вызывать ту реакцию, какую позднее вызывала графомания. В августе 1707 г. Иоанн Максимович издал огромный стихотворный том «Богородице Дево». Весь сборник — сплошное «расширение» или «умножение слов», именно так сам автор сформули-

⁸² См.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1979. С. 184—207.

⁸³ Цит. по кн.: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2. С. 69.

⁸⁴ Там же. С. 206.

⁸⁵ См.: Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984. С. 162—166.

⁸⁶ Симеон Полоцкий. Избранные произведения. М.; Л., 1953. С. 211, 213, 216.

ровал свой творческий метод.⁸⁷ Причем это было «умножение» чужих слов — «не от своих бо даю», «не зри приносимого, но приносимое».⁸⁸ В послесловии Иоанн Максимович называет среди источников и «Руно орошенное» Димитрия Ростовского:

Сложись им прежде книга Руно орошенно,
Чудес, бесед, прилогов полезных сполненно,
И нравоучении в честь всеми преславимой
Присно Девы Марии повсюду блажимой,
Яже в Чернегове на горе Болдине
В иконе своей здравле действует до ныне.
От сего и мы руна слоги воместихом,
Деять с нравоученми чудес zde вложихом.⁸⁹

Иоанн Максимович берет текст Димитрия и просто рифмует его, ср.: «Во царство пресветлаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всея великия и малыя и белыя России самодержца, содержащу престол архиерейства в Чернегове преосвященному господину отцу Лазару Барановичу православному...» и т. д.⁹⁰

В лета монархи пресветла избрана,
Трема от Бога венцы увенчана
Благополучной царствия державы
Сугубой главы.

Величайшаго князя Алексия
Михайловича, всей земли роския
И многих земель царств самодержавна,
В брани преславна.

Пастыру тогда северскаго града
Черниговска и Новгородска града
Архиерейства престол содержащу,
Добре правящу

Лазару, другу Божию реченну
Барановичу, агнцу всемирнену,
Восточной церкви правоверну сыну
В духовном чину⁹¹ и т. д.

Каждое чудо Димитрий заключает нравоучением, например: «Образ пречистыя девы плакаше почто? Да ты, чловеце, сый образ Божий, навикнеши не смеятися. Горе смеющимся! Мир сей есть удолю плачевный, то како в нем смеятися? <...> Любителница Христова в Песнех песней, написуя вся уды любимаго и уподобляя главу злату, ланиты фиалом аромат, устне кринам, каплющи змирну, о

⁸⁷ См.: Иоанн Максимович. Богородице Дево. Чернигов, 1707. Л., 2 об., 4 об. «Расширение слов» было известно и Симеону Полоцкому (см.: Памятники литературы Древней Руси. XVII в. Кн. третья. М., 1994. С. 65). Надо полагать, что таким образом русские поэты перевели риторический термин *paraphrasis*.

⁸⁸ Иоанн Максимович. Богородице Дево. Л. 14 об.

⁸⁹ Там же. Л. 1 об. (второй фолiaции).

⁹⁰ Димитрий Ростовский. Руно орошенное. Чернигов, 1702. Л. 1—1 об.

⁹¹ Иоанн Максимович. Богородице Дево. Л. 18 об.

очесах глаголет: очи его яко голубине на исполнение вод».⁹² Вот то же «нравоучение» в переложении Иоанна Максимовича:

Богородици образ коей вины
Плакал? Человеке, ты образ святыни
Божой, да в жизни навикнеш рыдати,
Не бесовскому смеху работати.
Смеющим бо ся в времени сем горе!
Мир сей удоли плачевной есть горе.
.....
Любительница Христова си труды
Во Песнях песней любимого уды
Вся написаю и главу все злату
Уподобляя, в разуме богату,
Фиялом миров ланиты прекрасны.
Каплющим кринам змирну устне ясны.
Очеса (рече) яко голубине,
Любят по водной пастися глубине.⁹³

И таким образом зарифмованы не без известной ловкости все «чудеса» и «нравоучения» «Руна орошенного». Ничего дурного в этом, с точки зрения литературной теории XVII в., не было, тем не менее через полгода после выхода книги Димитрий Ростовский писал Стефану Яворскому: «Книга вершков <...> печатных прислана мне: Бог дал тем верхописцом друкарню, и охоту, и деньги, и свободное житье: мало кому потребные вещи на свет происходят».⁹⁴ В этом отзыве слышна не только личная заинтересованность. Многописание, если не сказать — графомания, Иоанна Максимовича раздражало современников. А.Кантемир в четвертой сатире писал:

С трудом стишка два сплету, да и те неспелы,
Жестки, досадны ушам и на те походят,
Что по целой азбуке святых житье водят,

и прокомментировал последний стих: «Максимович некто стихами описал и по азбуке расположил житье святых печерских. Книга та напечатана в Киеве в лист и пальца в два толщины; однако ж в ней кроме имен святых и его высочества государя царевича Алексея Петровича, которому приписана, ничего путного не найдешь».⁹⁵

Известно также, что Феофан Прокопович написал на латыни сатиру «на пошлых поэтишек и других бездарных писателей», но она не сохранилась.⁹⁶ Можно полагать, что сатира Феофана была посвящена русским сочинителям, гораздо труднее предположить, кто мог быть объектом насмешек. Правда, мы знаем, что Феофан, сам стихов пи-

⁹² Димитрий Ростовский. Руно орошенное. Л. 3.

⁹³ Иоанн Максимович. Богородице Дево. Л. 19, 19 об.

⁹⁴ Цит. по кн.: Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709 гг.). СПб., 1891. С. 264.

⁹⁵ Кантемир А. Собрание стихотворений. С. 112, 117. Имеется в виду книга Иоанна Максимовича «Алфавит собранны, рифмами сложенны от святых писаний» (1705).

⁹⁶ См.: Берков П. Н. Первые годы литературной деятельности Антиоха Кантемира. С. 212.

савший мало, неодобрительно относился к современному виршеписанию. В 1717 г. он писал своему ученику и другу Я. Марковичу: «Все стали стихотворствовать до тошноты».⁹⁷ К этому времени Феофан уже разработал свою теорию поэзии, согласно которой «первое, что преимущественно требуется во всяком поэтическом произведении, это — вымысел, или подражание, если его нет, то сколько бы ни сочинять стихов, все они останутся не чем иным, как только стихами, и именовать их поэзией будет, конечно, несправедливо. Или если захочешь назвать поэзией, ты назовешь ее мертвой».⁹⁸ В современной литературе Феофан видел по большей части стихи, но не видел поэзии. Для него, как и для Димитрия Ростовского и Стефана Яворского, силлабическая поэзия стала превращаться в производство слов, которое достигнув своего апогея, замкнувшись само на себе, исчерпало поэтическую и гносеологическую функцию.

Новое понимание сущности поэзии дал Феофан Прокопович в «Поэтике» (1705). В 1 книге, посвященной, в частности, разным стилистическим упражнениям, встречается и такой вид упражнения: «прозаическую речь другого переложить в стихи» (С. 353). Это, по сути, приговор художественной практике Иоанна Максимовича, которая, в соответствии с мыслью Феофана, переводится в разряд школьных упражнений. Феофан дает и новую концепцию отношения к чужому тексту, которую излагает в главе о подражании (С. 351—385), под которым в данном случае понимается «не то подражание, которое называется подражанием человеческим действиям путем вымысла и является тождественным с поэтическим вымыслом, <...> но прилежное занятие чтением авторов, с помощью чего мы стараемся уподобиться какому-либо выдающемуся поэту» (С. 381), причем Феофан предостерегает от чрезмерного заимствования, ведущего к плагиату.

Концепция Феофана была ориентирована на мощную европейскую традицию подражания литературным образцам.⁹⁹ Феофан и сам дал образцы такого творческого подражания. Один пример особенно показателен, поскольку показывает разницу между упражнением и собственно подражанием. В «Поэтике» он рекомендует для упражнения «передать произведение какого-нибудь писателя другим размером или на другом языке» (С. 353) и предлагает польский (С. 245) и славянский (С. 494) переводы фрагмента из «Скорбных элегий» Овидия:

Ко первому от моря реки пойдут току,
Но и солнце возвратит бег свой ко востоку,
На земли узрим звезды, горе плуг ходящий,
Вода огонь, а огонь воду источит горящий.
Вся законам естества причинят тревогу,
Ни едина тварь свою удержит дорогу.
Вся собудутся, яже удобя меру
Превосходят и нужно всему дати веру.

⁹⁷ Цит. по кн.: Чистович И. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 34. Оригинал на латинском языке.

⁹⁸ Феофан Прокопович. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 347. Оригинал на латинском языке, далее ссылки даются в тексте с указанием страницы русского перевода.

⁹⁹ См., в частности: White H. O. Plagiarism and Imitation During the English Renaissance. Cambridge, 1935; Otwinowska B. Imitacja // Problemy literatury staropolskiej. Wrocław, 1973. Ser. 2. S. 381—458.

Сих аз чаю, ибо той плетет на мя сети,
В нем же чаях прискорбный отраду имети.¹⁰⁰

Кроме точного перевода¹⁰¹ в наследии Феофана есть и подражание этим стихам, их парафразой он начинает переложение 72 псалма:

Аще из земли престанут реки
Истекати
И начнут моря брег свой великий
Преступати,
А падше небо землю покривет
Всю звездами,
Воздух, в огонь пришед, воссвирепеет
Молниями¹⁰² и т. д.

После Феофана, «подражание авторам» стало подразумеваться как нечто естественное и ожидаемое, побуждающее к поиску стихотворных цитат и поэтических образцов, т.е. подразумеваемый источник входит теперь в поэтическую семантику текста.

Так, И. В. Паузе еще при жизни Феофана переписал его стихотворение «Кто крепок на Бога уповая...» и попытался прокомментировать его: на полях им оставлены пометы (в частности, «Horatii strophæ»), приведены латинские параллели к отдельным выражениям (к стиху «когда он смертного страха полный» Паузе приписал: «ventus terroris plenus»; к стиху «ни страшен мучитель зверовидный» — «dortor ru-morem spectans» и др., также не всегда вразумительные).¹⁰³ Попытка Паузе понять стихотворение Феофана через призму латыни оказалась более чем справедливой, так как источник стихотворения (точнее, источник первых 10 строк из 16) позднее был установлен — это ода Горация (3 ода III кн.).¹⁰⁴ Однако источник стихотворения искали и среди псалмов, П. Н. Берков считал, что стихотворение — парафраза псалмов 111, 90, 89,¹⁰⁵ назывался также псалом 124.¹⁰⁶

Между тем именно латинский источник находит себе подтверждение в свидетельстве, восходящем к самому Феофану Прокоповичу. Стихотворение было издано без имени автора в «Письмовнике» Н. Г. Курганова в 1769 г., эта публикация считается первой. Но в том же году К. А. Кондратович напечатал стихотворение в своем сборнике «Старик молодой» как «стихи Феофана, от его ученика

¹⁰⁰ Этот фрагмент встречается в других поэтиках XVIII в., см.: Lewin P. Wykłady poetyki w uczelniach rosyjskich XVIII w. (1722—1774) a tradycje polskie. Wrocław, 1972. S. 184—185.

¹⁰¹ Ср.: Овидий. Скорбные элегии. Письма с Понта. М., 1978. С. 17.

¹⁰² Русская литература — век XVIII: Лирика. М., 1990. С. 31.

¹⁰³ См.: Перетц В. Н. Историко-литературные исследования и материалы. Т. 3. С. 257.

¹⁰⁴ См.: Морозова Г. В. Гораций в литературной теории и практике Феофана Прокоповича // Проблемы поэтики. Алма-Ата, 1980. С. 181—183. Эту оду Феофан цитировал в своей «Поэтике», см.: Феофан Прокопович. Сочинения. С. 300, 417.

¹⁰⁵ См.: Берков П. Н. Одно из первых применений эзоповского языка в России (латинская «Ода Петру II» Феофана Прокоповича, 1727 г.) // Проблемы теории и истории литературы. М., 1971. С. 80.

¹⁰⁶ См.: Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения. XVII—первая треть XIX в. / Сост. И. Ф. Мартынов. Л., 1980. С. 70. (Описание рукописного отдела БАН СССР. Т. 4, вып. 2).

гофмейстера инженерного корпуса Якова Юрьевича Петрулева <...> перевод его из Горациевых стихов. Кн. 3. Од. 3». Кондратович привел также и восемь строк латинского текста, а последнее четверостишие Феофана отделил от предыдущего текста словами «Прибавил от себя».¹⁰⁷

Таким образом, вопрос с источником можно считать решенным. Замечательно, однако, разнообразие псалмов, предлагавшихся в качестве образцов для стихотворения Феофана. Это позволяет полагать, что Феофан, перелагая Горация, нашел стилистическое соответствие образному строю латинской поэзии в русской псалмической традиции, отсюда и насыщенность стихотворения псалмическими оборотами и словосочетаниями. Подобная «библейзация» входит в круг явлений, обозначаемых как христианизация античности и заключается в извлечении моральных наставлений, не противоречащих христианской доктрине, из античных сочинений. Этот процесс вообще типичен для православной культуры, особенно раннего периода, что позволяло снимать конфессиональные различия и превращать языческую античность в культурный код новой русской литературы. По этой причине не было ничего кощунственного в том, что Феофан вставил отрывок из Овидия в свое переложение псалма; М. Кропоткин в стихотворение о Зоиле вставил точную цитату из 56 псалма, чего не было у Стрыйковского, который служил образцом Кропоткину. А Кантемир в примечании к одному из стихотворений высказался определенно: «Основание сей песни взято из Евангелия и из Горация. Чудно, сколь меж собою Спаситель и римский стихотворец согласуются».¹⁰⁸ Кстати сказать, переведенный Феофаном отрывок из Овидия был образцом для риторических сравнений «от невозможности», его реминисценции находим в «Успенской драме» Димитрия Ростовского¹⁰⁹ и в первой сатире Кантемира.¹¹⁰

Наконец, «Кто крепок на Бога уповая...» — образец истинного «подражания», которое становилось творческим соревнованием поэта с иноязычной культурой. Чужой текст органично входил в русскую поэзию (ср. чисто русскую поэтическую реальность «финобалтикия <...> волнь», ничуть не нарушающую общей образности в переводе Феофана из Горация). Соревновательный характер «подражания» проявлялся и в том, что Кантемир неизменно отмечал тех поэтов, которых он «имитовал», и приводил соответствующие фрагменты из произведений латинских авторов (или Буало);¹¹¹ при желании подчеркнуть оригинальность своего сочинения, напротив, мог указать: «Можно сказать, что сатира сия ни с чего не имитована, но есть выдумка нашего автора».¹¹² Одной из причин, по которой

¹⁰⁷ См.: Кондратович К. Старик молодой. СПб., 1769. Ч. 2. С. 36—37. В списке учеников школы Феофана Прокоповича, действительно, значится Яков Петрулин, см.: Чистович И. Феофан Прокопович и его время. С. 634.

¹⁰⁸ Кантемир А. Собрание стихотворений. С. 204.

¹⁰⁹ См.: Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. М., 1972. С. 203.

¹¹⁰ См.: Кантемир А. Собрание стихотворений. С. 59—65.

¹¹¹ См.: Там же. С. 65, 79, 81, 85, 110 и др.

¹¹² Там же. С. 503.

Кантемир давал подробные сведения о своих источниках, было — и здесь уже далеко не условное — опасение перед зоилами: «Завистливые люди <...> скажут, что я окрал старых и новых творцов и только что их стихи с одного языка на другой переклад, <...> но если кто те места, у них взятые, сравнит с первоначальником, легко узнает, что не голо они переведены».¹¹³ Из этих слов можно заключить, а у Кантемира есть и другие аналогичные высказывания, что «завистливые люди» не выдумка автора, т.е. вопросы плагиата и подражания были предметом обсуждений в литературном кругу, а граница между ними еще не была установлена.

Отношение к своему и чужому тексту — это две стороны одной проблемы литературной собственности. Выше шла речь об отношении к чужому тексту, прямых же высказываний об оценке автором своего труда почти не встречается. Одно из ранних и косвенных таких высказываний относится к 1684 г. Безымянный автор сборника поучений «Статир» говорит в предисловии, что он внимательно изучал сочинения Кирилла Транквилиона, и тут же оговаривается: «Но не подумай, христоробивый и друголубивый читатель, прелюбезный господин мой, что я сделал это (написал свою книгу) из тщеславия, что чужой труд себе присваиваю и чужим разумом желаю показать себя разумным».¹¹⁴ Сколь бы ни была условна эта оговорка по уничижительной своей формульности, здесь важно осознание отделения своего труда от чужого. Более определенно можно говорить о формировании профессиональной этики переводчика в первой четверти XVIII в., судя по высказываниям Феофана Прокоповича («Не было бы то преводити, но свое новое нечто писати») или Гавриила Бужинского («да не явимся чуждые труды (яко же мнози творят) себе присвояти и чуждою славою <...> себе прославляти и величати»).

Определенные сведения о воззрениях на авторскую собственность можно извлечь из несколько неожиданного на первый взгляд материала — из дарственных надписей. Авторская надпись на книге в XIX—XX вв. стала типичной чертой литературного быта, в ней почти не ощущается отношение автора к своему труду. Между тем в древнерусской книжной культуре авторская надпись на книге невозможна, самый характер древнерусской концепции творчества и отношения писателя к книге исключает такую надпись. Действительно, авторский инскрипт — вполне недвусмысленный признак авторской собственности и подразумевает определенную авторскую волю. Первоначальной формой авторской надписи во второй половине XVII в. было посвящение, на долгое время ставшее общепринятой формой обращения писателя к Меценату (соответственно, царю, патриарху, боярам). Число таких посвящений в литературе рубежа XVII—XVIII вв. велико, и они заслуживают отдельного внимательного рассмотрения с точки зрения формирования новых отношений в литературной культуре.

Первые посвящения-подношения весьма обширны, как, например, Яна Андрея Белобочко, который около 1685 г. перевел с

¹¹³ Там же. С. 220.

¹¹⁴ Яхонтов И. Русский проповедник семнадцатого века. С. 9.

польского языка трактат Фомы Кемпийского «О последовании Христу» и «смиренно поднес» первую книгу перевода «госпоже игуменнии Новодевичя монастыря» Антониде Даниловне, а вторую книгу — «госпоже наместнице» того же монастыря Анастасии Федоровне.¹¹⁵ Особенно выразительны дарственные надписи Кариона Истомина. В 1693 г. он поднес царице Наталье Кирилловне свой рукописный букварь с обширным посвящением, а несколько месяцев спустя еще один рукописный экземпляр того же самого букваря он поднес царице Прасковье Федоровне опять с большим посвящением, причем по конкретному поводу: «В возновлении памяти рождения и имянования светлости твоя <...> всеусердно поздравляю».¹¹⁶ В следующем 1694 г. вышло цельногравированное издание Букваря с печатным текстом дарственной надписи на дополнительном листе. Сохранились экземпляры с двумя вариантами дополнительных листов. Первый вариант добавочного листа начинается словами: «Блаженнейший отче и господине мой пречестнейший [далее пропущена строка для вписывания имени. — С. Н.] во Господе Бозе здравствуй и радуйся». Довольно длинный текст завершается словами: «Аз же, меньший, за твое господское ко мне приятство и любезное во Христе Бозе благодеяние всегда Господу Богу благодарен попремногу и тебе, государю моему, во благовременстве зде на премногая лета пребывания и получения в пресветлых небесех присносущныя некончаемыя радости со всеми святыми приискренно желаю. Твоего благословения и молитв всегда требующий» — далее предполагается уже подпись от руки. Это печатная дарственная духовному лицу.

Второй вариант добавочного листа обращен к светскому лицу: «Благодетель мой приятнейший и милостивый господин [пропущено место в строке для имени. — С. Н.] во Господе Бозе многолетно здравствуй и радуйся». Текст надписи занимает почти весь лист и завершается словами: «Сего всего и аз приискренно твоей милости желаю. Веселюся же слышав, аще ты, мой благодетель, здравствуеши в благопоспешении и всегда такового слышания требую. Милости твоя искатель и всегдашний тебе работник».¹¹⁷ Далее опять, как можно предположить, была подпись Кариона, известная по его «книжицам», поднесенным Петру I, например, в «Книге любви знак в честен брак».¹¹⁸

К началу XVIII в. получение печатной книги в дар от автора все больше входило в литературный быт. Были и дарители-иностранцы. В 1696 г. в Оксфорде вышла «Русская грамматика» Г. В. Лудольфа, и он выслал ее московским знакомцам. Петр Кюет в мае 1697 г. писал

¹¹⁵ См.: Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. 2, ч. 3. С. 206.

¹¹⁶ См.: Тарабрин И. Лицевой Букварь Кариона Истомина. М., 1916. С. 4, 5, 7—8.

¹¹⁷ Букварь славенороссийских писмен. М., 1694. (Листы без фолиации; цитаты приведены по экземпляру БРАН, шифр: Псп). Эти два листа имеются не во всех экземплярах издания и, к сожалению, не были включены в факсимильное переиздание Букваря (см.: Букварь составлен Карионом Истоминым, гравирован Леонтием Буниным, отпечатан в 1694 году в Москве: Факсимильное воспроизведение <...>. Л., 1981). Полный текст дарственных см. в Приложении 2.

¹¹⁸ См.: Карион Истомин. Книга любви знак в честен брак. М., 1989. С. 105. Ср.: Там же. Л. 18 об. факсимильного воспроизведения рукописи.

Лудольфу: «Книги твоего труда до меня дошли, и я их нареченным приятелем роздал, которые с великим благодарением их приняли и вместо драгоценного дара их держат».¹¹⁹ Священник Иван Поборский в феврале 1698 г. писал ему же: «Твоего прилежания христианского и ревности по Бозе действо познал есмь из книжицы твоея, ко мне присланной, которую прочет обретох в ней ничто же стропотно, ни развращенно <...> на грамматице же челом бяю».¹²⁰

Такие же письма писал и новгородский митрополит Иов уже русским авторам в первые годы нового столетия: Димитрию Ростовскому — в ответ на получение очередного тома житий, Иоанну Максимовичу — по поводу присланных им книг, которые он принял «якоже корабли индийские, наполненыя тмищными благами и бисеры многоценными, различным индийским камением и адамантами сияющими».¹²¹ Особенно любопытно его письмо Стефану Яворскому, очевидно, 1704 г.: «Радостию велиею возрадовахся и Богу благодарныя воспех хвалы — дражайшее твое, еже тщательным трудом твоим новосочиненную душеспасительную честную книжицу „Знаменья кончины века“ прием дарование, ту же купно и надписание святых ти десницы обლობызах от сердца».¹²² «Надписание», надо полагать, и есть авторская надпись.¹²³

Димитрий Ростовский постоянно посылал знакомым свои сочинения: об этом известно из сохранившихся писем Димитрия. «Во знамение моего благодарствия за книжицу, от милости твоей дарствованную мне, — писал он М. Г. Грохольскому (октябрь 1709 г.), — послах труда нашего художнаго часть первую, яже противу раскольщиков. Благоволи милость твоя малое сие от нас принять и, егда случится лишнее время, читай вместо рекреации».¹²⁴ «Памятствуя обет мой честности твоей и исполняя того, — обращался он к своему постоянному адресату иноку Феологу (1700), — послах ти книгу новоизбранну к любочестному чтению, да душевную от нея пользу, аки пчела мед от цветов, собираеши и соделываеши себе спасения сот сладкий. Приими убо ю любезне от любяща брата».¹²⁵ Дарил Димитрий и рукописные сборники своих проповедей.¹²⁶

От начала XVIII в. сохранились две авторские, как можно судить, дарственные надписи. Иоанн Максимович надписал свою

¹¹⁹ РНБ, ф. 444, № 5, л. 1.

¹²⁰ Там же, № 6. Л. 1—1 об. Книги от иностранных авторов получал в дар и А. А. Матвеев, см.: Библиотека А. А. Матвеева (1666—1728): Каталог. М., 1985. С. 190. (№ 850).

¹²¹ Чистович И. Новгородский митрополит Иов: Жизнь его и переписка с разными лицами // Странник. 1861. Т. 1, февраль. С. 121.

¹²² Там же. С. 120.

¹²³ Ср.: «Надписание, ἐπιγραφή, inscriptio, titulus» (Лексикон трехязычный. М., 1704. Л. 181).

¹²⁴ Потапов А. Письма св. Димитрия Ростовского // Русская старина. 1872. № 9. С. 293.

¹²⁵ Письма святителя Димитрия Ростовского // Ярославские епархиальные ведомости. 1874. № 32. 7 августа. С. 253. (Часть неофициальная).

¹²⁶ См.: Янковска Л. А. Литературно-богословское наследие Димитрия Ростовского: Восприятие иезуитской науки XVI—XVII вв. Автореферат диссертации <...> доктора филологических наук. М., 1994. С. 41. См. также: Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время. С. 266.

книгу «Алфавит духовный» (1705) Филофею Лещинскому: «Ясне в Богу преосвященному его милости господину отцу Филофею Лещинскому митрополиту сибирскому». ¹²⁷ В том же 1705 г. Димитрию Ростовскому был поднесен незадолго до того выпущенный «Лексикон тринаязычный» Федора Поликарпова с надписью на контртитule: «Великому государю преосвященнейшему митрополиту ростовскому и ярославскому Димитрию»; на титульном листе киноварью сделана еще одна надпись: «Издание Федора Поликарпова московския типографии справщика 1704 лета». ¹²⁸

Даже из немногих известных примеров видно, как буквально за несколько лет развился тип дарственной авторской надписи на книге. Однако еще долгое время надписи на книгах сохраняли характер и психологию «подносного экземпляра» и не сразу вошли в дружеский литературный обиход: и Тредиаковский, и Ломоносов много позднее иногда дарили свои книги без надписи, а соответствующую запись делал уже сам владелец. ¹²⁹

Вручение кому-либо своего труда — это некоторое от него острашение, поэтому возможно самоуничижительное («убогих моих трудешков») или шутливо-пренебрежительное к нему отношение автора. «Еще послах вашей милости бороду капитонскую, изрядную, долгую, широкую и расчесанную, не жаль плюнуть в ню. О брадах двое тетрадей: одну твоей честности, другую господину Федору Поликарповичу изволь от меня вручить, ему же челом за бумагу и книжицу», — писал Димитрий Ростовский иноку Феологу, а спустя какое-то время интересовался: «Дошла ли рук ваших борода капитонская, юже послах честности твоей и господину Поликарповичу с казначеем нашим Филатом? Прочтите и расудите: хороша ли, годится ли кому в пользу? Буде не годится, не понравится, то плюньте в ту писанную бороду». ¹³⁰ Судя по всему, эта шутливая самооценка относится к сочинению весьма серьезному — «Рассуждению о образе божии и подобии в человеце» (изд. 1707), посвященном брадобритию, проблеме вовсе не шуточной для поборников «древлего благочестия».

Выпускная свой труд в свет или вручая его своему коллеге, автор ожидал или даже просил его оценки. ¹³¹ Оценка могла быть как част-

¹²⁷ РНБ. Шифр: VI.3.6^b. Надпись на обороте титульного листа.

¹²⁸ БРАН. Шифр: 3626сл.

¹²⁹ См.: Мартынов И. Ф. Тредиаковский и его читатели-современники // Венок Тредиаковскому. Волгоград, 1976. С. 82; Начало университетской библиотеки (1783 г.). Собрание П. Ф. Жукова — памятник русской культуры XVIII века: Каталог / Сост. А. Х. Горфункель и Н. И. Николаев. Л., 1980. С. 31 (№ 134) и иллюстрация на форзаце; Хотеев П. И. Как дарили книги в XVIII в. // Книга в России XVII—начала XIX в.: Проблемы создания и распространения. Л., 1989. С. 46—49.

¹³⁰ Письма святителя Димитрия Ростовского // Ярославские епархиальные ведомости. 1872. № 34. 21 августа. С. 270, 271. (Часть неофициальная). Ср. в письме Феологу (1708): «Послах честности твоей виноград гостинец, да зубами нечего кусать — писаний на бумажке, казанье, что в соборе говорилось» (Федотова М. А., Круминг А. А. Святой Димитрий Ростовский и его переписка с монахом Феологом Чудовским, справщиком Печатного Двора // Святой Димитрий, митрополит Ростовский: Исследования и материалы. М., 1994. С. 132).

¹³¹ Ср., однако, просьбу Димитрия Ростовского в письме Феологу: «Молю, Летописца моего не очень кому лишнему давайте читать, чтоб не разлился, яко масло по воде, яко не всяк бы о том ведал: да не умножатся лишнии слова; различны суть нравы человечести: ин ищет пользы, а ин ухватки» (Федотова М. А., Круминг А. А.

ной (отзыв в письме),¹³² так и рассчитанной не только на автора, но в определенных случаях и на читателя. Несомненно оценочный характер носят чужие стихи, которые автор предпосылал своему труду — они имели наряду с обычной для таких сочинений комплиментарностью еще и характер авторитетной «апробации». Так, в 1708 г. Димитрий Ростовский прочел «Зерцало очевидное» И. Посошкова и написал инок Феологу, что «эта книжица воистину благопотребна, великое раскольникам обличение и постыждение; книжица эта достойна в свет произвестися».¹³³ Сам Посошков утверждал, что именно Димитрий велел ему «пустить в мир» книгу. Более того, в окончательной редакции книге предпослано четыре стихотворения с примечанием, что Димитрий написал «мудролюбия его пастырского метросочиненные стихи». Между тем первое из этих стихотворений Димитрия названо «На безымянного творца»:

Писавый не написа, кто книжицы творец,
Кто таков Христов воин, раскольщиков борец,
Кто писанием аки мечем побеждает,
Ратующих на церковь стыда исполняет.
Утаил свое имя, но что утаенно,
Еже не будет в свое время всем явленно!
Аще и не хочеш zde в знание тя дати,
Онамо тя, кто еси, имамы познати.¹³⁴

Возможно, что Димитрий действительно не знал имени автора,¹³⁵ однако в первых известных нам оценках и отзывах, (как положительных, так и неодобрительных) критики избегали называть автора по имени, именуя его описательно. В своей «Поэтике» (1705) Феофан Прокопович привел с явным одобрением «несколько славянских стишков знаменитейшего и ученийшего мужа, очень заслуженного среди нашей коллегии, в которых он так благочестиво обращается к пресвятой Деве».¹³⁶ Однако автора Феофан не назвал, и стихотворение «Ты, облеченна во солнце, Дево Богомати» было атрибутировано Стефану Яворскому много позднее.¹³⁷

Так же случилось и с I-й сатирой Кантемира. После ее завершения, пишет автор, «один из его приятелей, выпросив ее прочесть, сообщил Феофану, архиепископу Новгородскому, который ее везде с похвалами стихотворцу рассеял и тем не доволен, возвращая ее,

Святой Димитрий Ростовский и его переписка с монахом Феологом Чудовским, справщиком Печатного Двора. С. 114).

¹³² Ср. отзыв в письме Димитрия Ростовского о «Лексиконе трязычным» Ф. Поликарпова: «О Лексиконе новоизданном зело благодарствую, и потрудившихся о нем блажу, и похваляю, да спасет их Господь, дело великое и благопотребное зделали, да укрепит их Бог и впредь на таковыя труды, мно и честность твоя в том трудиться, и тебе спасет Бог» (Там же. С. 130).

¹³³ Цит. по кн.: Царевский А. Посошков и его сочинения. М., 1883. С. 116—117.

¹³⁴ Посошков И. Сочинения. М., 1863. Ч. 2. С. 7.

¹³⁵ См.: Письма святителя Димитрия Ростовского // Ярославские епархиальные ведомости. 1874. № 35. 28 августа. С. 275. (Часть неофициальная); Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время. С. 446.

¹³⁶ Феофан Прокопович. Сочинения. С. 347.

¹³⁷ См.: *Luźny R. Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskiej a literatura polska*. Kraków, 1966. S. 63. Полный текст стихотворения впервые опубликован в кн.: Русская литература — век XVIII: Лирика. М., 1990. С. 38—39.

приложил похвальные сочинителю стихи и в дар к нему прислал книгу Гиралдия „О богах и стихотворцах“». ¹³⁸ Но в известных октавах «Феофан архиепископ Новгородский к автору сатиры» Кантемир не назван по имени, поскольку сочинение анонимное, за что автор даже упрекает его:

Не знаю, кто ты, пророче рогатый,
знаю, коликой достоин ты славы.
Да почто ж было имя укрывати?
Знать, тебе страшны сильных глупцов нравы.
Плюнь на их грозы! Ты блажен трикраты,
благо, что дал Бог ум тебе толь здравый.
Пусть весь мир будет на тебе гневливый,¹³⁹
ты и без щастья довольно щасливый.¹³⁹

Не назвал автора по имени и Феофил Кролик в латинских эпиграммах на I-ю сатиру,¹⁴⁰ однако автора он называет «князем», в том числе и в своем переводе одной эпиграммы:

Чем красно благородство? И славного герба
Как удержати целость без славы ущерба?
Здесь учишь сатирую юнош благородных
И нравом твоим красишь кровь предков свободных.
То нельзя (хоть таишь имя) тя не знати:
Можно князем юности по-древнему звати.¹⁴¹

В других эпиграммах Феофил Кролик тоже называет «неизвестного сочинителя» князем:

Но ты, княже, в науках ими добро дело,
Тя, умна, вся наука ожидает смело.

Сня зришь, княже, всяа чести предостойный,
Аще и скрытен еси, но ум твой пристойный.¹⁴²

То обстоятельство, что стихи и книга на латыни были переданы Кантемиру, не позволяет сомневаться в том, что автор сатиры Феофану и Феофилу был известен, для них важнее «безличная», но похвальная оценка произведения. Кантемир ответил Феофану благодарственной эпиграммой,¹⁴³ а его несохранившаяся эпиграмма «О Феофиле и Феофане», как можно вывести из ее названия, была ответом обоим поэтам.¹⁴⁴ Похвальными стихами ученых монахов Кантемир открыл рукопись сборника своих сочинений, и это располо-

¹³⁸ Кантемир А. Собрание стихотворений. С. 62.

¹³⁹ Феофан Прокопович. Сочинения. С. 216—217.

¹⁴⁰ См.: Кантемир А. Д. Сочинения, письма и избранные переводы. СПб., 1867. Т. 1. С. 23—25.

¹⁴¹ Кантемир А. Собрание стихотворений. С. 446. «Князь юности» — калька с латинского *princeps juventutis* (первый в списке всадников), игра слов, подразумевающая титул Кантемира.

¹⁴² Цит. по: Шкляр И. В. Формирование мировоззрения Антиоха Кантемира. С. 143, 144.

¹⁴³ См.: Кантемир А. Собрание стихотворений. С. 260.

¹⁴⁴ Об этой эпиграмме известно по сообщению А. Ф. Мерзлякова, читавшего ее в рукописи в 1811 г., см.: Кантемир А. Собрание стихотворений. С. 470.

жение текста было сохранено в издании стихотворных сочинений Кантемира 1762 г.

Вероятно, Феофану принадлежит еще одна стихотворная похвала Кантемиру «К требователю сатиры Г.С.А.К.»:

Что кто желает, твой дух благородный
Требует видеть нравы Кантемира,
Кий возрастили плод наук свободный:
Хоть иным гнусна, ти любя сатира.
.....
То прими убо, что желал, охотно,
Приняв, к честному нрав приложи нраву,
Тщась обличити, что в них стропотно
Творца в защите от злих храня славу.¹⁴⁵

Скудость наших сведений о литературной жизни петровского времени не позволяет иногда разглядеть поощрительный или похвальный характер некоторых эпиграмматических опытов. Кажется, одну из эпиграмм можно прокомментировать и вписать в историю не только поэзии, но и литературного быта.

Уже в XVIII в. в печати (в сборнике К.Кондратовича «Старик молодой») появилась эпиграмма Феофана Прокоповича «К сложению лексиков». Вот ее текст.

Если в мучительския осужден кто руки,
ждет бедная голова печали и муки.
Не вели томить его делом кузниц трудных,
ни посылать в тяжкия работы мест рудных.
Пусть лексикси делает: то одно довлеет,
всех мук роды сей один труд в себе имеет.¹⁴⁶

В рукописях и изданиях XVIII в. эпиграмма встречается и под другим названием — «О труде в сочинении лексиконов» с пометой автора «Перевод Скалигеровой эпиграммы» или «Из Скалигеровых стихов о сочинении лексиконов», причем в рукописях приводился и латинский оригинал. В разных изданиях стихотворений Феофана комментарий к эпиграмме не дает ни даты, ни повода ее написания и сводится к пояснению, что это «перевод эпиграммы итальянского философа, филолога и поэта Ю. Ц. Скалигера (1484—1558)».¹⁴⁷ Между тем этот комментарий неверен, таких стихов в обширном поэтическом наследии Юлия Цезаря Скалигера нет.¹⁴⁸ Однако указание самого Феофана «Перевод Скалигеровой эпиграммы» спра-

¹⁴⁵ Феофан Прокопович. Філософські твори. Київ, 1981. Т. 3. С. 354. Ср.: Ничик В. М., Рогович М. Д. Феофан Прокопович в рукописных сборниках XVIII в. // Русская литература. 1976. № 2. С. 93. Авторство Феофана вполне вероятно, однако атрибуция издателей не выглядит аргументированной.

¹⁴⁶ Феофан Прокопович. Сочинения. С. 224.

¹⁴⁷ Там же. С. 489. Здесь же опубликован и латинский текст с подстрочным переводом. Ср.: Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. С. 391—392; Русская эпиграмма второй половины XVII—начала XX в. Л., 1975. С. 627; Русская эпиграмма (XVIII—начало XX в.). Л., 1988. С. 541; Русская эпиграмма. М., 1990. С. 64.

¹⁴⁸ См.: Scaliger J. C. Poemata omnia in duas partes divisa. (S. 1), 1621.

ведливо, просто эпиграмма написана не Юлием Цезарем Скалигером, а его сыном Иосифом Юстом Скалигером (1540—1609), не менее знаменитым в XVI—XVII вв. филологом.¹⁴⁹

Попытка расширить комментарий и установить, когда и почему эпиграмма была переведена, имеет свое основание. Феофан, обремененный многообразными церковными и государственными заботами, стихи писал от случая к случаю, все его поэтическое наследие на «славянском» языке не превышает и тысячи строк. Из десятка написанных им эпиграмм почти все приурочены к какому-либо событию или житейскому эпизоду, что и отражено в названиях: «На день 25 февраля», «О Ладожском канале», «На приход ее императорского величества Анны Иоанновны, когда нас в приморской мызке нашей посетить изволила», «Новопреставльшемуся иеродиакону Адаму эпитафийон», «К Луке и Варлааму кадецким, когда питомцев деньгами подарили» и т. д. Маловероятно, что Феофан перевел эпиграмму Скалигера просто для гимнастики остроумия. Более логичным будет предположение, что он откликнулся на какой-то конкретный лексикографический труд.

Язык эпиграммы позволяет отнести ее к великорусскому периоду жизни Феофана, т. е. к 1716—1736 гг. За эти два десятилетия в России было издано несколько словарей: «Лексикон голландско-русский» Я. В. Брюса (1717), славяно-польский словарь (1722), «Немецко-латинский и русский лексикон» Э. Вейсмана (1731).¹⁵⁰ Эпиграмму Феофана можно, конечно, отнести к любому из этих изданий, но вряд ли он их имел в виду. Какая-либо личная связь Феофана с авторами этих словарей не прослеживается, к тому же это были не собственно составительские труды, а переводы или обработки других словарей. А вот намек на «мучительския руки», «печали и муки» мог быть вполне уместен по адресу одного забытого лексикографа Петровской эпохи, с работой которого Феофан был знаком.

В 1714 г. в Россию из Турции вернулась группа повинившихся и прощенных мазепинцев (их судьбе посвящено стихотворение Феофана «Запорожец кающийся»). Среди них оказался Иван Петрович Максимович, племянник митрополита Иоанна Максимовича. И. П. Максимовичу предписано было жить в Москве, но ни к какому делу он не был определен, а потому страдал как от безденежья, так и от бездействия. Наконец, он сам нашел себе занятие: в 1718 г. он перевел с латыни сборник стихотворений бельгийского мистика Германа Гуго, а затем приступил к составлению латинско-русского словаря, работу над которым завершил только в 1724 г.¹⁵¹

Во время работы Максимович страдал, как он пишет, от нужды и болезней: «Аз настоящему труду чрез шесть лет подлежа, ибо первые три лета на чтении книг, <...> потом от составления святейшаго

¹⁴⁹ Текст эпиграммы см. в кн.: *Scaliger I. J. Poemata omnia*. Leyden, 1615. Т. 3. Р. 35.

¹⁵⁰ См.: *Вомперский В. П.* Словари XVIII века. М., 1986. С. 14—25.

¹⁵¹ См.: *Николаев С. И.* Литературные занятия Ивана Максимовича // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 384—399.

Синода се уже третий год в сочинении сего дела изнуряю. И вся дни и вся ночи непрестанно и з самым малейшим иногда плоти упокоением на сие дело иждивая, тяжкими недуги на всяк год одержим бех, паче же сими тремя последними леты. И перваго — суффусию или темную воду, очесам случайную; втораго — звук во ушесех; третiego — скорбут или цынготную болезнь теми приснорачительными стяжах себе трудами».¹⁵²

Неожиданную помощь и ободрение Максимович получил в начале 1722 г., когда Петр I, весь двор и Синод были в Москве на праздновании победы в Северной войне. Максимович изыскал случай и, как он говорит: «Предьявих сий труд мой того ж святейшаго Синода вице-президенту, сиятельному и премудрейшему мужу, его преосвященству кир Феофану Прокоповичу, архиепископу псковскому и нарвскому, иже сообщил оный всему в собрании святейшему Синоду, и тогда мне согласное соизволение и указ сказал, дабы аз начатое дело восприятым трудом совершити потщался».¹⁵³

Нетрудно заметить, что эпиграмма Феофана поразительно точно отражает судьбу составителя словаря. Она полна не только почтения к труду лексикографа, но и сочувствия к нему самому. Максимович, кстати, закончил Киево-Могилянскую академию, где, вероятно, и познакомился с Феофаном, своим сверстником. Исходя из этого, мы считаем возможным рассматривать эпиграмму «К сложению лексиков» откликом на труд Максимовича и датировать ее условно 1722 г., когда Феофан ознакомился со словарем, или 1724 г., годом завершения работы Максимовича.

Почему все-таки Феофан воспользовался эпиграммой Скалигера? «Заемное остроумие» (как назвал это А. С. Пушкин) во времена Феофана, да и много позднее, пороком не считалось. Напротив, сохраняя имя Скалигера в названии, Феофан мог блеснуть чисто барочным остроумием: написанная более столетия назад эпиграмма неожиданно наполнилась в точном русском переводе живыми и трагическими реалиями жизни русского лексикографа. И эта игра смыслов была, безусловно, понятна начитанному в новолатинской литературе Максимовичу и другим посвященным в суть дела.

Суждений критического или поощрительного характера от первой трети XVIII в. сохранилось довольно мало, и тому есть свои объяснения. Литература нового типа еще только формировалась, ей еще требовалось время для завоевания автономии среди других форм культурной деятельности. Невысока была и репутация занятий литературой. Если Феофан в 1730 г. восхищается сатирой Кантемира, то В.Н.Татищев в 1733 г. в «Разговоре о пользе наук и училищ» на вопрос «Какие науки щегольские разумеются?» дал недвусмысленный в отношении поэзии ответ: «Оных наук есть число немалое, но я вам токмо некоторые упомяну, яко: 1) стихотворство или поэ-

¹⁵² БРАН, 32.6.2, л. XV—XV об.

¹⁵³ Там же, л. XXI.

зия; 2) музыка, русски скоморошество; 3) танцование или плясание». ¹⁵⁴

Репертуар новой литературы был невелик, невелик и круг авторов, создававших пространство новой литературной культуры и утверждавших в ней новые литературные конвенции. Новому литературно-ученому сословию Феофан Прокопович дал имя «ученой дружины». Этому сочетанию, употребленному Феофаном всего один раз в послании к Кантемиру, ¹⁵⁵ выпала замечательная судьба: оно стало, и совершенно справедливо, обозначением пафоса реформаторского просветительства первой трети XVIII в. Предпринимавшиеся попытки истолковать «ученую дружину» как организованный кружок, объединенный не только литературными, но и политическими интересами, ¹⁵⁶ следует признать несостоятельными. ¹⁵⁷

Источник поэтической метафоры Феофана известен давно — это слова *studiosa cohors* из посланий любимого им Горация. Вот как прокомментировал это место Кантемир в своем переводе Горация. «Ученая свита. *Studiosa Cohors*. В сем месте *Cohors* значит свиту, двор, служителей князя какого. Тибериева свита была от большей части составлена из ученых и грамотных людей». ¹⁵⁸ Именно в этом значении — «корпорация ученых людей вообще» — употребил Пушкин сочетание «дружина ученых», несколько изменив слова Феофана: «Дружина ученых и писателей, какого б рода они ни были, всегда впереди во всех набегах просвещения, на всех приступах образованности». ¹⁵⁹

Феофан, несомненно, придавал понятию «ученая дружина» элитарный характер: это духовное сообщество объединяло деятелей культуры нового типа, с новым корпоративным сознанием, ориентированным на европейские образцы и отвергавшим старорусскую словесность с ее принципиальной анонимностью и соборностью. Изменения в системе литературных отношений, начавшиеся в конце XVII в., к концу первой трети XVIII в. привели к созданию новой

¹⁵⁴ ЧОИДР. 1887. Кн. 1. С. 82. Ср.: Степанов В. П. К вопросу о репутации литературы в середине XVIII в. // Русская литература XVIII в. в общественно-культурном контексте. Л., 1983. С. 105—120. (XVIII век. Сб. 14).

¹⁵⁵ Возможно, что это сочетание отозвалось в стихах Феофила Кролика, обращенных к Феофану:

Или, милую возвав дружину,
Промеж дела
Бражку и винцо поднось по чину,
Не унылый.

Русская литература — век XVIII: Лирика. М., 1990. С. 36. Об атрибуции этого стихотворения, ранее приписывавшегося Кантемиру, см.: Николаев С. И. Кто утешал Феофана Прокоповича в 1730 г.? (Об авторстве «Эпода утешительного») // Русская литература. 1989. № 2. С. 191—193.

¹⁵⁶ См., например: Шкляр И. В. Формирование мировоззрения Антиоха Кантемира. С. 129—152.

¹⁵⁷ См.: Радовский М. И. Антиох Кантемир и Петербургская Академия наук. М.; Л., 1959. С. 32; Чернышева А. В. К вопросу о существовании «ученой дружины» // Вестник МГУ. Серия 7. Философия. 1989. № 6. С. 40—43.

¹⁵⁸ Кантемир А. Д. Сочинения, письма и избранные переводы. СПб., 1867. Т. 1. С. 416.

¹⁵⁹ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. [М.; Л.], 1949. Т. 11. С. 163.

концепции «автора» и «авторской собственности», «подражания» и «плагиата», а также «критика», как совершенно нового участника литературного процесса.

Показательно, как органично воспринял новую литературную ситуацию Тредиаковский, вернувшийся осенью 1730 г. в Россию после пятилетнего отсутствия. Тотчас по возвращении он прочел латинскую оду 1727 г. Феофана Прокоповича, посвященную Петру II. Несколько лет спустя в «Рассуждении о оде вообще» (1734) он вспоминал, что по прочтении оды «почувствовал энтузиазм ее превысокий, то в толь великий энтузиазм удивления и сам пришол, что не мог, свидетельствуюся совестью моею, удержаться, чтоб с дважды, или с трижды не вскричать: „Боже мой! Как эта ода хорошо и мастерски сделана!“». ¹⁶⁰ Суждение Тредиаковского многопланово. Называя в «Рассуждении» несколько ранее Феофана «другим Горацием», Тредиаковский определяет его место в европейской традиции и, возможно, именно он начинает долгую традицию именованя русского писателя каким-либо классическим автором. ¹⁶¹ «Энтузиазм» оды — это, конечно, *enthusiasmus*, один из вариантов термина *furog poeticus* (поэтического безумия, т. е. божественного вдохновения). В 1750 г. Тредиаковский пояснил «энтузиазм» более привычным для последующей русской традиции сочетанием «пигитический жар». Кроме историко-литературной и эстетической характеристик Тредиаковский, наконец, дает и чисто профессиональную оценку («мастерски сделана»). Тредиаковский приложил к творчеству Феофана, а затем и Кантемира западноевропейские литературные мерки, и они пришлись впору. Несколько позднее он коротко познакомился с Феофаном, по его просьбе читал вслух в собрании гостей Феофана сатиру Кантемира, ¹⁶² к которому неизменно испытывал глубокое почтение. Более того, Кантемир оказался единственным русским поэтом среди названных Тредиаковским «авторов славнейших, которым надлежит подражать» в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» (1735). ¹⁶³

Новые отношения в литературе складывались не гладко, это был противоречивый и сложный процесс. Новая литературная культура первоначально охватывала очень узкий круг литераторов и была параллельной основному корпусу древнерусской по своему характеру литературы XVII — начала XVIII в. Но к 1730 г. сложился новый литературный механизм, быстро ставший доминирующим и сохранившийся в основных чертах вплоть до современности.

¹⁶⁰ Цит. по: Берков П. Н. Одно из первых применений эзоповского языка в России. С. 75.

¹⁶¹ Замечательно чуть Тредиаковского. Перелагая Горация в стихотворении «Кто крепок на Бога уповая», Феофан, как мы видели, создает текст в псалмической стилистике. Здесь обратное: ода Петру II, которую Тредиаковский воспринял как горацианскую, по указанию самого Феофана, — парафраза 100 псалма. Удивительна взаимобратимость церковнославянского и латинского языков и текстов.

¹⁶² См.: Успенский Б. А., Шишкин А. Б. Тредиаковский и янсенисты // Символ. Париж, 1990. Т. 23. С. 154—157.

¹⁶³ См.: Тредиаковский В. К. Избранные произведения. М.; Л., 1963. С. 418.

БЫЛИ ЛИ ПИСАТЕЛЯМИ ДЕТИ ЦАРЯ АЛЕКСЕЯ МИХАЙЛОВИЧА?

Литературно-биографические предания о русских писателях принимают форму «анекдотов о писателях» в середине XVIII в. Древнерусская литература не знала такого жанра, личность писателя всегда занимала подчиненное по отношению к его произведению место и в литературно-общественном сознании статус текста был значительно выше его создателя, отсюда и скудость биографических сведений о большинстве древнерусских писателей. Лишь с ростом личностного начала в литературе появляется интерес и к самому писателю, а какие-то индивидуальные черты его личности (острое слово, неожиданный поступок и т. д.) находят отражения в биографических анекдотах. Первыми героями таких анекдотов стали Стефан Яворский и Феофан Прокопович (правда, более как исторические, чем литературные деятели), и лишь позднее их персонажами стали писатели в полном смысле слова.¹

В первой половине XVIII в. сложился цикл биографических преданий о литературном творчестве детей царя Алексея Михайловича, которому свойственна необыкновенная устойчивость и качество достоверности, позволившие ему сохраниться вплоть до сегодняшнего дня. Приведем основные данные об этих преданиях с критическим рассмотрением их источниковедческой достоверности, но не по хронологии их появления, а по хронологии героев преданий.

В. Н. Татищев в записке «Царство царя Федора Алексеевича» писал: «Сей государь при отце своем учен был в латинском языке старцем Симеоном Полотским. И хотя во оном языке не столько, как брат его большой, царевич Алексей Алексеич, был обучен, однако ж чрез показание онаго учителя великое искусство в поэзии имел и весьма изрядные вирши складывал. По которой его величества охоте псалтырь стихотворне оным Полоцким переложена, и во оной, как сказывают, многие стихи, а особливо псалмы 132 и 145 (далее в рукописи зачеркнуто *якобы*. — С. Н.) сам его величество переложил, и последней в церкви при нем всегда певали. Яко же его величество и к пению быв охотник, первое партесное и по нотам четверогласное и киевское пение при нем введено, а по крукам греческое оставлено».²

Впервые это свидетельство обнаружил С. М. Соловьев в 1863 г.,³ затем повторил В. О. Ключевский, назвав царевича Федора

¹ См.: Дрובה Н. П. Биографические предания о русских писателях XVIII в. как историко-литературное явление // Проблемы историзма в русской литературе: Конец XVIII—начало XIX в. Л., 1981. С. 275—283. (XVIII век. Сб. 13); Морозова Н. П. 1) Типология анекдотов о русских писателях XVIII в. // Жанры словесного текста: Анекдот. (Учебный материал по теории литературы). Таллинн, 1989. С. 11—29; 2) Русский писатель XVIII в. в биографических преданиях // XVIII век. СПб., 1991. Сб. 17. С. 162—168. Ср.: Русский литературный анекдот конца XVIII—начала XIX в. М., 1990; Курганов Е. Литературный анекдот пушкинской эпохи. Helsinki, 1995.

² Татищев В. Н. История российская. Л., 1968. Т. 7. С. 175.

³ См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 7. С. 182.

уже «сотрудником» Симеона Полоцкого в переложении псалтыри,⁴ а в дальнейшем факт участия Федора Алексеевича в переложении псалмов стал считаться непреложным и упоминается вплоть до нынешнего дня без каких-либо оговорок. Татищев источника своих сведений не приводит (ср. «как сказывают»), в издании «Псалтыри рифмотворной» (1680) подтверждений этому факту нет, не может дать их и не дает и черновик Симеона Полоцкого. Изучив эту рукопись (ГИМ. Синопальное собр. № 661), Р. Лужный отметил, что в черновике нет никаких деталей, подтверждающих версию Татищева.⁵

Один из источников предания — общее мнение XVIII в., что Федор Алексеевич был любитель «словесных наук, театра, художеств», а также «украшитель красноречия цветами из российского языка рожденными».⁶ Исследователей мог ввести в заблуждение и обычаем Симеона Полоцкого (а затем и Сильвестра Медведева, и Кариона Истомина) писать стихи от лица своих царственных учеников, таких стихотворных приветствий или писем от лица царевичей известно много. Эта практика дала повод И. Татарскому заключить: «Можно думать, что некоторые из них (стихи от лица царевичей. — С. Н.) были составлены ими самими, конечно, под руководством своего наставника».⁷ Это не исключено, но ничем не подтверждено. Однажды был введен в заблуждение даже такой знаток, как А. И. Соболевский, приписавший Федору Алексеевичу не только сочинение псалмов, но и эпитафии Симеону Полоцкому,⁸ хотя известно достоверно, что она была написана Сильвестром Медведевым по заказу царя Федора. Нельзя исключать и того, что первоначальный смысл предания мог заключаться не столько в обосновании авторства царя, сколько в объяснении его прихоти введения партесного пения.

Наиболее обширно литературное наследие, приписывавшееся царевне Софье Алексеевне. Сведения о драматических сочинениях Софьи идут от Я. Штелина, в XVIII в. их повторяли И. Голиков, И. Дмитриевский, А. Малиновский.⁹ Самих ее сочинений никто в руках не держал и только в начале XIX в. Н. М. Карамзин решился написать в «Пантеоне российских авторов»: «София занималась и литературою: писала трагедии и сама играла их в кругу своих приближенных. Мы читали в рукописи одну из ее драм и думаем, что царевна могла бы сравняться с лучшими писательницами всех времен, если бы просвещенный вкус управлял ее воображением».¹⁰

⁴ См.: *Ключевский В. О.* Сочинения. М., 1957. Т. 3. С. 280.

⁵ См.: *Łuźny R.* «Psalterz rymowany» Symeona Połockiego a «Psalterz Dawidów» Jana Kochanowskiego // *Slavia Orientalis*. 1966. № 1. S. 27. Przyp. 75.

⁶ *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений. М., 1781. Ч. 6. С. 179, 189.

⁷ *Татарский И.* Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность). М., 1886. С. 120.

⁸ См.: *Соболевский А. И.* История русского литературного языка. Л., 1980. С. 110.

⁹ См.: *Морозов П. О.* История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889. С. 194—198. Даже до Вольтера докатилось эхо этих слухов: «Она (София. — С. Н.) была очень умна, сочиняла даже стихи на своем языке, писала и говорила красноречиво, красота ее возвышала еще более дарования, одно только самолюбие помрачало их» (*Вольтер.* История российской империи в царствование Петра Великого. [М.], 1809. Ч. 1, кн. 1. С. 162).

¹⁰ *Карамзин Н. М.* Избранные сочинения. М.; Л., 1964. Т. 2. С. 159.

Мнение Карамзина было подхвачено и повторено Я. Галинковским, Н. Гречем, А. Шаховским¹¹ и многими другими, став общим местом. В сентябре 1825 г. А. С. Пушкин писал П. А. Катенину: «Послушай, милый, запрись, да примись за романтическую трагедию в 18-ти действиях (как трагедии Софии Алексеевны). Ты сделаешь переворот в нашей словесности».¹² Драматической писательницей считали Софью К. С. Аксаков¹³ и И. С. Тургенев, который на Международном литературном конгрессе 1878 г. в Париже говорил о русском театре XVII в.: «Этот театр, правда, был закрыт после смерти царя Алексея; но одною из первых пьес, поставленных при его возобновлении, был „Лекарь поневоле“ вашего Мольера, переводчицей которого считается царевна Софья, дочь царя Алексея».¹⁴

Самый полный перечень трудов царевны Софьи представлен в «Биографическом словаре русских писательниц», здесь перечислены стихи на герб кн. Голицына, духовные песни и псалмы, драматические сочинения: «Екатерина мученица», трагедия «Навуходоносор», драма «Грешник» (перевод с немецкого), «Суд Соломонов» (перевод с немецкого), «Лекарь поневоле» Мольера (перевод с французского).¹⁵ Но сам же автор «Словаря» заметил: «Все эти показания в настоящее время утратили свою силу, и личность царевны представляет теперь в наших глазах не обладавшую даже достаточною образованностью, чтобы заниматься и интересоваться литературными занятиями, а тем более драматическою литературою. <...> Все, что говорилось и писалось о литературной деятельности царевны Софьи, следует, по всей вероятности, перенести на сестру ее, великую княжну Наталью Алексеевну (см. это имя), державшуюся партии и деятельности Петра. Для царевны Софьи Алексеевны следует, кажется, ограничиться одними лишь стихами: «На пречестный клейнот гербовный князей Голицынов».¹⁶ При всей справедливости аттесты Голицына нельзя не заметить, что она проведена столь же легко, как и новая атрибуция, и не подкреплена никакими филологическими приемами.

Н. Н. Голицын великодушно оставил Софье авторство стихов на герб кн. Голицына. Имеется в виду восьмистишие под гравированным портретом кн. В. В. Голицына (ок. 1689 г.) работы Л. Тарасевича.¹⁷ Это стихотворение («Камо бежиши, воине избранный...») первым приписал Софье, кажется, А. Терещенко («К гербу Голицына царевна София сочинила следующие стихи»), сославшись на неизданный труд А. Ф. Малиновского, посвященный биографиям «уп-

¹¹ См.: Корифей, или Ключ литературы. СПб., 1803. Кн. 2. С. 182; Греч Н. И. Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1822. С. 87; Шаховской А. Летопись русского театра // Репертуар русского театра. 1840. Т. 1. [Отд.] 4. С. 2.

¹² Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. [М.; Л.], 1937. Т. 13. С. 225.

¹³ См.: Аксаков К. С., Аксаков И. С. Литературная критика. М., 1982. С. 55.

¹⁴ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч. М.; Л., 1968. Т. 15. С. 55; ср.: С. 265, 308.

¹⁵ См.: Голицын Н. Н. Биографический словарь русских писательниц. СПб., 1889. С. 231—233.

¹⁶ Там же. С. 232—233.

¹⁷ См.: Ровинский Д. А. Подробный словарь русских гравированных портретов. СПб., 1886. Т. 1. Стб. 605—606.

равлявших в России иностранными делами министров».¹⁸ Источники сведений Малиновского неизвестны, на гравюре никаких указаний на автора стихотворения нет, а малорусизм «клеинот гербовный» выдает в авторе, скорее всего, украинца. Во всяком случае, Д. А. Ровинский об этой атрибуции не вспоминает и в научной литературе она не прижилась.¹⁹

Таким образом, из большого списка сочинений царевны Софьи не осталось ни одного, которое бы можно было ей приписать с каким-то веским основанием. В 1889 г. П. О. Морозов решительно опроверг все предшествующие попытки приписать ей сочинение драматических сочинений и, как и Н. Н. Голицын, высказался в пользу царевны Натальи Алексеевны.²⁰

В статье о Наталье Алексеевне Н. Н. Голицын с обескураживающим простодушием писал: «Вообще, почти все, относимое до последнего времени к литературной деятельности царевны Софьи Алексеевны (см. это имя), следует, по новейшим материалам, приписать вел. княжне Наталье Алексеевне, которая была без сомнения восприимчивее к литературному образованию и деятельности, чем царевна Софья Алексеевна».²¹ С той же легкостью Голицын приписал царевне Наталье драму «Стефанотокос», датировав ее 1701—1708 гг. Между тем «Стефанотокос» безусловно относится к 1740-м гг.²² и не может иметь отношения к царевне Наталье.

Под «новейшими материалами» Голицын, вероятно, имел в виду свидетельства современников-иностранцев, известные, впрочем, и ранее — Г.-Ф. Бассевича и Х. Ф. Вебера. Вебер в 1716 г. относительно Натальи Алексеевны отметил в своих записках: «Сама царевна написала драму и комедию на русском языке, взяв содержание их частью из Библии, частью из светских происшествий. <...> Как уверяли меня, во всем этом драматическом представлении под вымышленными именами представлялось одно из последних возмущений в России».²³ Бассевич писал в своем дневнике под 1723 г. (т. е. спустя несколько лет после смерти царевны): «Принцесса Наталья, меньшая сестра императора, очень им любимая, сочинила, говорят, при конце своей жизни, две-три пьесы довольно хорошо обдуманные и не лишенные некоторых красот в подробностях; но за недостатком актеров они не были поставлены на сцену».²⁴

Основой для суждений о драматургии царевны Натальи Алексеевны является то, что у нее, действительно, был придворный театр, ре-

¹⁸ Терещенко А. Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. СПб., 1837. Ч. 1. С. 178, 270.

¹⁹ Ее принимает, правда, Н. О. Нильсон, см.: Nilsson N. A. Russian heraldic virsi from the 17th century. Uppsala, 1964. P. 14. В начале XX в. эта атрибуция вошла в биографическую статью о Софье, см.: Помяловский М. София Алексеевна // Русский биографический словарь. «Смеловский — Суворина». СПб., 1909. С. 127.

²⁰ См.: Морозов П. О. История русского театра. С. 197.

²¹ Голицын Н. Н. Биографический словарь русских писательниц. С. 178.

²² См.: Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. М., 1975. С. 670—671.

²³ Вебер Х. Ф. Записки Вебера о Петре Великом и его преобразованиях // Русский архив. 1872. № 7. Стб. 1424.

²⁴ Записки о России при Петре Великом, извлеченные из бумаг гр. Бассевича. М., 1866. Стб. 152.

пертуар которого известен.²⁵ Но была ли она автором пьес? Положительных данных для ответа нет, поскольку судить о ее литературных способностях приходится на основании приписываемых ей пьес, так как другие ее произведения неизвестны. Попытка восстановить сюжет и художественную структуру ее драмы на тему из отечественной истории «Стрельцы» (название взято из недостоверной «Хроники русского театра» И. Носова) не опирается на известный материал,²⁶ а само предположение о возможности существования драмы на злободневную тему в 1716 г. и при этом не аллегорической вынудило бы нас пересмотреть принципы исторической драматургии XVIII в.

Несколько разноречивые свидетельства Вебера и Бассевича об авторстве Натальи Алексеевны, вероятно, являются результатом аберрации (т. е. рассказ о театре царевны они могли принять за рассказ о ее творчестве); во всяком случае, известный нам репертуар не сохранил пьесы, где бы «представлялось одно из последних возмущений в России». Таким образом, суждения о пьесах царевны Натальи Алексеевны строятся на нескольких зыбких предположениях и допущениях, не имеющих опоры в конкретном материале.

Петр I, пожалуй, единственный из детей царя Алексея Михайловича, который не нуждается в псевдоэпиграфах, поскольку его участие в литературной жизни подтверждается многочисленными фактами.²⁷ Вместе с тем и он не избежал участи своих родных: ему приписывалась песня «Как на матушке на Неве-реке».²⁸

Если в династии Романовых не ограничиваться только детьми Алексея Михайловича, то стоит упомянуть, что царице Евдокии Федоровне, первой жене Петра I, безосновательно приписывалась песня «Ты проходишь, мой любезный, мимо кельи»;²⁹ а дочери Петра, Елизавете — песня «Во селе, селе Покровском».³⁰

Весь цикл рассмотренных литературно-биографических преданий обладает типологической общностью. В каждом из них речь идет о

²⁵ См.: Шляпкин И. А. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени. СПб., 1898; Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. С. 158—185; История русского драматического театра. М., 1977. Т. I. С. 431—432.

²⁶ См.: Бегунов Ю. К. Театр царевны Натальи Алексеевны и драма «Стрельцы» на петербургской сцене // Русская драматургия и литературный процесс. СПб.; Самара, 1991. С. 27—34.

²⁷ См.: Серман И. З. Литературно-эстетические интересы и литературная политика Петра I // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII в. Л., 1974. С. 5—49. (XVIII век. Сб. 9).

²⁸ См.: Марков А. Был ли Петр Великий автором песни «Как на матушке на Неве-реке» // ИОРЯС. 1909. Кн. 9. С. 353; Чернышев В. И. Можно ли приписать Петру Великому сочинение песни «Как на матушке на Неве-реке» // Там же. 1910. Кн. 1. С. 323—324.

²⁹ См.: Перетц В. Н. Современная русская народная песня. СПб., 1893. С. 11—16; Песни русских поэтов (XVIII—первая половина XIX в.). Л., 1936. С. 85.

³⁰ См.: Стромиллов Н. С. Цесаревна Елисавета Петровна в Александровской слободе и Успенский девичий монастырь в то время // ЧОИДР. 1874. Кн. 1. Смесь. С. 24—25; Пыляев М. И. Заблутое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1889. С. 326—327; Песни русских поэтов. С. 76—77; Паламарчук П. Первая русская поэтесса // Паламарчук П. Москва или третий Рим. Восемнадцать очерков о русской истории и словесности. М., 1991. С. 105—106. Ср.: Голицын Н. Н. Биографический словарь русских писательниц. С. 109—110.

лице с высоким, или даже высшим, общественным статусом, которое занималось литературным творчеством. Обычно называется одно-два произведения в наиболее характерном для литературного периода жанре (переложение псалма, пьеса, лирическая песня). Произведения эти не сохранились (за исключением, конечно, народных песен), а сведения о них черпаются из источников сомнительной достоверности, обычно поздних. Типологически общие черты преданий подводят, как кажется, к однозначному выводу: эти предания не могут служить надежными источниками для атрибуции каких-либо произведений до тех пор, пока в руки исследователей не попадут тексты произведений, не оставляющие сомнений в их авторе.

В чем, однако, смысл всего цикла преданий о литературных занятиях детей царя Алексея Михайловича? Думается, что предания возникли в связи с проблемой общественной репутации литературного труда, обозначившейся в русском обществе к середине XVIII в.³¹ Хотя культурные новации первой трети века открыли путь в литературу дворянству, престиж литературных занятий был невысок. Даже Кантемир, для которого этой проблемы не существовало, признавался в «Письме II. К стихам своим»:

Другие, что в таком я труде упражнялся,
Ни возрасту своему приличном, ни чину,
Хулить станут.³²

Необходимость нобилизации литературного труда и вызвала, кажется, к жизни приведенные предания о литературных занятиях царских детей. Для европейской культуры образ императора — покровителя искусств (*imperator literatus*),³³ который пишет и сам, был привычен, потому Вебер, Бассевич и Вольтер не заметили ничего удивительного в «сочинительстве» царевен Софьи и Натальи. В России эти предания сопутствовали процессу обособления занятий литературным творчеством и одновременно открывали дорогу литературному дилетантизму.

³¹ См. подробнее: Степанов В. П. К вопросу о репутации литературы в середине XVIII в. // Русская литература XVIII—начала XIX в. в общественно-культурном контексте. Л., 1983. (XVIII век. Сб. 14).

³² Кантемир А. Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 216.

³³ См.: Curtius E. R. *European Literature and the Latin Middle Ages*. London, 1979. P. 176—177; Otwinowska B. *Język-naród-kultura. Antecedencje i motywy renesansowej myśli o języku*. Wrocław, 1974. S. 199—201.

«СТИХОТВОРНОЕ НАРЕЧИЕ» ПОЗДНЕЙ СИЛЛАБИКИ

Легкость силлабического виршеписания приводила к стремительному количественному приращению поэтических сочинений и к проникновению силлабической поэзии во все сферы культуры. В первой четверти XVIII в. она вошла в учебники по арифметике и в календари, драматические сочинения, эмблематику, частную переписку и т. п. Даже донос Петру I мог начинаться стихами;¹ а сам царь вставил свое довольно немудрящее шестистишие в законодательный памятник — «Книгу устав морской» (1720).² Дело доходило до того, что любой прозаический текст можно было перевести в стихотворную форму (ср. опыты Иоанна Максимовича); силлабика становилась приемом мнемотехники. Легкость виршеписания раздражала Димитрия Ростовского и доводила до тошноты Феофана Прокоповича, которые не видели поэзии в этом изобилии силлабической продукции.

Феофан Прокопович легкости виршеписания противопоставил не только свою концепцию поэтического творчества в латинской «Поэтике» (1705), но и собственную практику. Писал он немного, тщательно оттачивая свои стихи и не спеша с их распространением, недаром XVIII век почти не знает Феофана-поэта (о его стихах не говорят ни В. К. Тредиаковский, ни Н. И. Новиков). Новаторство Феофана особенно заметно в приемах версификации: он вводит в русскую поэзию октаву («К автору сатиры»; «Анна милости тезоименита...»); «О Ладожским канале») и сложные строфы с разной системой рифмовки («За Могилою рябою...» — *aaa*; «Прочь уступай, прочь...» — *aabbbb*; «О суетный человек, рабе неклочимый...» — *aabbcccb*), в том числе впервые употребляет перекрестную рифму («К лихорадке в лихорадке»). Он понял и художественное значение рифмы, вводя разнородные, так, в стихотворении «На день 25 февраля» из пяти пар рифм три — разноименные.³

¹ См.: Есинов Г. В. Люди старого века: Рассказы из дел Преображенского приказа и тайной канцелярии. СПб., 1880. С. 247. Публикация доноса чернеца Федоса (1704) на новгородского митрополита Иова.

² См.: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 2. С. 483.

³ См.: Пумпянский Л. В. Кантемир // История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 3. С. 177—178.

Поэтическое новаторство Феофана было сразу отмечено Феофилом Кроликом:

Сенька и Федька когда песнь пели
Пред тобою,
Как немаянные двери скрипели
Ветчиною.⁴

А. Кантемир, которому стихи Иоанна Максимовича казались «неспелы, жестки, досадны ушам»,⁵ пошел следом Феофана по пути реформирования силлабики, но уже за счет лексических и стилистических средств, так и не восприняв в конечном счете метрической реформы Тредиаковского.⁶ Созданный Кантемиром поэтический язык придавал силлабике новое качество, однако его поэтический стиль оказался непонятым не только ближайшими современниками, но и позднейшими исследователями, которые, вроде бы, обладали необходимой для этого временной перспективой.

В 1748 г. А. П. Сумароков заметил в примечании ко второй эпистоле («О стихотворстве»), что «разумные мысли» Кантемира «повсюду нечистым, холодным и принужденным складом гораздо затмеваются».⁷ Этот приговор был вынесен спустя три года после смерти сатирика и за 15 лет до издания его сатир. Несмотря на всю суровость слов Сумарокова, его мнение в значительной степени справедливо. Более того, сам Кантемир, скорее всего, согласился бы с этими словами (но не оценкой!), поскольку «принужденный склад» создавался им совершенно осознанно и последовательно. Видимая простота стиля сатир Кантемира — это элитарная простота, которой нельзя достичь иначе, как штудирруя римских классиков. Отсюда выпады Кантемира против тех, кто «легко, на одной стоя ноге, много их (стихов. — С. Н.) намарать может»,⁸ а также неоднократные признания, что сам он пишет с трудом (ср. 173—174). Но он писал не только с трудом, но и трудно, что отметил, кстати, В. Г. Белинский: «Сатиры Кантемира нельзя читать без некоторого напряжения».⁹ В его сатирах много мест, требующих для понимания особого анализа, причем в ряде случаев смысл текста проясняет только обращение к рукописи и критический анализ текстологических решений имеющихся научных изданий, поскольку их издатели иногда

⁴ Русская литература — век XVIII: Лирика. М., 1990. С. 35. Под «Сенькой» и «Федькой» исследователи в разное время видели Симеона Полоцкого и Федора Полнкарпова, Стефана Яворского и Феодосия Яновского.

⁵ Кантемир А. Собрание стихотворений. Л., 1956. С. 112.

⁶ См.: Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. М., 1984. С. 37—38. «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» Тредиаковского был в библиотеке Феофана Прокоповича, но его мнение об этой книге неизвестно, см.: Феофан Прокопович. Философские творения. Київ, 1981. Т. 3. С. 388.

⁷ Сумароков А. П. Избранные произведения. Л., 1957. С. 127.

⁸ Кантемир А. Собрание стихотворений. С. 425. Далее в тексте — изд. 1956; цифра в скобках указывает страницу. Произведения Кантемира, однако, цитируются с исправлениями по так называемому «академическому списку» 1755 г. (ИРЛИ, Р. II, оп. 1, № 132), по которому и печатались сочинения Кантемира в XIX—XX вв.

⁹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 633.

пренебрегали текстологическим правилом отдавать предпочтение *lectio difficilior* и тем самым искажали текст Кантемира.

Обратимся к примерам таких темных и сложных мест, разбор которых позволит наглядно представить сложную стилистическую структуру сатир Кантемира.

Описывая в V сатире Стенона, который «в беседе врет что в ум ни вспало», Сатир говорит:

Слыша его, колесо мельницы шумливу
Воду двигать мнит ти ся в звучные обраты (122).

Расставив слова в естественном порядке, мы можем прочесть следующее предложение: «Слыша его, ти (т. е. тебе) мнит ся (т. е. кажется) — далее идет оборот *accusativus cum infinitivo*, который переводим придаточным предложением, где подлежащим будет винительный „шумливу воду“, а сказуемым инфинитив „двигать“ — что шумливая вода двигает колесо мельницы в звучные обраты (т. е. обороты)». Такой грамматический разбор соответствует прочтению самого Кантемира в примечаниях к сатире: «Слыша его, кажется, что вода с шумом бьет в мельничное колесо, которое ворочается, звуча сильно: так громко и беспрестанно говорит» (139). Между тем изд. 1956 вслед за изд. 1867 исправляет «мнит ти ся» на «мнитися» (инфинитив?), а это чтение лишает все предложение смысла, его нельзя прочесть вовсе. И. С. Барков в данном случае только переставил местами две частицы и напечатал «мнит ся ти», что позволяет прочесть фразу.¹⁰ Издание под редакцией П. А. Ефремова исправление «мнитися» сопровождает любопытным примечанием: «Здесь, как и во многих других местах, галлицизм несколько затемняет смысл речи».¹¹ Между тем именно издатели затемняют смысл, пытаясь «улучшить» текст.

В той же сатире Сатир упрекает целовальника, что

<народ> душе веря твоей, ценой покупает
Вина воду (127).

Повторив вышеописанную операцию, получаем следующий текст: «<народ> ... покупает воду ценой (т. е. за цену) вина». Однако изд. 1762, 1867 и 1956 дают чтение «покупает с вином воду». Вероятно, издателей смущало сочетание «вина воду», но при их чтении, вполне с виду осмысленном, повисает в воздухе слово «ценой» — оно не только лишнее, оно ни к чему не относится и ни к чему не присоединяется.¹²

Сразу надо подчеркнуть, что уповать у Кантемира на слова-«затычки» (по терминологии В. К. Тредиаковского), грамматические

¹⁰ Имеется в виду издание, подготовленное И. С. Барковым: Сатиры и другие стихотворческие сочинения князя Антиоха Кантемира с историческими примечаниями и кратким описанием его жизни. СПб., 1762 (далее — изд. 1762).

¹¹ *Кантемир А. Д. Сочинения, письма и избранные переводы* / Ред. П. А. Ефремова. СПб., 1867. Т. 1. С. 102 (далее — изд. 1867).

¹² З. И. Гершкович в примечаниях к изд. 1956 пытался найти этому объяснение, что видно из его пояснения: «Ценой — за настоящую цену» (454). Но для такого понимания нет оснований.

неправильности и солецизмы — дело почти безнадежное. Издательские конъектуры должны иметь веские основания, поскольку Кантемир исключительно педантично относился к грамматике. В его примечаниях часто встречаем пояснения, например, к стиху «Гордость, леность, богатство — мудрость одолело» (61) — «Мудрость одолело. В сем месте *мудрость* есть винительного падежа» (67). К стиху «Сосед наш был знатному слуга господину» (128) — «Вместо *знатного господина слуга*. Обыкновенно во Свягом писании дательный падеж вместо родительного употреблять» (142). К словам «И спина гнется ему. Ему вместо *его*. Часто так и некрасиво дательный вместо винительного употреблять можно» (178) и целый ряд других пояснений подобного рода. О словах-«затычках» он резко заметил: «Часто подлым стихотворцам случается те тринадцать слогов дополнять речми, которые к делу никакого сношения не имеют» (177).

Вот еще пример поспешной конъектуры. Во II сатире Филарет утверждает, что

Грамота, плеснью и червями
Изгрызена, знатных нас детьми быть свидетель —
Благородными явит одна добродетель (70).

Прочитаем описанным выше способом первые два стиха, сразу переводя оборот асс. с. inf. придаточным предложением: «Грамота, плеснью и червями изгрызена, свидетель, что мы суть дети знатных». И это соответствует примечанию Кантемира: «Грамота <...> засвидетельствует, правда, что мы происходим от знатных людей» (79). Однако изд. 1762, 1867 и 1956 печатают не «быть свидетель», как в рукописи, а «есть свидетель», т. е. в их понимании «есть» относится к «свидетель» («грамота ... есть свидетель»), тогда как в действительности правильное чтение «быть» относится к «нас». При видимой правильности чтения «грамота ... есть свидетель» вторая половина фразы («знатных нас детьми») синтаксически не соотносится с первой, повисает в воздухе и не дает смысла.

Наконец, еще один пример необоснованной конъектуры, чрезвычайно выразительный, поскольку конъектура возникла в результате перевода текста на современную орфографию. Сатир, осуждая пьянство на Николин день, никак не может взять в толк,

Что глупой народ людей угождая страсти,
Мнился бога чтить, вином наполняя брюхо (126).

Изд. 1956 печатает «глупый народ», т. е. «глупый» — прилагательное мужского рода в именительном падеже, тогда как рукопись дает «глупой», что надо понимать как дательный падеж женского рода, и относится оно к слову «страсти», что и объясняет Кантемир: «Слова сего стиха в сродном порядке так бы должны лежать: *что народ, людей угождая глупой страсти*» (141).

Кантемир постоянно напоминает, что он употребляет «несродный» порядок слов, например:

Да всяк открывать свое мнение свободен,
Если вредно никому и законов сила
Чтительна нужду молчать в том не наложила (163).

«Сродным порядком так бы речи лежать должны были: да всяк свободен (волен) открывать свое мнение, если никому вредно (если оно никому не вредит) и если чтительная сила законов не наложила в том нужду молчать (если законы не запрещают о таком деле говорить)» (171). В своем примечании автор трижды в скобках уточняет смысл слов, т. е. не уверен в правильном понимании, даже когда слова расставлены в «сродном» порядке.

Не столько зерн, что в снопах мужик в день навяжет (93).

«Сродным порядком слова так бы должны лежать: Не столько зерн в снопах, что мужик навяжет в день, и оное что относится к снопам» (104).

Однак как время того, кто не примечает
Причины дел, учинить искусным не знает (157).

«Сродным порядком слова так бы лежать должны: как время не знает (то есть не может) учинить искусным того, кто не примечает причины дел» (165).

И плодоносный Нил, что наводняет
Царство, богатством славно, славно дела (201).

«Сродным порядком слова так бы лежать должны: и царство, богатством славное, славное делами, что (вм. которое) плодоносный Нил наводняет, ощущает пользу твоих законов» (207). Кроме слов «сродным порядком» Кантемир иногда пишет: «Порядочное расположение слов сие быть должно» (231) или «Порядок слов есть следующий» (231), но чаще всего он просто расставляет в примечаниях слова в нужном порядке и поясняет их, например:

речь твою к исправленью нраву
Людей позднему предать потомству потщуся (123).

«Стараться буду, чтоб на многие будущие веки и на самые позднейшие речь твоя потомкам нашим служила в исправление их нравов» (139—140).

И таких примеров в стихах Кантемира, не только в сатирах, но и в песнях, и в баснях — много. Примечательно, что поэтический синтаксис сатир Кантемира от первоначальной редакции к окончательной не упрощается, что было бы ожидаемо, а усложняется, например:

первоначальная редакция:

для одного в планете пятна ночь не спати (364),

окончательная редакция:

за одним ночь пятном не спать целу (59);

первоначальная редакция:

Ведь мы для сообщества в свете сотворенны (364),

окончательная редакция:

Люди мы к сообществу божия тварь стали (59)

и примечание автора:

«Бог нас создал для сообщества» (65);

первоначальная редакция:

Осады, окоп, наступ когда поминаю,
Чашь ты, что арапским языком болтаю (373),

окончательная редакция:

Арапского языка — права и законы —
Мнятся тебе дикие русску уху звоны (75)

и примечание автора:

«Самые речи право, закон кажутся тебе
речми арапского языка, дикими русскому уху» (86);

первоначальная редакция:

Примечать, чтоб искусству не было обиды,
Чтоб в граде зелен кафтан не досаждал глазу (375),

окончательная редакция:

Чтоб летам сходен был цвет, чтоб тебе в образе,
Нежну зелен в городе не досаждал глазу (72).

Вторую строку в последнем примере читаем так: «Чтоб зелен (т. е. цвет) в городе не досаждал нежну глазу». Изд. 1956 инверсии не принимает, печатает «нежну зелень» и не учитывает, что при таком чтении, с виду логичном, предложение рассыпается.

Инверсии и гипербаты Кантемира, а также его беспрецедентные межстиховые переносы постоянно готовят читателю такие семантические ловушки. Кроме «нежной зелени» это и упоминавшиеся «вина воду» (т. е. «вода вина?»), «глупый народ», а также «любитель прилежный небес» в стихах

любителъ прилежный
небес числить всякого удобно светила
путь и беглость (159),

т. е. «прилежный любитель удобно числить путь и беглость всякого светила небес» (ср. в авторском примечании «светила небесные», 160).

Еще пример:

хвалы нужда из его уст твои потянет (160).

«Хвалы нужда» — тоже семантическая ловушка, смысл стиха таков: «Нужда потянет из его уст твои хвалы», что согласуется с приме-

чанием Кантемира: «Станет тебя хвалить не добровольно, но по нужде» (167).

Кантемир вообще исключительно педантичен в своих примечаниях, это скорее комментарии к изданию римского классика, часто начинающиеся словами «сиречь» или «то есть», недаром они так схожи с примечаниями Кантемира к его переводу Горация.¹³ Кантемир может давать даже варианты прочтения своего текста, например: «*Не претит*. Вместо не запрещает, не мешает» (78); «*Одолол ли кто враги*. Получил ли кто победы над неприятельми отечества; усмирил ли кто их своими трудами военными» (105); «*Где счастье людей растет на слабой соломе*. Где людей счастье столь хлипко, как солома, или счастье людей основано на соломе, то есть основано, чрезмерно хлипком» (143) и др.

Из этих примечаний и приведенных ранее видна еще одна особенность стиля Кантемира: объясняющий комментарий обычно больше по объему комментируемого места — автор добавляет пропущенные слова, служебные части речи и т. д., т. е. в поэтическом тексте он следует одной из добродетелей риторики — «краткости» (*brevitas*), ценимой как римскими классиками, так и гуманистами. В этой связи становится понятен еще один латинизм Кантемира — употребление одинарного отрицания: «один другого добру никогда завидит» (398), «никую надежду себе ждет» (399), «и никого знают» (404), «вредно никому» (163). О том, что это примета поэтического стиля, говорит то, что в примечании Кантемир употребляет двойное отрицание: «никому вредно (если оно никому не вредит)» (171).¹⁴

Если суммировать наблюдения над поэтическим синтаксисом Кантемира, а именно над теми его чертами, которым он сам в примечаниях придавал значение, то можно сформулировать следующий вывод. Кантемир создает в сатирах принципиально новый поэтический синтаксис, ориентированный на классическую поэзию и использующий ее средства, благо именно славянские языки позволяют это осуществить. Имитируя латинский стих, Кантемир с небывалой в предшествующей истории русской поэзии интенсивностью использует инверсии,¹⁵ межстиховые переносы и другие приемы (оборот *acusativus cum infinitivo*, одно отрицание или нечастые ранее риторические фигуры, как хиазм и гипербат), сознательно усложняя от редакции к редакции свой стиль. Он не только пишет «с трудом», но и трудно — чтение его поэзии это труд, требующий немалых усилий.

Прекрасно осознавая свое новаторство, Кантемир все же оставался реалистом: таким стилем написан не весь текст сплошь, это тенденция, явно ощущаемая и подчеркиваемая в примечаниях. В при-

¹³ См. примеры аналогичных объяснений инверсий в переводах: *Кантемир А. Д.* Сочинения, письма и избранные переводы. Т. 1. С. 348, 354, 391.

¹⁴ Одинарное отрицание фактически является церковнославянизмом, отмеченным как верная форма в грамматике Мелетия Смотрицкого, см.: *Успенский Б. А.* История русского литературного языка XI—XVII вв. München, 1987. С. 212—213.

¹⁵ На свободный порядок слов у Кантемира, заимствованный из латинской поэзии, обратил внимание Д. И. Чижевский, см.: *Čiževskij D.* History of Russian Literature. From the Eleventh Century to the end of the Baroque. The Hague; Paris, 1960. P. 395. Иное понимание синтаксиса Кантемира см. в кн.: *Тимофеев Л. И.* Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958. С. 289—294.

мечаниях же она и объясняется: чтобы новация была усвоена, она должна быть понятна (ср.: «Хвально в стихотворении употреблять необыкновенные образы речения и новизну так в выдумке, как и в речении искать; но новость та не такова должна быть, чтоб читателю была невразумительна», 177). И вообще, любая новация в своем конкретном воплощении всегда есть результат не только конфликта, но и компромисса с существующей традицией.

Несмотря на приводившиеся, а также многие другие примеры сложного поэтического синтаксиса Кантемира, требующие грамматического разбора для полного их понимания, неоспоримым является и то, что читатель, хоть сколько-то начитанный в литературе XVIII в., читает и понимает сатиры Кантемира без усилий. Они не производят впечатления ученой поэзии, хотя таковой и являются. Каковы причины такого восприятия? Одна из них чисто технического свойства: по типографским причинам и вопреки пожеланиям автора примечания никогда не печатаются (за исключением изд. 1762) и, соответственно, не читаются вместе с текстом сатир. Между тем именно примечания, напечатанные сразу под комментируемым стихом, и должны заставить читателя задуматься и не только над синтаксисом. Но примечания помещают после текста сатир, и еще в XIX в. они не воспринимались как интегральная часть авторского замысла — их автором считался Барков. Вторая причина — из области поэтической техники. «Перенос позволен, — провозгласил Кантемир. — А весьма он нужен в сатирах, в комедиях, в трагедиях и в баснях, чтоб речь могла приближаться к простому разговору. К тому ж без такого переносу долгое сочинение на рифмах становится уху докучно частым рифм повторением, от которого напоследок происходит не знаю какая неприятная монотония» (414). Обилие межстиховых переносов ускоряет чтение и течение стиха, сложные инверсии и семантические «ловушки» могут не замечаться. Но все же главная роль в «приближении к простому разговору» отведена лексике.

Просторечие ворвалось в сатиру столь стремительно и властно, что до сих пор некоторые слова у Кантемира печатаются с отточиями. О языке сатир написано много и написано справедливо. Часто цитируют признание Кантемира, что «автор писал простым и народным почти стилем», забывая продолжение фразы: «в чем, мне мнится, последовал он стихотворному правилу, которое велит, чтоб сатиры были просты» (268). О каких правилах может идти речь? Никаких русских правил не было и быть еще не могло. Кантемир, создавая свой язык, исходил из правил классической сатиры. Рассмотрим одну составную часть языка Кантемира — употребление им пословиц.

Употребление пословиц и поговорок сатириком изучено достаточно подробно с точки зрения проблемы «литература и фольклор».¹⁶ Это, безусловно, допустимый и необходимый аспект изуче-

¹⁶ См.: Русская литература и фольклор (XI—XVIII вв.). Л., 1970. С. 111—113; Леонов С. А. Пословицы и поговорки в творчестве А. Д. Кантемира // Литература древней Руси и XVIII в. М., 1970. С. 312—326. Далее ссылки на эту работу даются в тексте сокращенно (Леонов) с указанием страницы.

ния, и оно бы только выпирало, если бы было показано, что Кантемир понимал поговорку как фольклорный жанр. Однако в начале XVIII в. поговорка в литературном тексте была прежде всего фактом и признаком разговорного языка, недаром употребление поговорок в текстах той поры сопровождается квалификаторами типа «как говорят». В сборниках поговорок, составленных на рубеже XVII—XVIII вв. зафиксированы не только поговорки и поговорки, но и явно книжные выражения, которые были просто на слуху, как библейские крылатые слова, так и цитаты из литературных произведений.¹⁷

Конечно, для нас эти сборники и отдельные употребления являются фольклористическими фактами, для Кантемира же это было живое использование метких слов, т. е. проблемой языка, фольклор еще не осознавался как особая сфера национальной культуры. Кстати сказать, само по себе употребление или неупотребление поговорок ни о чем не говорит. То, что поговорки в «Житии» Аввакума или в стихах Ломоносова много меньше, чем у Кантемира, ничуть не уменьшает их национального значения в истории русского литературного языка. Кантемир же вполне следует рекомендациям европейских гуманистов, в частности, Эразма Роттердамского: поговорки — украшение стиля. Любопытно, что Кантемир в примечаниях объясняет поговорки, что довольно необычно, так как носителю языка объяснение фразеологии излишне. Например: «*Вилами по воде писать* — русская поговорка, значит то же, что напрасно труд свой терять, понеже на воде букв изображение удержаться не может» (170). В другом случае он для русской поговорки подбирает латинскую этимологию: «Ведь и в щах нет смаку без соли». — *Без соли*. В стихотворстве забавные и острые речи латинская соль называются, и для того говорит автор, что смеялся иным для украсы своей сатиры, или прямо сказать: смешками посолил ее, чтоб была вкуснее уму чтущих» (238).¹⁸ Можно добавить, что и в поговорке «вилами по воде писать» русские суть собственно только вилы, так как латинское выражение *in aqua scribere* хорошо известно.¹⁹

Рассмотрение поговорок и поговорок у Кантемира должно учитывать вопросы интернационализации фразеологического фонда. Безусловно, значительная их часть — исконно русские. Но в их число неосновательно зачислены библейские цитаты и цитаты из римских классиков. Например, фраза «Слово, однажды выпущенное из уст, летит невозвратно» (408) взята из «Письма <...> о сложении стихов русских». Кантемир источника не указал, но в данном случае он дословно процитировал свой же перевод послания Горация,²⁰ еще

¹⁷ См.: Адрианова-Перетц В. П. Библейские афоризмы и русские поговорки // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 8—12; Малък Э. Рукописные сборники поговорок и поговорок как материал для изучения репертуара русской литературы переходного периода // Acta Universitatis Lodzianae. Folia litteraria. Łódź, 1989. Т. 25. S. 3—11.

¹⁸ См.: Бабичев Н. Т., Боровский Я. М. Словарь латинских крылатых выражений. М., 1988. С. 155—157.

¹⁹ См.: Там же. С. 343.

²⁰ См.: Кантемир А. Д. Сочинения, письма и избранные переводы. Т. 1. С. 501—502; Бабичев Н. Т., Боровский Я. М. Словарь латинских крылатых выражений. С. 237, 492.

раз это место он процитировал (в оригинале и в переводе) в примечаниях к III сатире (см.: 103). Очевидно, что выводить слова Кантемира из пословицы «Слово не воробей, вылетит — не поймаешь» (Леонов, 315) никак нельзя. Напротив, сопоставление фразы «Слепец, как ведет слепца, в яму упадают» (233) со сборником пословиц конца XVII в. («Слепец слепца ведутся, а оба в яму впадутся», Леонов, 315) совершенно справедливо. Дело, однако, в том, что это евангельские слова (Матфей 15, 14; Лука 6, 39).

В разряд авторских афоризмов, ставших пословицами, С. А. Леонов относит фразу «Виноград насадив, терние ращают» (131; Леонов, 318). Кантемир же поясняет это выражение: «Сиречь что за добро зло им воздается. Не помню в коем месте Бог чрез пророка Исаяю говорит: „Насадих виноград и возрасте терние“» (143). Несмотря на то, что ни в книге пророка Исаяи, ни вообще в Библии этих слов нет, сознательная ориентация Кантемира на библейскую фразеологию очевидна. Нельзя забывать, что Кантемир составил симфонию на псалтырь, и церковнославянская фразеология была у него на слуху.

Стих из VII сатиры «Относят к сердцу глаза весть уха скорее» (161) явно восходит к афоризму Сенеки «Люди больше верят глазам, чем ушам».²¹ А следующий стих «Пример наставления всякого сильнее» (161) Кантемир комментирует: «Свыше всякого совета, свыше всякого наставления пример силен. Ролен, следуя Сенеке, того ж мнения» (168). Сенеку Кантемир не цитирует, но имеет в виду его слова «Долог путь поучений, короток и успешен путь примеров».²² Так же и выражение «Мед держи на языке, а желчь всю прячь в грудях» (110) восходит не к русской пословице «На языке медок, а на сердце ледок» (Леонов, 314), а к словам Плавта «В меду ваш язык, но сердце в желчи»²³ или к латинской пословице «Mel in ore, fel in corde».²⁴ Примечательно, что свой стих Кантемир разъясняет, что обычно он делает в случае заимствованных или книжных выражений: «То есть весь гнев, всю злобу в себе таи, а словами льсти» (116). Из выражений, которые Кантемир, по мнению С. А. Леонова, взял «непосредственно из народной речи» (Леонов, 316), отметим еще два. Для стиха из III сатиры «Кастор любит лошадей, а брат его — рати» (99) Кантемир сам указывает в примечаниях источник у Горация (108). А выражение «с глаз (сойти)» (72) восходит либо к Проперцию,²⁵ либо к латинской поговорке «Procul ex oculi, procul ex mente».

²¹ См.: Бабичев Н. Т., Боровский Я. М. Словарь латинских крылатых выражений. С. 317; Тимошенко И. Е. Литературные источники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок. Киев, 1897. С. 47.

²² См.: Бабичев Н. Т., Боровский Я. М. Словарь латинских крылатых слов. С. 416.

²³ См.: Там же. С. 439; Тимошенко И. Е. Литературные источники и прототипы трехсот русских пословиц. С. 93. Пословицу «В устех мед, в сердце желчь» употребил Симеон Полоцкий в 1670 г., см.: Библиотека Московской синодальной типографии. Ч. 1: Рукописи, вып. 2: Сборники и лексиконы / Описал В. Погорелов. М., 1899. С. 105.

²⁴ См.: Nowa księga przysłów i wyrażeń przysłowiowych polskich. Warszawa, 1972. Т. 3. S. 603.

²⁵ См.: Тимошенко И. Е. Литературные источники трехсот русских пословиц. С. 113.

Первый стих VI сатиры «Тот в сей жизни лишь блажен, кто малым доволен» (147) напрасно сопоставляется с пословицей «Кто малым недоволен,²⁶ тот большого не достоин» (Леонов, 316). По смыслу эти выражения далеко не эквивалентны, даже противоположны. В стихе Кантемира слышна горацянская тема, уместно привести и слова Сенеки «Disce parvo esse contentus» («Учись малым быть довольным»²⁷).

Завершая III сатиру, Кантемир говорит о стихах:

кто же мой (и я не без пятен)
Исправит — тот честен мне будет и приятен (99)

и комментирует их: «И я не без пятен. И я не без погрешений» (108). Книжный характер выражения выдает двойное отрицание, скорее всего, это перифраз вошедшего в пословицу стиха Горация «Vitiis nemo sine nascitur» («Никто не родится без пороков»). Впрочем, не исключено, что это библеизм (ср.: «Никто же без греха, един токмо Бог»).

Цель этого паремнологического экскурса, по необходимости быстрого и краткого — показать, что как просторечие Кантемира осложнено латинизированным синтаксисом, так и исконно русская фразеология инкрустирована классическими цитатами, а какие-то фразеологические единицы созданы явно самим сатириком.

Завершая наблюдения над поэтическим стилем Кантемира, приведем выдержку из его «Письма <...> о сложении стихов русских». Порицая французский язык, он говорит: «Язык французский не имеет стихотворного наречия; те ж речи в стихах и в простосложном сочинении принужден он употреблять. <...> Наш язык, напротив, изрядно от славянского занимает отменные слова, чтоб отдалиться в стихотворстве от обыкновенного простого слога и укрепить тем стихи свои; также полную власть имеет в предложении (т. е. инверсии. — С. Н.), которое не только стих, но и простую речь украшает» (408).²⁸ Эта формулировка исключительно полно и ясно объясняет всю титаническую работу Кантемира над стилем сатир. Впервые в истории русской поэзии он поставил и выполнил задачу по созданию поэтического языка («стихотворного наречия») — предельное развитие силлабики и ее поэтики. По его мысли (как бы вполне соответствующей лингвистическим концепциям XX в.), поэтический язык должен отличаться от языка литературного («обыкновенного простого слога») как лексически, так и синтаксически. Поразительный поэтический стиль Кантемира — не меньшее по значению в истории русской литературы создание, чем сам жанр сати-

²⁶ С. А. Леонов цитирует пословицу неточно: «Кто малым доволен...», ср.: Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX вв. М.; Л., 1961. С. 55. Любопытно, что К. А. Кондратович усвоил выражение «Кто малым не доволен, тот и большего не достоин» новолатинскому поэту М. А. Мюре (1526—1585), см.: Кондратович К. Репреманд воронин! СПб., 1778. С. 7.

²⁷ См.: Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. СПб., 1901. Т. I. С. 77.

²⁸ Ср. наблюдения Л. В. Пумпянского о стиле Кантемира: Пумпянский Л. В. 1) Очерки по литературе первой половины XVIII в. // XVIII век. М.; Л., 1935. [Сб. 1]. С. 97—100; 2) Кантемир. С. 188—191.

ры. Но в отличие от жанра, который сразу вошел в литературу и создал автору славу, стиль сатир в литературе не привился и не был осознан как поэтический.

Что позволяет прийти к такому выводу? В 1740—1760-х гг. были написаны разными авторами три сатиры в подражание Кантемиру. Это сатира «На состояние сего света. К Солнцу». Здесь подражание Кантемиру наиболее очевидно, поскольку она была включена в корпус его сочинений (см.: 181—189). Две другие сатиры, опубликованные В. Н. Перепцом, «Сатира на скупого человека» и «*Descriptio Vacchi*», также подражают Кантемиру, а в одной есть и прямые из него заимствования.²⁹ При всем искусном подражании в так называемой IX сатире нет следов разбиравшегося ранее поэтического синтаксиса Кантемира, она написана гладко и усвоила (как и вся дальнейшая русская сатира) лишь просторечие сатирика. Межстиховые переносы ограничены рифмующимся двустипием и только один раз фраза переходит в следующее двустипие. В тексте не ощущается привычная у Кантемира классическая подкладка, а в примечаниях нет и следа блестящей и разнообразной эрудиции Кантемира.

В «Сатире на скупого человека» инверсий и переносов нет, нет и неясных синтаксических мест, только в сатире на пьяниц много переносов, но в целом «стихотворного наречия» Кантемира нет и здесь. К тому же у Кантемира переносимая часть синтаксической единицы более краткая (часто не доходит до цезуры) и меньше связана по смыслу с последующим текстом. А именно такой тип переносов был позднее «несносен» и «противен нежному слуху» Тредиаковского.³⁰ Обе сатиры, кстати, написаны в семинарской среде, где латинские штудии были в программе обучения, что, однако, никак не повлияло на верное воспроизведение стиля Кантемира.

Издания сатир 1762 и 1956 гг. — это прежде всего зафиксированное прочтение и понимание текста. И. Барков, как известно,³¹ исправлял слог и синтаксис по своему вкусу и в соответствии с литературной нормой своего времени, устраняя как отдельные церковнославянизмы, так и некоторые просторечные слова. Изд. 1956 стремилось авторский текст сохранить, но, что и было показано ранее, в нем не был принят ряд сложных чтений. Кстати, и это издание поновляло лексику, так, вместо «посмешка» академического списка 1755 г. в изд. 1956 читаем «насмешка», вместо «странноприимство» — «гостеприимство», вместо «похлебник» (т. е. льстец) — другое по смыслу слово «нахлебник», вместо «подошево» — «подошва», вместо «чоколад» — «шоколад» и др.

Можно назвать две причины невосприятия поэтического стиля Кантемира в XVIII в. Об одной уже было сказано, простота стиля

²⁹ См.: *Перец В. Н.* Неизвестные подражатели кн. А. Д. Кантемира // ИОРЯС. 1928. Т. 1, № 2. С. 335—357.

³⁰ См.: *Тредиаковский В. К.* Сочинения и переводы. СПб., 1752. Ч. 1. С. 109; *Тимофеев Л. И.* Очерки теории и истории русского стиха. С. 346.

³¹ См.: *Моисеева Г. Н.* Иван Барков и издание сатир Антиоха Кантемира 1762 г. // Русская литература. 1967. № 2. С. 102—115. Ср.: *Петрова З. М.* К вопросу об издании литературных памятников XVIII в. (Лингвотекстологические замечания) // Материалы и исследования по лексике русского языка. М.; Л., 1965. С. 273—275.

его сатир — это видимая простота. В действительности поэтический язык Кантемира элитарен. Добиться такой простоты при истинном подражании можно лишь колоссальным трудом и то при наличии образцовности, равновеликой той, что была у Кантемира. Его элитарный стиль был реакцией на «неприятную монотонию» старой силлабики, на стихотворную продукцию, например, Иоанна Максимовича, о котором и высказался пренебрежительно, и других поэтов, пишущих «стоя на одной ноге». Но как бы Кантемир ни осознавал свое новаторство на фоне старой традиции, и как бы он ни разъяснял свой стиль в примечаниях — он не был услышан.

Вторая причина более объективного свойства, и здесь он был бессилён. Создавая новый поэтический язык, Кантемир стремился отделить его от «обыкновенного простого слога». Но все дело осложнялось тем, что литературного общепринятого языка еще не было,³² а церковнославянский стремительно утрачивал эту функцию, что и осознавал Кантемир. Как раз на первые десятилетия XVIII в. приходятся поиски основы литературного языка, завершившиеся в конце концов в трудах М.В. Ломоносова. Но с точки зрения теории трех стилей, да и вообще на фоне новой русской поэзии язык Кантемира мог, вероятно, производить впечатление стилистической неупорядоченности. Реформа русского стиха тоже не способствовала лучшему усвоению особенностей его поэтики. А. С. Пушкин в черновых набросках статьи «О ничтожестве литературы русской» справедливо заметил: «Влияние Кантемира уничтожается Ломоносовым».³³ Конечно, высочайший авторитет Кантемира-сатирика остался непререкаемым, но новая русская литература усвоила жанр, а поэтический стиль остался свидетельством эстетических исканий Петровской эпохи, порождением которых он и был.

Реформируя силлабику, Феофан Прокопович и Антиох Кантемир пришли к неосиллабизму.³⁴ Версификационное новаторство Феофана и «стихотворное наречие» Кантемира открыли перед силлабической поэзией новые и многообещающие для ее реформаторов перспективы. Это была достаточно гибкая система, способная, благодаря стилистическим поискам Феофана, воспринимать европейскую классическую поэзию, а Кантемир показал, что и западноевропейскую поэзию нового времени тоже. От простоты ранней силлабики Феофан и Кантемир пришли к ученой сложной поэзии.

Об истоках и причинах реформы русского стиха Тредиаковского и Ломоносова писалось много. Не последнюю роль в реформе сыграла и смена культурных ориентаций.³⁵ Дело, конечно, не в том, что силлабический стих, якобы, несвойствен русскому языку. Фео-

³² См.: Живов В. М. Культурные конфликты в истории русского литературного языка XVIII — начала XIX в. М., 1990.

³³ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. [М.; Л.], 1949. Т. 11. С. 495.

³⁴ Термин предложен Л. В. Пумпянским, см.: Пумпянский Л. В. Кантемир. С. 178.

³⁵ См.: Гаспаров М. Л. Русский силлабический тринадцатисложник // Гаспаров М. Л. Избранные статьи. М., 1995. С. 26—28.

фан и Кантемир не порывали с традицией,³⁶ а реформаторы Тредиаковский и Ломоносов (особенно он) были не в последнюю очередь ниспровергателями старой традиции. Их реформа была, в том числе, и ответом на вопрос, какая культурно-политическая модель будет лежать в основании новой русской культуры, новоевропейская или польская.³⁷ Выбор в пользу новоевропейской модели был одновременно и расчетом с польской моделью постепенного реформирования. Принципы неосиллабизма Феофана Прокоповича и А. Кантемира не успели прижиться в поэтической практике и уже не имели для этого времени, так как органическая преемственность форм русского стиха была прервана.

³⁶ Ср.: «Просвещенный прелат Феофан и просвещенный аристократ Кантемир оба стоят, в 1729 г. и позже, на позициях модернизированной феодальной культуры» (*Пумпянский Л. В. Очерки по литературе первой половины XVIII в. С. 102*).

³⁷ См., в частности: *Ликкио Р.* «Предисловие о пользе книг церковных» М. В. Ломоносова как манифест русского конфессионального патриотизма // *Сборник статей к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 142—152.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Смена ценностных культурных ориентиров в Петровскую эпоху проходила, как можно судить, без какого-либо жесткого, в мелочах продуманного плана, отсюда и поиски подходящих культурно-политических моделей. Условно можно выделить две таких модели: новоевропейскую и польскую. Обе они были западного толка и обе продуктивны, но различны по характеру: польская модель носила более гуманитарный характер (ученость, умозрительность, рассуждение, описательность), а новоевропейская отмечена печатью мировоззрения Нового времени (научность, опытность, наблюдение и аналитичность). Союз Петра I с гуманитариями полонифильского толка оказался недолговечным: польская модель сулила долгий путь постепенного реформирования (ср. известные выкладки кн. М. М. Щербатова), а новоевропейская — путь революционного скачка под знаменем этатизма. Петр выбрал второй путь, определив тем самым не первостепенное место для литературы в системе культуры.

Но между двумя отнюдь не взаимоисключающими моделями были неизбежны диффузии и интерференции, отсюда и сложности в их разграничении. Идеиные взгляды деятелей эпохи могли соответствовать одной модели, а эстетические пристрастия и привычки — другой. Так, в доме Феофана Прокоповича велись дискуссии о картезианской философии со ссылками на повседневный опыт,¹ а вот несомненное новаторство Феофана-поэта, которое вело к созданию неосиллабики, развивалось в традициях силлабической культуры. Судя по восторженному отзыву Феофана о силлабике Кантемира, ломоносовской реформы стиха он бы не принял.

Вот еще пример параллельного сосуществования разных идейных моделей. В самые первые годы XVIII в. в Москве, вероятно, в Славяно-греко-латинской академии, велись ожесточенные споры о философии Локка, доставившие немало хлопот самоуверенным в своей учености иезуитам. В 1702 г. иезуит Франциск Эмилиан, описывая своему начальству педагогические новации у русских, писал: «Некоторые припелъцы из Англии и Голландии пытались ввести

¹ См.: *Маркович Я. Дневник*. Киев, 1895. Ч. 2. С. 264—265.

здесь преподавание философии Декарта и какого-то Локка, и некоторые из здешних, хотя не понимали дела, но были увлечены и тем, что им расхваливали их, и как новинкой; однако Бог послал нам счастливый случай сойтись с ними, к чему подстрекал и один вельможа. Прежде всего они восстали против схоластических терминов и аргументаций». Когда во время этого диспута Эмилиан стал опровергать декартовское «я думаю, следовательно, я существую», «мои противники, к удивлению, пришли здесь в недоумение и яростно хотели защищать, что во всяком случае выражение „думая“ есть первый принцип». Высокомерие иезуита соседствует с раздражением обскуранта: «Что касается Локка, то я в нем вижу скорее атеиста, чем философа. Милосердный Боже! каких чудовищ сюда часто привозят! Другой сочинитель привезен из Голландии, он кроме других вещей упорно защищает физическую истину о стоянии солнца и подвижности земли. Мы им разъяснили, какая разница между гипотезой и истиной на деле <...> однако они пожелали, чтобы то учение было опровергнуто с аргументами, и это задало нам весьма большую и трудную работу».²

Это письмо позволяет по-новому понять известный выпад Стефана Яворского против Декарта в «Руке риторической»: «Востани поне от загребеных пепелов, свете перипотетиков, Аристотелю! Отри враски, или поне самыми омый слезами, ими же твои философския догматы осквернила Картезиева продерзость: тако воистину на мертваго лва мьши наскакуют!».³ Этот пример к одной из «фигур сентенциарум» («лицепритворство») не просто риторическое упражнение, и не только свидетельство безусловно отрицательного отношения русских силлабиков к картезианству вообще.⁴ Это живой отклик на те философские споры, которые велись в самой Москве, на которые Стефан Яворский, один из наставников московской Славяно-греко-латинской академии, не мог не откликнуться.

Письмо Франциска Эмилиана — исключительно ценное свидетельство пытливости русской мысли в Москве эпохи начала реформ. Но нужно отметить, что если бы не свидетельство иезуита, нам бы не удалось рассмотреть эти новые веяния в литературной продукции, вышедшей из стен Славяно-греко-латинской академии. При всем своем просветительско-панегирическом пафосе она создавалась и развивалась в недрах силлабической культуры. Справедливости ради должно сказать, что будущие реформаторы русского стиха Тредиаковский и Ломоносов вышли из ее стен.

Изменения в области литературных отношений и литературного сознания были следствием общего процесса реформации культуры и обособления литературы как автономного вида культурной деятельности. Процесс этот был хаотичным и противоречивым, поскольку в области литературного сознания указы не действуют, от-

² Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII в. СПб., 1904. С. 100—101.

³ Стефан Яворский. Рука риторическая. Перевод с латинского Ф. Поликарпова. СПб., 1878. С. 66—67.

⁴ См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 167—168.

сюда неизбежное взаимное наложение системы старых, устоявшихся литературных отношений на новые, находящиеся в стадии зарождения. В предшествующих главах были рассмотрены явления, которые представляются наиболее существенными для эпохи становления новой русской литературы: процесс введения культурных новаций и смены культурных ориентиров; изменения статуса «автора» и статуса «произведения»; появления в литературном процессе нового участника — критика; возникновение индивидуального поэтического языка («стихотворное наречие» Кантемира). Нельзя забывать, что все эти явления первоначально затрагивали лишь небольшую часть литературной публики. Пристальное внимание даже к мелким деталям этого процесса объясняется тем, что именно он лег в основу литературной культуры нового времени. Сам новый механизм литературных отношений сложился только к рубежу 1720—1730-х гг., но это была уже готовая система, которая и позволила «вдруг» явиться новой русской литературе.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ОТРЫВОК ИЗ «ДНЕВНИКА» И. Г. КОРБА В ПЕРЕВОДЕ НАЧАЛА XVIII в.

ДИАРИУМ ИЛИ ПОВСЕДНЕВНОЕ ОПИСАНИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ К МОСКВЕ
ЯСНЕВЕЛМОЖНОГО ГОСПОДИНА ИГНАТИЯ ХРИСТОФОРА ШЛЯХТИЧА
ДЕКВАРДИЕН И РАЛЛ <...> ОПИСАННОЕ ОТ ИОАННА ГЕОРГИЯ КОРБА,
СЕКРЕТАРЯ ПОСЛАННИЧЕСТВА ЦЕСАРСКОГО

Сими днями некоторой подъячей ис приказу так же у некоторо-го подъячего з женами своими были на пиру. Понравилася ^асамая лутчая^б зело гостю, которой иным пир припасал, то с обмана, которой всегда на сердце держал, зело принуждал всех жен к питию. Усмотрили некоторые обманчивой совет и гостеву жену, у которого пили, ровною обманю великими стаканами перепивали. Все вином напився и на земли легли, перво гость любовию запален, где любимая легла, усматривал, там бы лутче и он место могл имети. Свечю погасил и иных лишних мужей в ыную комнату и еще вина довольно им дал. Все пьяни пошли спать, где женской пол лежат. Гость на то место пошел, где самая лутчая легла, которая очми его желание и думу исполняла. И он глупый гость первого места не прошел, но власную жену вместо гостиной, на то место положил. Гость без свечи ничего жене не делал, первого намерения наполнен, жену свою не ведая, всякими обманами принудил, последнюю любовь явив, волку свою с нею сотворил. Не зная, что ево жена, многих и иных к тому блюду понудил, что в пьянстве ни во что вменили. Гость после пиру начал смеяться, что не толко к еде,^в и питию, но и ко власной жене своей зазвал, и тому блюду зело все смеялись.

(РНБ. F.IV.321, л. 40).

^а—^б Доб., в ркп. нет; в тексте явный пропуск: либо при переводе пропущено слово *pulcherrima* («самая лутчая», как переведено далее), либо оно опущено в данном списке;

^в Испр., в ркп. еже.

2. ПЕЧАТНЫЕ ДАРСТВЕННЫЕ НАДПИСИ ИЗ «БУКВАРЯ» (1694)
КАРИОНА ИСТОМИНА

[Первый лист]

БЛАЖЕННЕЙШИЙ ОТЧЕ И ГОСПОДИНЕ МОЙ ПРЕЧЕСТНЕЙШИЙ,
ВО ГОСПОДЕ БОЗЕ ЗДРАВСТВУЙ И РАДУЙСЯ

Известная знаменья в человецех божия лобве, в них же премудрость дом себе устрои и витает благодатне. Ею же всякия добродетели непрестанно, яко премудрии архитектоны, богоизбранныи люди, и сотворяют милостиво отеческо в Господе своем приятство всякому человеку. Чесого ради многая благодарения от многих уст повсюду всетворцу Богу в прославление святаго имене его воздаются. И таковое благодати господни знамение и достояние в боголюбивей души твоей всесовершенно зрится умнословоглаголивыми. И благодаяния отеческих твоих исправлений богоугодных везде, не токмо на кровех круга земнаго проповедаются, но и ангелскими чины в премирном оризоне восхваляются пред спасителем нашим Богом. Тем же мздовоздаатель Господь мзду твоему отеческому труду и душеспасительному в бодрости подвигу стократными мерами воздарствит. Аз же, менший, за твое господское ко мне приятство и любезное во Христе Бозе благодаяние всегда Господу Богу благодарен попремногу и тебе, государю моему, во благовременстве zde на премногая лета пребывания и получения в пресветлых небесех присносущныя некончаемыя радости со всеми святыми приискренно желаю.

Твоего благословения и молитв
святых всегда требующий

[Второй лист]

БЛАГОДЕТЕЛЬ МОЙ ПРИЯТНЕЙШИЙ И МИЛОСТИВИЙ
ГОСПОДИН, ВО ГОСПОДЕ БОЗЕ
МНОГОЛЕТНО ЗДРАВСТВУЙ И РАДУЙСЯ.

Приятство и благодаяние милости твояе всем человеком попремногу известно есть, им же присно умножаеши славу божию. Вси бо за твою богомудрую и нелицемерную любовь всещедраго творца нашего владыку Бога не умолкающе благодарят и усердствуют твоей милости благоденствия и всякаго доброполучения: да во здравии с любезными твоими многая лета душеспасительно поживеши и в прекрасном горнем Иерусалиме с небесными гражданы водворився, славою и честью, и веселием неизглаголанным одарствившия вечно. Сего всего и аз приискренно твоей милости желаю. Веселося

же, слышав, аще ты, мой благодетель, здравствуеши в благопоспешении, и всегда такового слышания требую.

Милости твоя искатель
и всегдашний тебе работник

Букварь славенороссийских писмен. М., 1694. (БРАН. Шифр: 11сп; листы без фоліації).

3. ПРЕДИСЛОВИЯ И. М. СЕЧИХИНА К ЕГО ПЕРЕВОДУ 1732 г. ФИЗИОГНОМИЧЕСКОГО ТРАКТАТА «АНФРОСКОПИЯ»

Текст печатается по списку РНБ. О.ІІІ.22. Л. 1—13 (далее — О) с исправлениями по списку РНБ. Собр. Погодина. № 1675. Л. 23—27 (далее — П).

К МЕЦЕНАТУ

К тебе токмо единому,^а Мецена благородный, Меркурий мой возстранноприимствован быти надеждо себе услаждает, зане тебе ради токмо единого из латинского в славенороссийский язык странствует, но яко други своя при тебе присудствующия и тобою зело любимыя имеет остроту разума, разсуждения твердость, о науках неусыпное рачение, не педантическия, но благопристойныя поступки, правду, мужество и умеренность, наконец же смиренно[му]дріе и кротость, иже т[ебе], яко приискриняго рачител[я] || своего выну ограждающии небезразсудну, ниже слепу показывают Фортуну, яко тебе благородством крови восхотела почтити за^б благородство добродетелей в сердце. Таковое счастья благоденіе давно заслужили не слепо поистинне и впредь щедротою своею, но разве отчасти скупо будет счастье, егда такой изищет заслуги и на свещник общия ползы тья горети предпоставит.

Не отвратися, благородны Мецена, сего моего приношения, ниже в ласкательство причти реченное, ибо не ласкательства прелестнаго [и] не из рабской души лепотствующаго зараженное ядом, но в благородствии рожденное, аще [и не]обычными удрученное несчастья гонении приносит || тебе сие сердце. Приими моего Меркурия, великодушный Мецена, и поне впредь сотвори его обществу небезплодна, легал бо оный доселе, яко ноева прежде голубица, ово истории, ово нравоучительныя книжки, в Германии и Галлии рожденныя, в российский вертоград оныя пресаждая. Но ^в«оньє труды» и проторя ни во что негодующу несчастью воздуху, бурю непрестанною и мразом неблагополучия оскорбляемы, не токмо доселе бесплодныя пребывают, но и все посохше; публичного света ни едина

^а Испр., в ОП единого;

^б Испр. по П, в О зане;

^в—г Испр. по П, в О ото

труда.

из тех не узрит. Сего ради в ковчех покоя к тебе ныне возвраща-
ется. Приложи, благодетелю мой несравнимый, || благоденствие к бла-
годенствию и яко вторым Овидием от скорбнейшаго изгнания посы-
лаемую к тебе сию книжицу восприятием своим сотвори счастливу.
Прими Меркурия, зане и самыя защитницы наук у тебе водворя-
ются. И аще великодушно состраданием уязвится тебе сердце и по-
славшему его не оттягни руку помощи, но светом власти, тебе по-
рученныя, мрак моих преследований потыси разгнати, а яко сла-
венно-российским, а не общим российским языком к тебе Меркурий
мой приходит, древности любовию попусти извинитися, негли, гла-
голю, получит мой Меркурий случай и российским общим языком
тебе, || благородны Мецена, услужити. Между же сим пребывай в
хранении высочайшаго блага и насыщайся благополучия, каковаго
сердце твое желати может. Пребывай же и присный мой защитник
и благодетель, зане сердце благородное без сострадания обрестися
не может. Успевай во здравии, патрон великодушный, якоже желает
ти всеусердно твой, благородный Мецена, покорнейши [и до]броже-
лательнейши слуга И.С.

декабря 20 дня 1732 году. ||

К БЕСПРИСТРАСТНОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Краткими словесы, читателю беспристрастный, доволствие тебе
моим предисловием о сей книжице учинити за благопотребно воз-
непщевалось быти. Веждь убо, яко сия твоего токмо ради удовол-
ствия и ползе на российски язык с латинского преведеса, и аще тебе
оная кое принести может увеселение и ползу, якоже не сомневаюся.
О том^а улучи[х] я свое намерение и чего искал, обретох уже, ибо
ниже кое пристрастие, ниже должность меня в [сем] одолжили по-
трудитися, || но токмо внутрь мене кипящее благодарение противу
моего великодушием и состраданием первого благодетеля, ему же
особливо приношу сию. Притом же и любовь твоя, благосклонный
читателю, немалое мне чинила в малом сем труде моем облегчение,
чесо ради и претвердо знаю, яко ты мне злодейством за мою услугу
возмездие сотворити не восхощещи, но паче взаимною любовию,
якоже я тебе ради в преводе сея книжицы, тако и ты мене ради в
поправлении в погрешении ея потрудишися, зане аще всячески
тщася, елико || возмогл, толь исправной любви твоей представи
и ниже что-либо малое пренебреженно оставих, еже бы ея со ори-
гиналом несогласну сотворило. Обаче ведаю, яко не весма доволный
талант мне к сему делу поручися, и аще бы совершенный, то по-
грешити человеческо есть. Протчее же да будет мое доветворение,
яко всеми силами тщася тебе услужити, благосклонны читателю, и
еже возмогах — сотворих усердно, а еже не в моей возможности
есть — от мене не взыскуй, но еже где^б оскудевает, от своего избыт-
ка то наполни и тако мене и множайших сим одолжиши.

^а Испр. по П, в О то; ^б Испр. по П, в О zde.

Елико же о материи сея книжицы принадлежит, утверждаю известно, яко сия твоего || благосклонного восприятия весьма достойна есть и благоволение твое заслужила, понеже не токмо [м]ногаго любопытству удовольствия и увеселения, но и премногой ползы исполнена есть. Что бо приятнейше, еже предгадателствовати и предвидети будущая, и что полезнейше, еже состояние сердца и нравов человеческих познавати? Коликое не истекает отсюда во избирании, во обхождении и в негоциях повседневных удовольствие, и аще не поспешно будет счастье, но токмо препятствовати не восхоцет сим единым познанием [и] устройением по сему своих [д]ейств. Высочайшия благополучия плоды возможеша снискати, о чесом оставляю [г]лаголати самому авктору.

Восхоцеша ли же ведати, [к]то сию для любви твоей || из латинского языка на российский преведший, тебе предлагает, да веси, яко паче протчих многих отягченны преследованием фортуны или и весьма уже удрученный. Возмнится тебе негли, благосклонный читателю, неблагородна вещь быти — о своем несчастии жалобы приносить. Но я имею не токмо единого Овидия, но и множество храбростию и мудростию пресветлых мужей, которыя различно отягченны, о неправде света негодуя, жалобы приносили. Зря токмо, аще праведными подвижено сердце мое есть винами желетися, убеждается, аще бо мое [зл]ополучие и не тако видимо есть, яко овидиево, обаче в нечесом, мнится мне еще и з[л]е[й]ше быти, он бо осужден бе якобы за вину страдати, а[з] || ни о едином пороке праведно доселе поречен быв, всеу погибаю; оны заточися во изгнании, а я на позоре всего света стою многолюдном; оный питаем был, а мне к пропитанию моему ничтоже кроме воздуха не оставлено. И аще бы не вышний промысл удивительными содержал дух мой судьбами, давно бы уже сухой той измождитель человеческия плоти томителне извлекл бы — о мало прикладного немилосердия в свете! — душу мою и обратил бы уже в землю тело мое. От Овидия никакой должности исправления никто же требовал, мне же ни с великою тягостию [с]вободы своя ко исканию || моего авантажу получить невозможно; оный был явно в несчастии и, жалуйся своим сострадателем, облегчал болезнь свою, мене же ниже злополучным протчии видети могут, ниже кому болезнь свою в недро изляти имею. О преизрядная правда света и преизящное к добродетели поощрение! Воздаша мне злая за благая и ненависти за возлюбление. Я от младенчества своего все свое малое наследие истощил, простираяся к наукам для любви отечества, плоды впредь принести в служб[е] оному уповая, еже бы и без сумнения совершилося, аще бы рачению моему какия благодетельствующая рука || воспособствовала. Но ото убытки и протории ни во что, не токмо всякой надежды к произведению оцетихся, но и нужнаго в препитании содержания не доволен есмь заслужити. О судия вышни! Тебе нарицаю, ты суди и рассуди прю мою, аще аз виновен, да иду со Овидием во изгнание, аще же несмы потребен, да дастся мне свобода. Сия то вина есть моей жалобы в таковую тесноту пригнанный, яко уже ни жити, ни умерети не могу, но токмо день и ношь въздыхая, суда себе прошу праведна, зане сама обида подобием крови авелевы вопиет непрестанно. ||

Уже что нужно приложить к сей книжице моего переводу мне возмнилось быти — се имеши, благосклонный читателю, а что не краснословно предложено, тем не уязвися, понеже от гореснаго сердца не может истекати сладкая беседа, но паче ожидай от незаренныя совести моей, авозь-либо утомится последуя фортуна, и тем дарует мне случай самым показати тогда делом, яко ныне желанием есмь и пребываю тебе, сострадательны читателю, всякого благополучия и здравия нерушимого желая.

Благосклонного читателя
покорнейший слуга И.[С]. ||

К ЗОИЛУ

Яко последи всех и к тебе обращаюся, да не позазриши мене в премудрости и в добродетелстве сердца. Глаголю, не похлебствуя, совершенный Зоилу, знаема бо мне твоя добродетель и действ твоих красоту почитаю, не токмо бо очи твои благопристойне соделаны, но и уста твоя балсамом приятности благовонствуют. Наипаче же язык твой умиления достоин, его же тако мнозии пресветлии мужии блодутся и уже все новые философы, аще и имеют притчину некогда ко оному писати, обаче за непоятностию дела молчанием преходят. Но я противным разумом к тебе ныне || обращаюся и боюся, да не толиких похвал, их же приписях ти, множество[м] возгордишися. Боюся, но всуе вем бо, яко тебе невелико о хвалах прилежание, ниже славы желанием уязвляешися. Похвалное поистинне смирение! Тебе бы хто дал полушку, ты и за полушку продашь всю ту суетную честь мира сего, вем бо, яко вся слава света сего скоряе исчезает дыма. Едино тебе пленяет тпание мудрых и солнца за разума преизящество светлейших мужей писания прочитати и похвалное поистинне избрание, ибо яко червь неусыпающий над книгами преполезными [бод]рствуеши. Но с каким то намерением столько трудов, столько бдения над книгами? || Не всякой знает, и уже бо яко моль книжный во многих книгах упражняеся и листы оных зело тщательно прогрызением своим испроказил. Да, пожалуй, как и мою сию книжицу, которую я на российский язык о анфроскопии превел, читать будешь, не прогрызи листов. Знаю бо, что сия моя новопреведенная книжица || не уйдет твоего тпания, понеже и «Езда во остров любви» за приятность и за чистоту своего перевода, такожде и за материю, в ней трактуемую, всякия похвалы достойная, имела честь от тебя быть прочтенна, о которой ты^х зело благоразумно, как¹ и слепой о красках разсуждая, едва головы || своей не попортил и святую свою простоту и неведение, яко зрак светлый очесам нашим предпоставил и толикия показал резоны, что хотя бы мы и не знали, что ты долгия лета за школою и по неписанным книгам учился, чтобы тебе веру поняли, что ты умен от природы.

^х Испр. по П, в О тя; ¹ Испр. по П, в О так;

Правду сказать и по совести, оная книга за самую материю честному свету никак не может быть неблагоугодна, понеже трактует о любви, которую вначале сам Бог в раю узаконил и потом и в самой натуре основание свое имеет, и которая на самом феатре света, во Франции, просто ска[жу] — во всем политичном свете за вещь неззорную содержится. Разве ты у мордвы и чуваши инако научился? Еще же не помнишь ты, Зоилу бедный, сострадания достойный, сколь || остроумной автор оный вся качества и свойства любви той изыскал и представил, яко преводивший оную на российский язык господин Тредьяковский^н во избрании сея небезосновательное показал свое разсуждение; чистота же и приятность его перевода еще и деду твоему, бедный Зоилу, во сне не греживалася. Сия я сказал без всякого похлебства по такой чистой совести, которую, в сердце своем подвижен, правду до смерти своей должен есмь исповедати. Ныне ведай, Зоилу бедный, что я тебя за самого простяка признаваю и мышлю, что не токмо чего иного другаго, но и славенского не можешь разуметь языка, и что тебе || нужнее ведати, тебе предложу уже общим российским языком. Да вот и «Анфроскопия» моя сия тово же от тебе, что и «Езда во остров любви», ожидает, еще и горшего, понеже я в переводе^а сея смешенно славенского и российского общего употребил языка, что мне всякой разумной во зло не поставит, разсуждая обще немощь человеческую; и что я в том погрешил иногда для скорости, не могущи много разсуждати о малом деле, ведая, что позволяется в различных языках употреблять слов иностранных для лутчего изьяснения, или для красоты, или просто за употребление. Для чего же мне запретит кто мешать в славенском языке российский общий || или в российской славенския слова? Понеже сии оба языки от рождения моего мне природныя суть и с собою всякое сходство^н и согласие имеют. Ежели бы в тебе был разум, ты бы что худо усмотрел, то бы исправил и тако человеколюбие свое как издателю тое книги, так и доброжелательство^м свое всему показал обществу, а то все говоришь «Не так, сударь, худо, сударь», а почему не так и для чего худо, сказать не умеешь. Знать, деревенския бабы, на попрядуху собравшись, о сем с тобою конференцию имели и цензоровать тебя научили. Хорошо для вас книга о Бове королевиче, в которой повествуются древния оныя о Лукопере исполине, преславном Полкане || и Милитрисе истории. Еще же и книга Пчела, не знаю поистинне, которым автором изданная, без всякого погрешения сильной, яко благочестия твоего наставница, апробации достойна, ис которой ты многия доводы в публичных деспутациях на свадьбах у мужиков деревенских и у братины на праздниках со учеными оными дьячками и пьяным клиром привести можешь. Да полно, довольно, то толко хорошо, что ты зделал, а что протчия, то все худо! Я дивлюсь, что в голове твоей так мозгу мало, а на всякое разсуждение очень готово поспеваешь. Все то в тебе действует глупость, ея же || свет весь вместити не может, понеже несть такового мудреца, которого б ты осудить не одолжен и есть еще много и на небе, что

^н Испр., в ркп. Тредьяковтвий; ^к Испр. по П., в О пред; ^а Испр. по П., в О сходство; ^м Испр. в ркп. доброжелательство;

по твоему разсуждению худо сделано. Иногда и сам Бог на цензуру твою не гневается, понеже в посмеяние и себе и игралище ученому свету сделал. Ты ничево немощи человеческой не приписуешь, понеже сам един совершен еси. Да довольно, полно бранится, пора помирится. Я за простоту твою не сержуся. Мой автор говорит тебе, || а я еще приложу, благоразумный Зоиле:

Глуп ты, Зоиле, да и впредь глуп буди,
Знают, каков ты, все умные люди.
Хотя добра ты не можешь чинити,
Не поскучь глупость свою объявити.
Понеже и в том велика забава,
А твоя в веки так не умрет слава.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БРАН	— Библиотека Российской Академии наук
ГИМ	— Государственный Исторический музей
ИОЛЯ	— Известия Отделения русского языка и литературы Российской Академии наук
ИРЛИ	— Институт русской литературы (Пушкинский дом) Российской Академии наук
ОРЯС	— Отделение русского языка и словесности имп. Академии наук
РГАДА	— Российский Государственный архив древних актов
РГБ	— Российская Государственная библиотека
РНБ	— Российская Национальная библиотека
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ
ЦНБ АН Украины	— Центральная научная библиотека Академии наук Украины
ЧОИДР	— Чтения в Обществе истории и древностей российских

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Аввакум, протопоп 6, 80, 95, 127
 Август, император 37
 Августин Аврелий 35
 Авраамий, инок 95
 Адрианова-Перетц В. П. 127
 Азволинская И. Д. 15
 Аксаков И. С. 15, 115
 Аксаков К. С. 15, 115
 Александр I, император 45
 Александр II, император 40
 Алексеев М. П. 17, 19, 51, 76
 Алексеева М. А. 39
 Алексей Михайлович, царь 13, 38, 51, 77, 86, 113, 115, 117, 118
 Алексей Петрович, царевич 16
 Алкемаде И. 26
 Алпатов М. А. 12
 Амвросий Зертис-Каменский 63, 64
 Амвросий Марлиан 17
 Андреев А. И. 29, 30
 Анастасия Федоровна, наместница монастыря 103
 Анна Иоанновна, императрица 29
 Анохин Ф. Л. 32
 Антонида Даниловна, игуменья 103
 Антоний Радвильовский 59
 Аполлодор 31, 33
 Апраксин Ф. М. 39
 Аристотель 32, 134
 Афанасий Миславский 90
- Бабичев Н. Т. 36, 127, 128
 Бантъш-Каменский Д. Н. 39
 Баренбаум И. Е. 56
 Барклай Д. 21, 28, 44
 Барков И. С. 121, 126, 130
 Бароний Цезарь 20, 56
 Барсов А. К. 31
 Барт Р. 7
 Бассевич Г. Ф. 24, 116—118
 Баузе Ф. Г. 19
 Бахтин М. М. 8
 Бегунов Ю. К. 55, 117
 Белинский В. Г. 5, 120
- Белобоцкий Ян Андрей 95, 102
 Бенау А. Н. 40, 45
 Берков П. Н. 4, 26, 28, 52, 91, 98, 100, 112
 Берхгольц Ф. В. 24, 41, 44
 Бессель Х. Г. фон 19
 Биржакова Е. Э. 38
 Блок А. А. 75
 Бобров С. С. 62, 66
 Боброва Е. И. 16
 Богословский М. М. 25
 Богоявленский С. К. 38
 Боккалини Т. 18, 21
 Боккаччо Д. 48
 Боровский Я. М. 36, 127, 128
 Ботеро Д. 80
 Бох И. 50
 Браун Э. 87
 Браччолини П. 48
 Брижк Т. Н. 88
 Брюкнер А. 52
 Брюс Я. В. 109
 Буало Н. 101
 Будный Б. 19, 29—31
 Буланин Д. М. 11, 33, 34, 42, 67, 72, 74, 94
 Буний Леонтий 103
 Буто М. 14
 Быкова Т. А. 26, 32, 55
 Быстрова Е. А. 9
 Бычков А. Ф. 81
 Бэкон Ф. 69
- Валерий Максим 31, 34, 56
 Варений Б. 30
 Васильев А. 21
 Вебер Х. В. 6, 116—118
 Вейсманн Э. 109
 Вергилий 76
 Веселитский В. В. 38, 91
 Веселовский А. Н. 12
 Вильмут, офицер 39
 Виниус А. А. 22
 Виноградов Н. Н. 21, 88

Владимиров П. В. 35
Владиславич-Рагузинский С. 14, 20
Войнова Л. А. 38
Волков А. 66
Волков Б. 13
Волков И. 38
Вольтер 114, 118
Волынский А. П. 20, 28, 54, 56, 57
Вомперский В. П. 109
Вяземский П. А. 38

Гавиньский Я. 55
Гавриил Бужинский 16, 20, 43, 59, 60, 68,
69, 72, 74, 102
Гай Светоний Транквила 37, 42
Галинковский Я. 115
Гаспаров М. Л. 26, 62, 120, 131
Гваньини А. 57, 80
Георгий Амартол 34
Герасимов Д. 50, 51
Герберштейн С. 50
Гергард И. 22, 27, 30
Герц Г. Г. фон 21
Гершкович З. И. 9, 121
Гилберт К. 25
Гиппократ 32
Глинка С. Н. 35
Глок Э. 26, 27
Голиков И. И. 11, 36, 39, 114
Голицын В. В. 115
Голицын Д. М. 16, 18, 20, 32—34, 53—
56, 90
Голицын Н. Н. 115—117
Голицын П. А. 46
Голицын П. М. 41
Головин И. Ф. 38
Головин Ф. А. 38—40, 45
Гомер 31, 33
Гораций 25, 32, 100, 101, 111, 112, 125,
127—129
Гордон П. 40
Горский А. В. 31
Готье Г. В. 29
Горфункель А. Х. 105
Гофмансвальдау Г. 27
Градова Б. А. 20, 32, 33, 55
Греч Н. И. 43, 115
Грифиус А. 24
Грохольский М. Г. 104
Гроций Г. 16, 28
Гуго Г. 27, 30, 80, 109
Гудков Л. Д. 8
Гуковский Г. А. 90
Гурвич Т. 16
Гуревич А. Я. 42
Гуревич М. М. 26, 32, 55

Даль В. И. 76, 93
Декарт Р. 134
Делль Агата Д. 20
Демин А. С. 9

Державин Г. Р. 62, 66
Державина О. А. 60
Джиральди (Гиралдий) Г. Г. 107
Димитрий Ростовский 5, 25, 37, 75, 96—
99, 101, 104—106, 119
Дмитриевский И. 114
Добрынин Я. 63
Дрובה Н. П. 113
Дубин Б. В. 8
Дурново Н. Н. 95

Евангулова О. С. 44
Евдокимов И. 63—66
Евдокия Федоровна, царица 117
Евфимий Чудовский 72—74, 76, 77, 81,
85, 95
Евфросин, старообрядческий писатель 74
Екатерина I, императрица 81
Екатерина II, императрица 40
Елеонская А. С. 95
Елизавета Петровна, императрица 40, 41,
63, 117
Епифаний Славинецкий 56, 71, 72, 76
Епифаний, инок 80
Еремин И. П. 44
Есипов Г. В. 119
Ефремов П. А. 121

Живов В. М. 30, 131
Жуков П. Ф. 105

Забелин И. Е. 18
Замкова В. В. 60
Замысловский Е. 71
Замятин Г. 24
Зелинский Ф. Ф. 73
Зернова А. С. 32

Иван Васильевич Грозный, царь 4, 51
Иван Поборский 104
Ильинский И. 31, 90
Иоаким, патриарх 77, 85
Иоанн Максимович 5, 17, 22, 27, 81, 82,
96—99, 104, 109, 119, 120, 131
Иоанн Никитин 95
Иов, митрополит 104, 109
Иосиф Кречетовский 16
Иосиф Туробойский 18, 88
Иосиф Флавий 20
Исаченко А. В. 30
Исаченко-Лисовая Т. А. 76

Казанский П. 39
Каллимах 28
Каменева Т. Н. 32
Кантакузен Ф. М. 41

- Кантемир А. Д. 5, 9, 12, 18, 28, 31, 36,
 38, 67, 81, 82, 88—91, 93, 98, 101, 102,
 106—108, 111, 112, 118—133, 135
 Карамзин Н. М. 38, 114, 115
 Карнон Истомин 5, 42, 103, 114, 137
 Карл XII, король 25, 38
 Кастильоне Б. 51
 Катенин П. А. 115
 Квинт Курций Руф 31, 33
 Кебет 31, 33, 34
 Кибальник С. А. 71
 Киреевский И. В. 11
 Кирилл Транквиллион 102
 Клосс Б. М. 20, 32, 33, 55
 Ключевский В. О. 11, 70, 113, 114
 Кнапский Г. 56, 87
 Ковтун Л. С. 36
 Коет П. 104
 Коллинз С. 51
 Колоколов Д. 66
 Колосов В. И. 63
 Кондратович К. А. 56, 100, 108, 129
 Константин Манассия 34, 81
 Копиевский И. Ф. 20, 25, 30, 32, 33, 36,
 55, 82
 Копанев Н. А. 13
 Копцевич Г. 53
 Корб И. Г. 46—51, 136
 Корещкий В. И. 20, 32, 33, 55
 Корнелий Непот 31, 33, 34
 Коссен Н. 71
 Котляревский И. П. 76
 Кохановский П. 53
 Крехотень В. И. 59
 Кретьен де Труа 42
 Крижанич Ю. 51, 86
 Кропоткин М. 80, 88, 89, 101
 Круминг А. А. 22, 105
 Крылов И. А. 76
 Кудрявцев И. М. 13
 Кулаковский Ю. А. 31
 Кун Г. 25
 Кунст И. 23—25, 38
 Куприянов И. 92
 Курганов Е. 113
 Курганов Н. Г. 32, 100
 Кутина Л. Л. 38, 67
- Лабрюйер Ж. 19
 Лабынцев Ю. А. 56
 Лаврентий Горка 65
 Лаврецкий С. Ф. 51
 Ламбин П. П. 55
 Лаппо-Данилевский А. С. 13, 17, 20
 Левин Ю. Д. 67, 80
 Лейбниц Г. В. 12, 25
 Леонов С. А. 126, 128, 129
 Леопольд I, император 46
 Лесков Н. С. 29
 Лефорт Ф. 38, 40
 Ливий Тит 20, 31—34
 Липсий Ю. 17, 29, 34, 35, 68, 69, 73
- Лихачев Д. С. 3, 4, 7, 11, 13, 94, 96
 Лобода А. М. 31
 Локк Д. 15, 16, 20, 133, 134
 Ломоносов М. В. 12, 28, 105, 127, 131,
 132, 134
 Лопарев Х. 75
 Лоррихий Р. 56
 Лотман Ю. М. 6, 35, 37, 42, 43, 79, 132
 Лозинштейн К. Д. 24
 Лудольф Г. В. 16, 103, 104
 Лужный Р. 52, 56, 62, 106, 114
 Луппов С. П. 6, 54
 Любомирский С. Х. 53, 54, 57
 Люллий Раймунд 57
- Мазарини Д. 17—19, 30, 53
 Мазепа И. С. 27
 Майков Л. Н. 12, 31
 Макарий, митрополит 71
 Махаров В. К. 39
 Макиавелли Н. 18, 29
 Макробий 60
 Максимович И. П. 27, 56, 80, 81, 87—89,
 109, 110
 Малейн А. И. 47, 48, 50
 Малиновский А. Ф. 114—116
 Малэк Э. 22, 32, 46, 52, 55, 127
 Маргарита Наваррская 48
 Мардарий Хоников 80, 83, 95
 Марино Д. 54
 Марков А. 117
 Маркович Я. 77, 99, 133
 Мартынов И. Ф. 100, 105
 Маршалл 28
 Матвеев А. А. 32, 104
 Матхаузерова С. 67, 72, 76, 94
 Маяковский В. В. 75
 Мелетий Смотрицкий 125
 Мерзляков А. Ф. 107
 Мильтон Д. 80
 Михельсон М. И. 129
 Моисеева Г. Н. 19, 43, 48, 130
 Мольер Ж.-Б. 24, 115
 Монтень М. 54, 69
 Морозов Б. Н. 13
 Морозов И. И. 77
 Морозов П. О. 24, 114, 116
 Морозова Г. В. 100
 Морозова Н. П. 113
 Муравьев Н. М. 35
 Муравьева Л. Р. 9
 Мюрер М. А. 129
- Наталья Алексеевна, царица 24, 115—
 118
 Наталья Кирилловна, царица 103
 Наталья Петровна, царица 39
 Невоструев К. И. 31
 Некрасов И. С. 94
 Николаев Н. И. 25, 105

- Николаев С. И. 15, 21, 25, 27, 30, 32, 34,
 53—56, 65, 109, 111
 Николаева М. В. 17
 Николай, справщик 82
 Николай I, император 40
 Никольский А. 5
 Нильсон Н. О. 116
 Ничж В. М. 108
 Новиков Н. И. 119
 Носов И. 117
- Ожеховский С. 55, 57
 Орбини М. 20
 Орлов А. С. 21
 Ороновский, студент 16
 Осипов Н. П. 76
 Оссовская М. 42
- Павел Иовий 50
 Павел I, император 44, 45
 Павленко Н. И. 43
 Пайсий Хилендарский 20
 Паламарчук П. 117
 Панченко А. М. 4, 5, 9, 36, 46, 51, 55,
 57, 61, 63, 75, 76, 79, 87, 89, 94—96,
 134
 Палпроцкий Б. 55, 86
 Паткуль Я. Р. фон 21
 Паузе И. Г. 14, 16, 19, 26, 27, 31, 100
 Паскаль Б. 19
 Пекарский П. П. 12, 14, 22, 25, 30, 33,
 43, 61, 73—75, 77, 88, 90, 119
 Перетц В. Н. 4, 14, 26, 31, 100, 117, 130
 Перри Д. 49
 Петр I Великий 3—6, 9, 11—17, 19, 20,
 23—26, 28—33, 36—44, 46, 56—58, 61,
 66, 68, 73, 74, 78, 79, 103, 110, 115—
 117, 119, 133
 Петр II, император 100, 112
 Петр III, император 40, 45
 Петров В. П. 76
 Петрова З. М. 130
 Петрулин (Петрулев) Я. Ю. 101
 Петухов Е. В. 43, 60
 Пикнио Р. 132
 Писарев С. И. 11
 Пискатор Николай 80, 83, 95
 Плавт 128
 Плиний Младший 71
 Плутарх 19, 32, 37, 54
 Погорелов В. 13, 128
 Позднеев А. В. 63, 65
 Покровская В. Ф. 63
 Поликарпов Ф. 14, 56, 72, 82, 87, 88, 105,
 106, 120, 134
 Помяловский М. 116
 Поньрко Н. В. 57
 Посошков И. 106
 Поталов А. 104
 Прасковья Федоровна, царица 103
 Проперций 128
- Протасевич В. И. 82
 Протасьева Т. Н. 31
 Публий Овидий Назон 15, 28, 32—34, 56,
 99, 101
 Пумпянский Л. В. 12, 119, 129, 131, 132
 Пушкин А. С. 30, 77, 78, 81, 110, 111,
 115, 131
 Пуфендорф С. 16, 20, 28—30, 68, 69
 Пыляев М. И. 45, 117
 Пыпин А. Н. 4, 44
 Пясецкий П. 57
- Рабле Ф. 8, 51
 Радищев А. Н. 76
 Радовский М. И. 111
 Рико П. 15, 56
 Ришелье А. Ж. дю Плесси 17, 18, 30
 Робинсон А. Н. 20
 Ровинский Д. А. 115, 116
 Рогович М. Д. 108
 Родостамов М. И. 38
 Ромодановская Е. К. 9, 22
 Ромодановский Ф. Ю. 39
 Рубан В. Г. 30
 Румянцев А. И. 29
- Сааведра Фахардо Д. де 17, 68, 71, 73
 Саади 15
 Сазонова Л. И. 9, 95
 Саккетти Ф. 48
 Семевский М. И. 36, 46, 48
 Семенников П. 56
 Семенова Л. Н. 49
 Сенека Люций Анней 19, 32—34, 49, 54,
 70, 128
 Серман И. З. 5, 15, 46, 93, 117
 Сечихин И. М. 92, 93, 138
 Сивков К. В. 5
 Сидорова Л. П. 86
 Сильвестр Медведев 95, 114
 Симеон Полоцкий 6, 56, 62, 72, 73, 83—
 86, 88, 89, 94—97, 113, 114, 120, 128
 Симеон Солунский 77
 Симон Кохановский 17, 29, 34, 35, 61, 68,
 69, 72—74
 Скалигер Ю. Ц. 69, 108
 Скалигер И. Ю. 109
 Скарга П. 20
 Скоропадский И. И. 90
 Смилянская Е. Б. 55
 Смирнов И. П. 75
 Снегирев И. М. 36
 Соболевский А. И. 17, 19, 21, 33, 52, 56,
 71, 72, 74, 77, 90, 114
 Соколов С. 95
 Соловьев С. М. 36, 113
 Софронова Л. А. 9, 45
 Софья Алексеевна, царица 63, 114—116,
 118
 Спафарий Н. 36, 37, 49
 Сплавский Я. 23

- Старовольский Ш. 55, 57
 Степанов В. П. 29, 110, 118
 Стефан Яворский 4, 5, 59, 60, 65, 75, 98, 99, 104, 106, 113, 120, 134
 Столянский П. 43
 Стратеман В. 20, 29
 Строганов А. Г. 80
 Строев П. М. 5
 Стромиллов Н. С. 117
 Стрыйковский М. 57, 89, 101
 Сумароков А. П. 61, 114, 120
 Сухомлинов М. И. 61
 Сыромятников Б. И. 37
- Таннауэр И.-Г. 44
 Тассо Т. 21, 53
 Тарабрина И. 103
 Тарасевич Л. 115
 Татарский И. 114
 Татищев В. Н. 29, 30, 110, 113, 114
 Татьяна Михайловна, царица 41
 Тацит 70
 Твардовский С. 53
 Тезауро Э. 11
 Тейльс А. А. 19
 Тейльс А. В. 19
 Тейльс И. А. 19
 Темниковский Е. Н. 16
 Тереминский К. 39
 Терещенко А. 115, 116
 Тессинг Я. 20
 Тимошенко И. Е. 128
 Тимофеев Л. И. 125, 130
 Тихонравов К. 29
 Тихонравов Н. С. 24
 Толстой Л. Н. 7
 Толстой П. А. 15, 43
 Толстой Ф. А. 5
 Томашевский Б. В. 66
 Тополев В. П. 77
 Топоров В. Н. 7, 8, 26
 Травников С. Н. 9
 Тредиаковский В. К. 21, 28, 29, 62, 66, 67, 81, 90—92, 105, 112, 119—121, 130, 131
 Трог Помпей 77
 Троицкий С. М. 16
 Трубецкой Н. Ю. 29
 Турбин С. И. 55
 Тургенев И. С. 115
 Тяжкогорский И. 51
- Уваров С. С. 76
 Успенский Б. А. 6, 37, 42, 91, 92, 94, 112, 125
 Устрялов Н. Г. 41, 46
- Федор Алексеевич, царь 41, 71, 80, 95, 113, 114
 Федотова М. А. 105
- Федосеев А. 80
 Фенелон Ф. 21, 22, 44, 69
 Феодосий Яновский 119—120
 Феолог, инок 104—106
 Феофан Прокопович 5, 9, 12, 13, 16, 17, 28, 36, 37, 39, 41, 44, 59—61, 68, 69, 71—74, 77, 98—102, 106—113, 119, 120, 131—133
 Феофан, монах 14
 Феофил Кролик 81, 107, 119
 Феофраст 19, 32
 Филофей Лещинский 105
 Флор Юлий Анней 20, 31, 56
 Флоровский Г. 19
 Фома Кемпийский 15, 22, 27, 69, 103
 Франциск Эмилиан 133, 134
 Фредро А. М. 18, 19, 53, 57
 Фролов Э. Д. 31, 33
 Фукидид 71
 Фрыч Моджевский А. 57
 Фюрст О. 23—25, 38, 39, 45
- Хейзинга Й. 42
 Холшевников В. Е. 62
 Хотеев П. И. 105
 Хрущев А. Ф. 21, 22, 29, 69, 73
- Царевский А. 106
 Цезарь Гай Юлий 20, 24, 31, 32, 37
 Цицерон 32, 37, 70, 71, 73
- Черная Л. А. 38
 Чернов И. А. 8, 93
 Чернышев В. И. 117
 Чернышев И. Г. 29
 Чернышева А. В. 9, 111
 Чертков А. Д. 21
 Чижевский Д. И. 4, 125
 Чистов К. В. 60
 Чистович И. А. 5, 59, 99, 101, 104
 Чулков М. Д. 48
- Шаркова И. С. 17
 Шафиров П. П. 38
 Шаховской А. 115
 Шереметев Б. П. 43
 Шишкин А. Б. 112
 Шкляр И. В. 81, 107, 111
 Шляжкин И. А. 37, 98, 104, 106, 117
 Шпенглер О. 6
 Штелин Я. 37, 114
 Шумахер И. Д. 29, 91
 Шхонебек А. 42
- Щербатов М. М. 133
- Эзоп 31, 33, 34

Эйдельман Н. Я. 44
Эйхенбаум Б. М. 7, 8
Эпиктет 19, 31—34
Эразм Роттердамский 19, 69, 127

Ювенал 25
Юлий Фронтин 31

Якобсон Р. О. 8
Ян Собеский, король 54
Янковска Л. А. 104
Яхонтов И. 84, 85, 102

Baehr S. L. 11
Berndt M. 5
Bolgar R. R. 69
Bortnes J. 3
Bradley S. R. 35
Bristol E. 3
Bruss J. 63
Buchwald-Pelcowa P. 55

Chrościcki J. 45
Cinciała A. 65
Čiževskij D. см. Чижевский Д. И.
Crackraft J. 5
Croll M. W. 69
Curtius E. R. 118

Dąbrowski S. 8
Dmitruk K. 8
Drage C. L. 63
Dziechcińska H. 8

Feofan Prokorovič, см. Феофан Прокопович

Grasshoff H. 81

Hazard P. 25
Hemas C. 65
Highet G. 70
Hippisley A. 62
Howells D. L. L. 23
Huizinga J. 42

Kochanowski J. 62, 114
Korb J. G., см. Корб И. Г.
Krzyżanowski J. 50, 51, 61

Lachmann R. 71

Lewin P. 58, 65, 100
Ludolf H. W., см. Лудольф Г. В.
Łoziński W. 45
Łużny R., см. Лужный Р.

Maeynowa M. R. 62
Małek E., см. Малек Э.
Marcialis N. 21
Marker G. 6
Mikulski T. 86
Moser C. A. 3

Nilsson N. A. 116
Nowak-Dłużewski J. 55
Nowicka-Jeżowa A. 65

Ossowska M. 42
Otwinowska B. 69, 80, 99, 118

Pietraszko S. 8

Rok B. 45
Rothe H. 63
Rotunda D. P. 48

Scaliger I. C., см. Скалигер Ю. Ц.
Scaliger I. J., см. Скалигер И. Ю.
Schäfer F. 63
Schreiber E. 21
Schroeder H. 91
Simeon Polotsky; Symeon Połocki, см. Симеон Полоцкий
Sokolski J. 65
Strykowski M., см. Стрыйковский М.
Sullivan J. 63
Sypher W. 69
Szczerbicka-Ślęk L. 62

Tetzner J. 16
Thomson F. J. 31

Vickers B. 80
Vries A. de 40

White H. O. 99

Żera K. 61
Żółkiewski S. 8
Żukowska-Billip K. 61

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I	
Литературная политика Петра I и переводная литература	11
Экспюры	
1. Античность в кругу переводных памятников	31
2. Рыцарская идея в похоронном обряде Петровской эпохи	38
3. Новелла в игровой культуре	46
Польско-русские литературные связи в эпоху Петра I	52
Экспюры	
1. Роль устной традиции в литературных связях	59
2. Польская строфа в русской силлабике	62
О стилистической позиции русских переводчиков Петровской эпохи	67
Глава II	
Новая литературная действительность	79
«Гаждатель» Зоил и «благорассудный читатель»	83
Литературная собственность	94
Экспюры	
Были ли писателями дети царя Алексея Михайловича?	113
Глава III	
«Стихотворное наречие» поздней силлабике	119
Заключение	133
Приложения:	
1. Отрывок из «Дневника» И. Г. Корба в переводе начала XVIII в.	136
2. Печатные дарственные надписи из «Букваря» (1694) Кариона Истомина	137
3. Предисловия И. М. Сечихина к его переводу 1732 г. физиогномического трактата «Анфроскопия»	138
Список сокращений	144
Указатель имен	145

Сергей Иванович Николаев

**ЛИТЕРАТУРНАЯ КУЛЬТУРА
ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ**

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук*

Ответственный редактор *А. М. Панченко*
Художник *Р. П. Костылев*
Редактор издательства *В. С. Волкова*
Технический редактор *Н. Ф. Соколова*
Корректор *И. А. Динабург*

ЛР № 061824 от 23.11.92 г.
Сдано в набор 22.04.96. Подписано к печати 10.08.96.
Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 9.5. Уч.-изд. л. 10.5.
Тираж 1200. Зак. № 303

Издательство «Дмитрий Буланин»

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12